ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1975 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Салют, Победа!

Салют, Победа! — под этим девизом шли пионерские отряды нашей страны маршрутами Всесоюзного Марша «Всегда готов!», посвященного 30-летию Победы над фашистской Германией.

Л. СИМОНОВА

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Салют, Победа! — так называется международный детский фестиваль в Артеке, в котором участвуют пионеры социалистических стран, ребята из разных стран мира.

Салют, Победа! — говорят все участники Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоем доме», собравшись на торжественную линейку, которая проходит на страницах журнала «Пионер» в тот самый момент, когда поднялся на мачту флаг международного детского фестиваля в Артеке.

Пропели свою гордую песню горны.
Пробили торжественную дробь барабаны,
замер в салюте наш пионерский строй.

В этом строю мы стоим рядом с нашими дедами и отцами, с нашими бабушками и мамами, соседями по дому и односельчанами, с ветеранами войны — друзьями наших пионерских отрядов и дружин. Мы — внуки и дети тех, кто победил в жестокой схватке с фашизмом, тех, кто жизни своей не жалел, чтобы отстоять завоевания Революции, счастливое будущее Страны Советов.

...Я, **Меркулова Ирина,** живу в Челябинске, учусь в 5-м классе 140-й школы. Мой дедушка Иван Иванович Меркулов воевал в конной разведке. Из нашего поселка вместе с дедушкой пошли в армию, в конную разведку, одиннадцать человек, а вернулся с войны он один. Дедушка был ранен, контужен. И сейчас у самого его сердца остался осколок от вражеского снаряда. Мой дед — мужественный человек, но не странно мне, что, вспоминая войну, он плачет — стольких друзей он потерял...

★

...Я, **Александр Осадский,** с Украины, со станции Лихой, Юго-Восточной железной дороги. Мой дед вместе с другими нашими солдатами и командирами форсировал Днепр. Он рассказывал мне, как удалось ему и его товарищам перехитрить врага, перевезти на другой берег боеприпасы на плоту, укрыв их сверху бревнами. Деда наградили орденом Красного Знамени. Я очень горжусь своим дедушкой...

★

...Меня зовут **Бурул Алиева.** Я из Киргизии, из села Калиновка. Мой дед Сулейман Алиев был зенитчиком. Он сбил два вражеских самолета и получил медаль «За отвагу». Потом он был ранен, лечился в госпитале, потом снова воевал. За прорыв обороны фашистов в районе Звенигорода он еще раз был награжден медалью «За отвагу». Дед дошел до Берлина, у него много медалей. А после войны он учил ребят, был директором школы, и за этот труд у него медаль «За трудовое отличие»...

★

...Я дочь летчика, гвардии майора, **Аметова Людмила.** Учусь в 5-м классе 2-й школы, а живу в городе Алмалык, Ташкентской области. Папа показывал мне архивные документы, в которых есть сообщение о том, что самолет его погиб в бою, но папа остался жив. Он награжден орденом Красной Звезды и медалями...

...Мой дядя Адил Гусейнович Кулиев — Герой Советского Союза. Он рассказывал мне, что участвовал в боях на семи фронтах Великой Отечественной войны. Награжден семью орденами и десятью медалями. Я подробно записал все его рассказы. Меня зовут **Эльман Гасанов,** я живу в Баку, учусь в 6-м «А» 174-й школы. Я хочу быть достойным своего дяди...

★

...А меня зовут **Онуте Шумките.** Я воспитанница Куршенайского детского дома, я из Литвы. Я хочу рассказать вам о директоре нашего дома Теофилии Бетлинскене, которую все ребята зовут у нас «мамите» — мама. Во время фашистской оккупации мамите берегла детей, потихоньку от врагов рассказывала им о Красной Армии, о том времени, когда придет Победа и снова над Куршенаем будет реять красный советский флаг. У нашей общей мамы Теофилии есть медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»...

★

...Мы — **пионеры дружины имени С. М. Буденного** средней школы № 7 города Новочер-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда» Москва 1975 г.

касска Ростовской области. Наша школа молодая, и район наш новый, и в школе нашей учится больше тысячи ребят. Во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме» участвовало 1 009 пионеров. Мы узнали, что дедушка Лены Чепусовой был на войне шофером, возил на передний край боеприпасы, а оттуда доставлял в госпиталь раненых солдат и офицеров. Закончил он войну в Праге и имеет много правительственных наград. Папа Миши Агафонова работает в научно-исследовательском институте. Мы и не думали, что до войны он был трактористом, семнадцатилетним юношей ушел на фронт. Прошел всю войну, а кончил ее на границе с Маньчжурией, в боях с японскими самураями. Мы прочли военный дневник Елены Васильевны Бурцевой, мамы Юры Бурцева. Она была санинструктором, защищала Москву, участвовала в тяжелых боях в Белоруссии, воевала на Украинском фронте. На фронте приняли ее в партию. Ушла она на войну из 9-го класса нашей 1-й средней новочеркасской школы, была чуть-чуть старше нас. Мы теперь многое знаем о героическом прошлом наших родных и близких и хотим быть на них похожими...

...Мы, **члены городского пионерского штаба «Ровесник»** города Краснотурьинска, Свердловской области, сообщаем, что во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме» приняло участие 18 пионерских дружин, 150 пионерских отрядов. Сколько интересных людей, оказалось, живет рядом с нами! Сколько было у нас встреч, сколько рассказов записали мы о подвигах на войне! Мы сделали уже 3 альбома для музея боевой славы Дворца пионеров...

...Нас совсем недавно приняли в пионеры, ко Дню Победы. Когда мы вели сбор-поиск «Орден в твоем доме», мы были еще **октябрятами.** Учились в 3-м классе школы № 4 города Обнинска. Мы познакомились с очень интересными людьми и подружились с ними. Так получилось, что сбор-поиск «Орден в твоем доме» — наш первый пионерский сбор...

И вот теперь на нашей торжественной линейке все отряды и дружины, все клубы красных следопытов и тимуровские команды, все пионеры и октябрята — участники Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоем доме» склоняют голову перед боевыми знаменами, под которыми сражались и победили наши бойцы.

МИНУТОЙ МОЛЧАНИЯ МЫ ЧТИМ ПАМЯТЬ ВСЕХ, КТО С ВОЙНЫ НЕ ВЕРНУЛСЯ.

И в этот торжественный момент мы говорим...

...Мы послевоенное поколение. Мы помним нашу землю всегда только красивой, щедрой, радостной, как сейчас. Но память о героях, павших в боях за счастливое сегодня нашей Родины, вечна в наших сердцах. Мы приняли эстафету от старшего поколения, чтобы продолжить дело отцов, и готовы всегда повторить их подвиг.

Пионеры пос. Свесса, Сумской обл.

...После сбора-поиска «Орден в твоем доме» мы другими глазами посмотрели на наших соседей, которых знали с самого нашего рождения, а теперь узнали заново. Слезы пожилых, смелых людей мы никогда не забудем, а их рассказы будут всегда помогать нам быть честными, добрыми людьми. Постараемся быть достойными этих людей, завоевавших для нас мирную жизнь.

Лида Чернюк (6-й класс) и Костя Шапа (3-й класс), г. Джезказган.

...Мы как бы заново знакомились с теми людьми, которых, как нам казалось, давно знали. Мы поняли главное: мы помним об их подвиге, мы не забудем тех, кто отдал жизнь за Родину.

Пионерский отряд 7-го класса, школы № 2, поселок Табача, Якутская АССР.

...Хочется сделать в память героев-воинов что-то прекрасное. Сочинять стихи, слагать песни. Но я еще не умею, мне 11 лет. Попробую...

Склонились знамена в колоннах живых,
Никто не забыт из друзей боевых!
Мир будет их подвиги помнить всегда,
Клянемся и мы не забыть никогда!..

Лариса Баканова, г. Харьков, 124-я средняя школа.

Сегодня в МЕЖДУНАРОДНОМ ПИОНЕРСКОМ КЛУБЕ «ТОВАРИЩ» собрались участники Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоем доме».

Вместе с **Наташей Гидирим** из Брянска у нас в гостях ее дедушка **Александр Григорьевич Ефремов.** Свой орден Красной Звезды он получил за освобождение польского города Познань. Но не он рассказывает о боях на улицах Познани и не Наташа, а **польские харцеры,** с которыми дружит Александр Григорьевич и переписывается много лет.

«...В одном из фортов на высоком берегу реки Варта роту солдат, в которой находился Григорий Иванович, окружили гитлеровцы. До ближайшей штурмовой группы не меньше километра. По рации связаться не удалось — «сели» батареи. А фашисты все теснее сжимают кольцо, и надо прорваться через него, чтобы попросить о помощи. Ефремов посоветовался с комбатом, надел шинель и пилотку с убитого гитлеровца и пошел напрямик через пустырь, окружавший форт. Фашисты спохватились поздно, открыли стрельбу, но Григорий Иванович добежал до обрыва, скатился кувырком вниз к реке и добрался до своих. Минометчики открыли по фашистам огонь. Под прикрытием этого огня стрелковая рота ворвалась в форт, и вместе с той ротой, в которой служил Григорий Иванович, они выгнали гитлеровцев из форта. А Ефремов получил орден и благодарность Верховного Главнокомандующего...»

Письмо,

которое красные следопыты 7-го класса города Нидеродервитц в ГДР посылают красным следопытам Советского Союза.

Наш класс получил задание разыскать советских офицеров, которые в 1945 году находились в Ольберсдорфе. Ольберсдорф расположен на границе трех государств — ГДР, ЧССР и Польши.

Мы знаем, что среди советских воинов был капитан Петров. Он прибыл в Ольберсдорф с пехотным полком. Известно еще, что жена капитана была инженером. В мае 1945 года он встречался с коммунистом товарищем Ферманном, который служил тогда в народной полиции. На память товарищ Петров подарил товарищу Ферманну фотографию. Помогите нам разыскать капитана Петрова...

В МЕЖДУНАРОДНОМ ПИОНЕРСКОМ КЛУБЕ «ТОВАРИЩ» выступает участник штурма Берлина, кавалер ордена Славы **Ермолай Михайлович Баранников.** Он пришел вместе с **пионерами 4-го класса «Б» 45-й школы**

из Улан-Удэ Бурятской АССР. Ермолай Михайлович преподает в этой школе историю.

«Мы наступали на Берлин. На марше наша минометная батарея буквально лицом к лицу столкнулась с гитлеровской пехотой. Фашисты появились неожиданно, выскочили из-за угла. Действовать нужно было немедленно. Одна за другой полетели в гитлеровцев гранаты, застрочили наши автоматы. Враги растерялись, а наши под прикрытием минометного огня пошли в атаку. Гитлеровцев было в два раза больше, но многие стали сдаваться в плен, многие бросились бежать. В конце войны фашисты были растеряны, но бои за Берлин шли упорные...»

Рассказывают **красные следопыты основной девятилетней школы деревни Слатинице, которая находится в Моравии (ЧССР):**

«...В нашей деревне не шли бои. Фронт был далеко. Но нам хотелось принять участие в сборе-поиске «Орден в твоем доме», и мы искали людей, которые во время войны работали в подполье. Две наши девочки встретились с товарищем Клайбером, который вместе с семнадцатью товарищами помогал партизанам. Мы давно знали товарища Клайбера, скромного человека, и не думали, что он такой отважный и смелый. Он пришел к нам и рассказал, как они тайно привезли из города радиопередатчик, чтобы наладить связь с другими подпольными группами, как вредили врагам всем, чем могли... Он сказал: **«Не забывайте, что не во всем мире дети так счастливы, как вы, что не везде пока еще мир, и за мир, за свободу и независимость борются многие народы. Помогайте им в их борьбе. Растите интернационалистами...»**

(Продолжение на стр. 6)

В Артеке, на выездном заседании, Всесоюзный штаб Тимура рассмотрел донесения тимуровских команд, отрядов и штабов о выполнении операции «Красные звезды Тимура», посвященной 30-летию Победы. В дни Международного детского фестиваля «Салют, Победа!» создавался этот специальный экстренный выпуск «Боевого листка». И вот номер готов, мы вывешиваем его на самом видном месте.

Ко Дню Победы

Из донесения штаба Тимура при Доме пионеров г. Тутаева, Ярославской области.

Подружились со всеми нашими земляками — участниками Великой Отечественной войны. Помогали всем, кому нужна помощь. Хлопочем о персональных пенсиях для многих ветеранов войны.

Часто старые воины просят нас помочь им встретиться с их боевыми товарищами. Стараемся выполнить эту просьбу, хотя теперь не так просто отыскать людей, которые расстались после войны, тридцать лет назад. Прошли по пути Ярославской Коммунистической дивизии, разыскали ее бойцов и командиров, записали их воспоминания. Организовали встречу однополчан.

Считалось, что гвардии полковник Михаил Семенович Смирнов (он геройски погиб, освобождая город Каменец-Подольск) родился в Москве. Так сказано на мемориальной доске, установленной в Каменецк-Подольске. Мы выяснили, что родился Михаил Семенович в нашем районе, в деревне Колечково. Ушел в армию из колхоза «Колос». Горком комсомола города Каменецк-Подольска в ответ на наше письмо сообщил, что ошибка на мемориальной доске будет исправлена.

«КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ ТИМУРА»— ЭТО И НАША ОПЕРАЦИЯ!

Из донесения штаба Тимура Маклаковской средней школы Думиничского района Калужской области.

Имена многих солдат и офицеров, которые погибли в боях за наши села, остались неизвестными. Долгие

годы их родные не знали ничего о их последнем сражении, не знали, где они похоронены. Мы установили имена и фамилии 3 981 воина, павшего в жестокой схватке с врагом на нашей калужской земле. Ухаживаем за братской могилой. Разыскали родных погибших воинов, и они приезжают теперь к нам.

По заданию Архива Министерства обороны СССР и Советского Комитета ветеранов войны мы нашли могилы Героев Советского Союза В. А. Ионесяна, С. А. Кукунина, И. С. Хиркова. На их могилах установлены памятники.

Расскажем вам только одну историю нашего поиска — об одном подвиге, совершенном в бою за освобождение нашего села Маклаки.

Огненный экипаж

Меж тополей нашего школьного сада стоит памятник на братской могиле. Три строки среди имен похороненных здесь воинов оставались пустыми. Было написано просто: «Три танкиста».

Мы писали в Архив Министерства обороны СССР, бывшим командующим танковых соединений и бригад. Расспрашивали старожилов села. И узнали...

...Маклаки в 1942 году фашисты превратили в укрепленный опорный пункт. Отсюда они наступали на Сухиничи. Нашим войскам было дано задание выбить фашистов из Маклаков и отрезать им путь к Сухиничам.

5 марта пехотинцы пошли в наступление под прикрытием двух танков. Фашистские пулеметчики и минометчики открыли по танкам шквальный огонь. Танки сделали маневр: разошлись в разные стороны, спустились в лощину и неожиданно выскочили у крайних домов села.

Одна «тридцатьчетверка» пошла за домами, по огородам, и открыла огонь по фашистскому орудию. Прямым попаданием орудие и расчет были уничтожены. Но и танку не повезло — он наскочил на мину. Танкисты успели выскочить из танка, отстреливаясь, скрылись в кустарнике...

Другая «тридцатьчетверка» двигалась прямо по сельской улице, ведя огонь по фашистским пулеметам и минометам. Ударила из пушки по сараю, в котором хранились боеприпасы,— сарай взлетел на воздух. Из другого сарая фашистские пулеметчики стреляли по танку и по нашей пехоте. Пехотинцам пришлось залечь на ровном снежном поле. Танк всем своим корпусом ударил по сараю. Сарай рухнул, похоронив под своими обломками фашистов. Фашисты, засевшие в домах, бросились бежать, и многие из них попали под меткий огонь танкистов.

Одному фашисту удалось укрыться за углом дома, у самой дороги. Когда танк проходил мимо, он бросил в него противотанковую гранату. Танк остановился. На снегу бессильно распласталась перебитая гусеница. Фашисты бросились к раненому танку, орали, чтобы танкисты сдавались в плен. Танкисты подпустили врагов на близкое расстояние и расстреливали их в упор. Тогда гитлеровский офицер приказал забросать танк бутылками с зажигательной смесью. Танк загорелся. Погибая, танкисты пели «Интернационал»...

Больше тридцати лет прошло с тех пор. Мы все-таки узнали их имена. Командовал героическим экипажем, который у нас в селе прозвали «огненным», младший лейтенант Бегун Зиновий Оскарович. Башенным стрелком был старший сержант Иван Тихонович Тишков. Управлял танком механик-водитель старший сержант Степан Арсентьевич Голованенко.

РАННИМ УТРОМ 9 МАЯ...

Из донесения Тани Калашниковой и Иры Тюменевой, которое они отправили по поручению клуба юных гайдаровцев при Центральной детской библиотеке г. Севастополя.

Ранним утром 9 мая мы по цепочке собираем всех тимуровцев и расходимся по квартирам фронтовиков. Мы все нарядные, в парадной пионерской форме, с цветами, сувенирами, которые долго готовили, с поздравительными открытками. Мы очень волнуемся...

Звонок в дверь. Слышатся шаги в коридоре. Щелкает замок. И вот перед нами... Григорий Иванович Ермаков, старый моряк, освобождавший от фашистов наш родной Севастополь. Ребята поздравляют его, желают ему много счастливых дней...

Григорий Иванович тоже волнуется. И от волнения не может произнести ни слова. Сегодня он еще раз вспоминает свой боевой путь, своих товарищей. Сколько их полегло на полях сражений!.. Мы понимаем, ему трудно говорить, рассказывать в этот день. Мы рассказываем ему, как готовились ко Дню Победы, как учились, как помогали взрослым, какими делами гордимся, чем пока еще недовольны...

А в других квартирах наши ребята-тимуровцы встретились с другими старыми воинами, которые отстояли для нас мир и счастливую жизнь. Мы давно подружились с ними. Мы хотим, чтобы они чувствовали, что мы их любим и всегда придем к ним по первому зову, выполним любую просьбу. И еще мы хотим, чтобы они были уверены, что мы их не подведем...

ОТ ШТАБА: Недавно тимуровцы Севастополя были награждены почетной грамотой Главнокомандующего Краснознаменного Черноморского флота «За чуткое отношение к ветеранам Великой Отечественной войны». Всесоюзный штаб Тимура поздравляет севастопольских тимуровцев с высокой наградой. ОПЕРАЦИЯ «КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ ТИМУРА» продолжается! ТВОЙ ОТРЯД, ТВОЯ КОМАНДА, ТВОЙ ШТАБ ТИМУРА могут принять в ней участие!

Письмо,

которое **Галя Артемова** просит передать **польским харцерам.**

«...Дорогие друзья!
Мой дедушка Яков Александрович Артемов был председателем сельского Совета села Новоурупского. Ушел добровольцем на фронт. Бабушка осталась с шестью детишками. Когда в село вошли гитлеровцы, полицаи выдали ее, сказали, что она жена председателя и коммуниста. Бабушку посадили в сырой подвал, должны были расстрелять, помог староста. Фашисты не догадывались, что он партизан и подпольщик. Бабушка жила мечтой, что скоро наши победят, вернется с войны ее муж, ее старший сын. Но сын погиб в бою. А перед самой Победой, 16 апреля 1945 года, пришла похоронная, в которой говорилось, что, проявив героизм и мужество, погиб ее муж, мой дедушка. Бабушка тяжело заболела. А когда немного пришла в себя, стала работать в колхозе. За хорошую работу она награждена орденом Ленина и юбилейной Ленинской медалью «За доблестный труд». У бабушки еще много почетных грамот. А за хорошее воспитание детей — два ордена «Материнской славы». Сейчас бабушка на пенсии, растит внуков и правнуков. Тимуровцы помогают ей, а она всегда приходит на пионерские сборы в школу. Мы с бабушкой очень просим польских харцеров отыскать могилу дедушки — Якова Александровича Артемова. Он похоронен в братской могиле в Польше. Все, что удастся узнать, просим прислать по адресу: КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, г. АРМАВИР, АПАЖСКИЙ ПЕР., Д. 6, КВ. 7. АРТЕМОВЫМ.

Начало на страницах 3, 4.

В дни Международного детского фестиваля «Салют, Победа!» на берегу Черного моря в Артеке зажгутся пионерские костры.

Будут шуметь волны.
Будут гореть звезды в темном южном небе.
Будут говорить солдаты с внуками и детьми солдат.

И на наших журнальных страницах, в этом номере, где мы продолжаем Всесоюзный сбор-поиск «Орден в твоем доме», пусть тоже горит костер. КОСТЕР ДРУЖБЫ всех поколений Страны Советов.

Салют вам, отстоявшие свободу и независимость нашей Родины!

САЛЮТ, Победа!

НАГРАДА

Грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина награждены за активное участие во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме»:

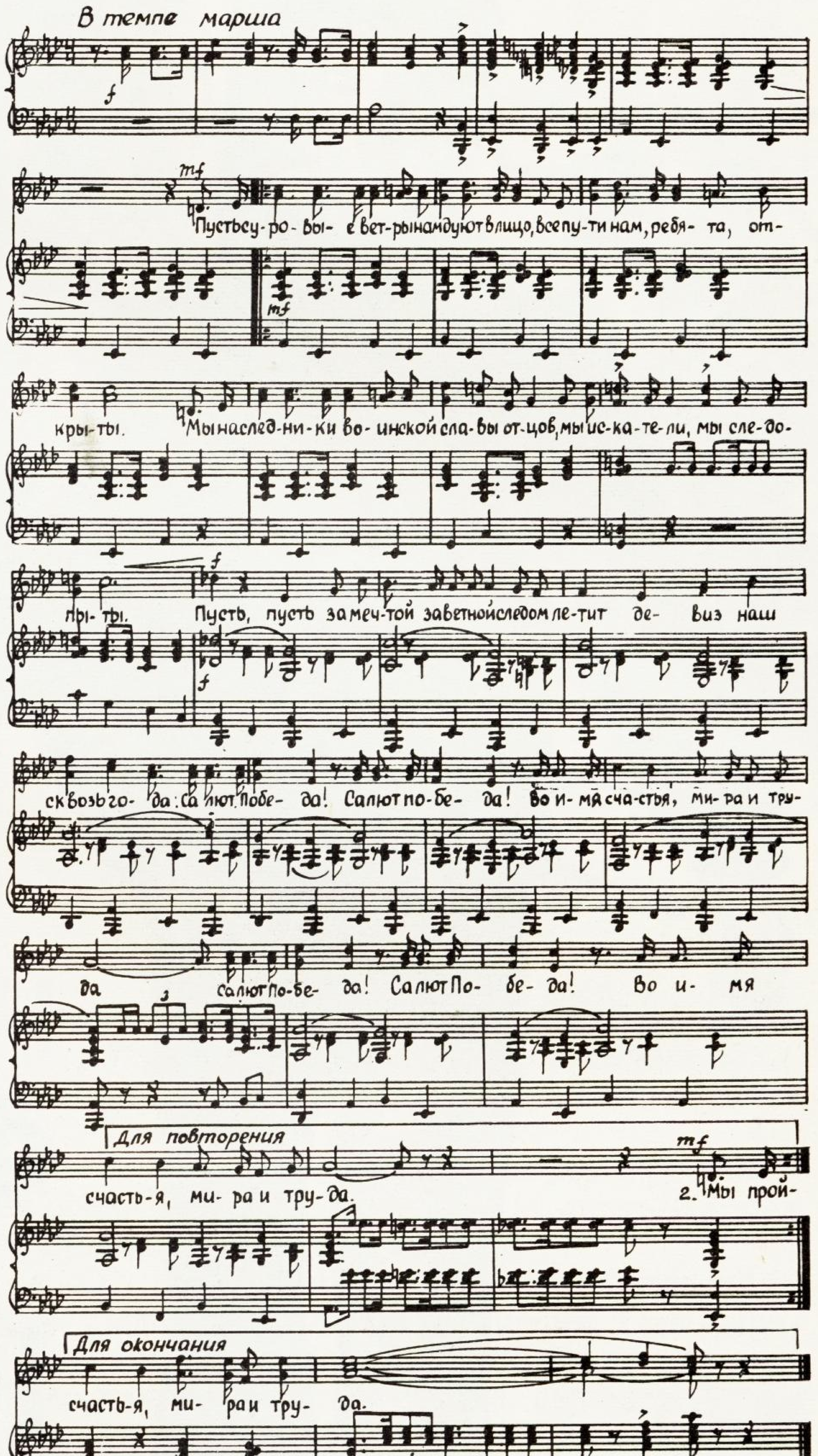
городской пионерский штаб г. Краснотурьинска, Свердловской области;
юнкоровский пост средней школы станицы Советская, Ставропольского края;
детский сектор, пос. Свесса, Ямпольского района, Сумской области;
районный пионерский штаб «Огонек», пос. Павловск, Павловского района, Алтайского края;
пионерская дружина 8-й школы, г. Наро-Фоминска;
пионерский штаб Октябрьского района, г. Челябинска;
пионерская дружина Оредежмской средней школы, Лужского района, Ленинградской области;
пионерский отряд 4 класса «В», 63-й школы, г. Ижевска;
пионерский отряд имени А. П. Гайдара 4 класса «А», 784-й школы, г. Москвы;
пионерский отряд имени Ю. А. Гагарина 6 класса «А», средней школы № 23, г. Жданова;
пионерский отряд «Мирный» 5 класса «А», станция Саблино, Тосненского района, Ленинградской области;
пионерский отряд 7 класса «Б», средней школы № 3, г. Балакова, Саратовской области;
пионерская дружина школы № 4, г. Светловодска, Кировоградской области;
пионерский отряд 5 класса «В», школы № 6, г. Раменское, Московской области;
пионерская дружина имени Г. С. Титова, школы № 20, г. Вологда;
пионерский отряд 4 класса «А», средней школы № 4, г. Онега;
пионерская дружина школы № 4, г. Великие Луки, Псковской области;
пионерское звено № 2, 7 класса «А», 18-й школы, г. Москва;
пионерская дружина имени С. Буденного, средней школы № 7, г. Новочеркасск, Ростовской области.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

СПАСИБО

всем пионерским дружинам и отрядам, клубам красных следопытов и тимуровским командам, всем пионерам и октябрятам, принявшим участие во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», в операции «Красные звезды Тимура».

А теперь пусть у пионерского костра прозвучит песня о нашей дружбе, о наших делах, о нашем празднике.
Такую песню вам подарили лауреат премии Ленинского комсомола композитор Юрий ЧИЧКОВ и поэт Константин ИБРЯЕВ.

САЛЮТ, ПОБЕДА!

Пусть суровые ветры нам дуют в лицо —
Все пути нам, ребята, открыты:
Мы наследники пламенной славы отцов,
Мы искатели, мы следопыты.

ПРИПЕВ:

Пусть,
пусть за мечтой заветной следом
Летит девиз наш сквозь года:
«Салют, Победа! Салют, Победа!
Во имя Счастья, Мира и Труда!» } 2 раза

Мы пройдем по местам, где гремела война,
Где сады расцветают сегодня.
Всех героев своих знает наша страна —
Вместе с нею мы славим их подвиг.

ПРИПЕВ.

В. КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ФЛАГ-КАПИТАНЫ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА и А. ГРИШИНА.

Новый день пришел, а замок по-прежнему украшал дверь «Эспады». Сережа не выдержал и позвонил в редакцию. Неловко было звонить, страшновато даже, но ждать он больше не мог.

Ларцев не удивился звонку. Даже будто ждал его.

— Ты, Сергей, зашел бы ко мне,— предложил он.— По телефону трудно объясняться. Если можешь, прямо сейчас приходи.

Сережа встревожился и помчался в редакцию.

У Владимира Матвеевича было недовольное лицо. И озабоченное.

— Раздевайся, садись. Вон вешалка, вон стул... Я только что беседовал с вашим Олегом, все ему рассказал. А он просил, чтобы я и тебе все объяснил.

— Почему?

— Почему просил? Не знаю. Наверное, потому, что ты один из командиров в вашем отряде... Знаешь, осложняется дело.

— Я чувствую,— с досадой сказал Сережа.

Затарахтел телефон. Владимир Матвеевич приподнял и положил трубку.

— Что касается вашего домоуправа, то его песенка спета,— сообщил он.— С работы его уберут. И еще кое-кому придется несладко. На Олега ваши недруги целую кипу заявлений написали: и работник он никудышный, и характер у него вредный, и ребят он не тому учит... Всю эту чушь мы зачеркнули. Крест поставили. А вот с помещением сложнее.

— Но если крест, то... — начал Сережа.

Опять зазвонил телефон. И опять Ларцев приподнял и положил трубку.

— С помещением сложнее,— повторил он.— Была специальная комиссия. Она признала, что дом совершенно не годен для детского клуба. Духота, теснота, сырость. И вообще он аварийный, на снос его назначили. Говорят, опасно в нем находиться.

— Столько времени жили, никакой опасности не было,— сказал Сережа.

Ларцев кивнул.

— Я понимаю. Но на втором этаже, где у них кладовые, протекала батарея. Надо было перекрыть воду, а слесарь «забыл». Батарею прорвало, вода пошла вниз. Теперь там полный разгром: штукатурка обвалилась, двери разбухли, полы перекосило... Комиссию можно понять: она о детях заботится.

Сережа сказал чуть не со слезами:

— Значит, нам теперь деваться некуда?

— Нам из райсовета письмо прислали, ответ на статью. Обещают при первой возможности дать клубу новое помещение. В новом доме, который строится на Октябрьской.

— Строится! Там еще первый этаж не готов!

— Да, я знаю. А пока, говорят, ребят можно распределить по другим клубам, по разным кружкам и секциям. В Дом пионеров, в спортшколу...

Сережа хмыкнул.

— В том-то и дело,— откликнулся Владимир Матвеевич.— Вариантов много, и все неплохие. Но ни один из них не спасение для вашего отряда... Есть, правда, еще один способ.

— Какой?

— Добиваться своего. Упрямо ждать. Не распускать «Эспаду». Никому не давать покоя, требовать, требовать. А мы поможем. Но времени уйдет немало.

— Ну и пусть! Лишь бы добиться!

— Но в этом деле тоже есть большая сложность...

— Какая?

— С вашим командиром, с Олегом, это связано. Он сам объяснит, наверно.

Приоткрылась дверь, и в комнату заглянула женщина. Сережа ее узнал: это с ней он разговаривал, когда хоронили Алексея Борисовича.

Женщина сказала сердито:

— Владимир Матвеевич! Я звоню, звоню! Мне нужны гранки.

— У меня посетитель,— сказал Ларцев.

Женщина взглянула на Сережу. Тоже узнала.

— Ах вот что... Тогда через полчаса.

Она коротко кивнула им и прикрыла дверь. Ларцев мельком посмотрел на часы. И Сережа сообразил, что у Владимира Матвеевича еще десятки дел, не менее важных, чем «Эспада».

— Я пойду,— сказал он.

Ларцев протянул узкую, сухую руку.

— Видишь, Сережа, не все на свете решается просто. Но мы постараемся помочь. Если вы будете держаться.

— Будем,— сказал Сережа.

В тот же день перед школой Сережа зашел к Олегу.

— Неважные у нас дела,— сказал Олег.— Да, капитан?

— Ларцев говорит: надо ждать.

Олег тихо сказал:

— Не могу я ждать, Сережа. Я работать должен. Не сидеть же у сестры на шее! А должность мою сократили, раз клуба нет. Она и была какая-то... сверхплановая, что ли.

— Мы тебя прокормим, всем отрядом!— горячо сказал Сережа. Но тут же понял, что сказал несуразицу.

Олег улыбнулся ему как маленькому.

— Мне на пенсию нельзя. С заочного отделения попросят, если не буду работать по специальности, как педагог.

— Что же делать?

— Вот именно: «Что делать?» Уеду я, Сережа.

Торопливым шепотом Сережа сказал:

— Олег, не надо. Что ты...

— В том-то и дело, что надо. Сейчас надо.

Он взял со стола распечатанное письмо. Вытряхнул из конверта листки.

— Посмотри.

Это было странное письмо. На листках — одни фамилии. Разными почерками: «Кузнецов... Ленский... Павлов... Савчук... Пальчиков...» Много-много фамилий. Вразброс. Некоторые неразборчиво.

— Это что?

— Подписи,— сказал Олег и отвернулся к окну.— Ты посмотри первый лист.

Сережа отыскал начальную страницу.

«Здравствуйте, Олег Петрович! Я с Вами незнаком, но пишу Вам от имени тех, кто Вас знает и помнит. И в подтверждение этого — в конце письма их подписи. Я пошел на этот шаг, чтобы письмо прозвучало как можно убедительнее. Меня зовут Игорь Васильевич Сухов. Я новый директор интерната № 1 в Красном Береге. Работаю всего месяц. И каждый день в тех или иных обстоятельствах я сталкиваюсь с Вашим именем, с воспоминаниями о Вас.

Многие ребята ушли, много пришло новых. Но по меньшей мере триста человек — те, кого Вы знаете. Они говорят о Вас, как о человеке, который им очень нужен. Старшего вожатого у нас нет. И если у Вас есть хоть маленькая возможность...»

Сережа бросил листки. Тихо и отчаянно сказал в лицо Олегу:

— У тебя нет возможности. Понял? Ты не имеешь права.

Олег не отвел взгляда. Ответил:

— Я знал, что ты это скажешь. Я себе сам эти слова говорил тысячу раз, вашими голосами. Но там триста человек, а здесь отряда уже нет.

— Есть отряд. Ты сам говорил: пока есть флаг, есть отряд.

— Да... Но это уже не тот отряд. Это, скорее, память об отряде. А там... Если бы ты знал! Думаешь, им всегда хорошо? Многие в интернат не от радостной жизни попали. У кого-то родителей нет, или в семье неладно, или еще что. Беда какая-то...

— У нас тоже беда,— упрямо сказал Сережа.

— Если отряд кончает жизнь, это всегда беда,— негромко ответил Олег.— В конце концов почти год мы прожили, Сергей. И не зря. Все на свете когда-то кончается.

— Рано кончается. Мы ничего не успели. Даже «Мушкетеров» не досняли.

— Тут уж никто из нас не виноват,— сказал Олег.

— Но...— хотел возразить Сережа и замолчал. Он вдруг почувствовал бесполезность слов. Олег все равно уедет. Для Сережки «Эспада» — единственная тревога и боль, а у Олега — еще триста человек, и они ждут.

— Когда уезжаешь?— спросил Сережа. Получилось хмуро, даже грубовато. Но не

от злости, а потому что в горле заскребло.

— Пока не решил. А что?

— Ну... хотя бы проводить придем.

— Я позвоню,— сказал Олег. Тоже коротко и хмуро. Сережа понял. И у взрослых людей иногда скребет в горле.

Он не позвонил. Через два дня Сережа нашел в почтовом ящике письмо. Олег писал: «Ребята, не сердитесь на меня. Мы целый год жили вместе, и это была хорошая жизнь. Многого мы не успели, но кое-чему научились. Плохо, что так все кончилось, но мы не виноваты. Только я виноват перед вами: в том, что не попрощался. Не мог. Я не раз прощался с отрядами, и всегда после этого болит сердце. Если бы я еще раз увидел вас, то не смог бы уехать. А ехать надо. Не забывайте «Эспаду». Не теряйте друг друга. И все-таки... Все-таки берегите флаг. Олег».

Вот и все. До сих пор Сережа надеялся на чудо. Вроде того, как на станции Роса,— неожиданного и справедливого. Но правильно сказал Алексей Борисович: чудеса бывают раз в жизни.

Сережа бросил письмо. И даже удивился: так все плохо, так тяжело, а надо жить, как обычно. Собирать портфель, идти в школу, отвечать на уроках.

Он открыл шкаф, где висел школьный пиджак и брюки. Рядом с костюмом висела стального цвета рубашка — форма «Эспады». Уголок суконного шеврона отпоролся. Словно подбивал Сережу на отчаянный шаг. Ну и правильно! Сережа взялся одной рукой за обшлаг, другой — за нашивку. Рвануть как следует — вот и все...

Он сделал не то, что хотел. Медленно, будто против желания, натянул рубашку с капитанским шевроном. В петли на брюках пропустил широкий пояс — на пряжке звезда и шпаги. Взял с крючка берет.

На улице был солнечный апрельский день. Сережа пошел в школу в одной рубашке. На него оглядывались. Пусть!

Зачем надел он форму? Сережа и сам точно не знал. Может быть, так надевают моряки-капитаны свои выгоревшие куртки в память о погибшем судне?

В школьном коридоре его остановила завуч Елизавета Максимовна.

— Каховский, что за дикий вид?

— Дикий? — негромко переспросил Сережа.

— Ты сейчас не у себя в клубе, где можешь позволять все что угодно. Ты в школе! Существует общепринятая школьная форма!

Тихо и устало Сережа попросил:

— Пожалуйста, хоть сегодня оставьте меня в покое...

Елизавета Максимовна несколько секунд молчала. Затем сообщила:

— Я вызываю твоего отца в школу. Сегодня же! Будь любезен передать ему это.

— Передам,— сказал Сережа.— Но сегодня не получится. Он в командировке до пятнадцатого числа.

Саша отложил гитару и сказал:

— Он все равно уехал бы. Только позже. Закончил бы с вами «Мушкетеров», нашел бы себе замену... Ну, сходил бы с вами летом в поход. А к сентябрю все равно уехал бы в Красный Берег.

— Интересно, где бы он замену отыскал? — спросила Наташа.— Будто такие вожатые, как Олег, в магазинах продаются...

— А такого и не надо,— возразил Саша.— Годился бы и другой. Умный, конечно. Лишь бы не ломал ваших законов и привычек. А командовать, держать отряд вы могли бы и сами. Олег вас, по-моему, научил.

— Недоучил немного,— хмуро сказал Сережа.

— Зря ты так, Сергей... Он сделал, что успел. Интернат в Красном Береге для него — как родина... И не надо считать Олега дезертиром.

— А кто считает его дезертиром? — неожиданно вскинулся Митя. Тихий такой, спокойный всегда, он сейчас как взорвался.— У Олега выхода не было! А эти... Смирняков и Гуревич — они точно уж дезертиры! Скорей побежали в «Спартак», возьмите в фехтовальную школу! Будто мы уж совсем погибли.

— Никакие они не дезертиры,— сказал Сережа.— Они же не изменяли отряду. Просто им всерьез хочется заниматься фехтованием.

— А нам не хочется? — не уступал Митя.

Сережа не ответил. Не знал, как ответить. Конечно, очень хочется взять рапиру, выйти на дорожку. В бой! Но... все это будет не так, если без отряда. Надо, чтобы рядом были свои ребята, надо, чтобы на рукаве блестел знак «Эспады».

Нет, нельзя считать изменниками тех, кто после «Эспады» разошелся по разным секциям и кружкам, это Сережа знал точно. Это же с ума сойти — назвать Сеньку Гуревича или Алешку Смирнякова дезертирами! Да и других тоже... Ведь если что случится — позови любого, сразу кинутся на помощь.

Но в чем-то Митька прав. Самую чуточку, а прав.

И, не зная, что ответить, Сережа сказал:

— Все равно их в «Спартак» не взяли.

— Почему не взяли? — спросил Саша.

— Говорят, что техника не та. Один тренер даже сказал, что Олег нас, как фехтовальщиков, испортил совсем, и переучивать поздно. А чего же он испортил? Просто система другая. Он учил, как его на флоте учили. Нижние защиты, например, у нас гораздо лучше, чем у спартаковцев.

— Они испугались,— негромко, но твердо сказал Митя.— Наши в бою сильнее.

— Ну уж...— с сомнением проговорил Саша.

— Нет, правда,— поддержал Митю Генка.— Может, они и не испугались, но наши

сильнее. Алешка с тремя подряд сражался и всех загонял. А они: «Техника...» У многих мастеров, например, техника совсем своя, ни на что не похожая. Значит, их гнать из фехтовальщиков?

Другой взрослый наверняка усмехнулся бы или сказал наставительно: «Вам еще рано себя мастерами считать». И получилось бы, что они хвастаются. Но Саша понимал. Он поскреб небритый подбородок и грустно заметил:

— Ваша техника, может, и не хуже, да необычная. Где найдешь для вас тренера? Вот и остались вы сами по себе...

Он опять потянулся за гитарой и покосился на Данилку. Тот молча приткнулся в углу громадного старинного кресла. Все поняли: сейчас будут «Барабанщики».

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми...

Данилка, когда слушал эту песню, замирал и прикусывал губу. В нем будто все струнки натягивались. Сережа раньше даже боялся, что Данилка может расплакаться. Но Данилка иногда сам просил шепотом: «Еще».

Над Генкиным столом, рядом с морской картой Канарских островов, рядом со снимком клипера «Флайинг Клауд», Митиным подарком, кнопками были приколоты две фотографии: мальчик, упавший на мостовую в Сантьяго, и хохочущая Данилкина компания с барабанами.

...Сколько легло нас, мальчики,
В травах и узких улицах —
Маленьких барабанщиков,
Рыцарей ярых атак.
Но не могли мы кланяться,
Хмуриться и сутулиться —
Падали, а товарищи
Шли, отбивая такт...

Эту песню Генка и Саша сложили вместе. Генка сочинил только первый куплет, а дальше без Сашиной помощи он бы не справился. И музыку придумал Саша. Но без Генки песни бы не было — он дал ей начало...

Сережа всегда с нетерпением ждал, когда Саша начнет петь последний куплет:

Может быть, все исполнится:
Травы не вытопчет конница
И от ударов пушечных
Больше земля не сгорит.
Но про тревогу помни ты,
Помни про нашу бессонницу,
Когда барабан игрушечный
Сыну решишь подарить...

Сережа слушал песню, и ему казалось, что отряд еще жив, что ждут его впереди хорошие дни.

И Данилка оживал. Выпрыгивал из кресла и начинал рассказывать что-нибудь о своих барабанщиках. Его-то компания держалась прочно и даже не очень скучала. Они жалели только, что барабаны пылятся по углам и негде выступить единым, плотным строем под размеренный и четкий марш-атаку.

Вот и сейчас, как закончилась песня, Данилка прыгнул на пол и потребовал взаймы восемьдесят копеек.

— Мы потом соберем и отдадим. В «Космосе» идет «Юнга Северного флота».

— Не достанете билеты. Сегодня же выходной, все в кино рвутся,— сказал Сережа.

Данилка деловито объяснил:

— Мы же не просто так. Мы наденем форму, пойдем к администратору, скажем: «Тетенька, мы из отряда «Эспада», у нас коллективная заявка на восемь билетов». Мы уже делали так.

Получив у Саши восемь гривенников, Данилка ускакал собирать барабанщиков. И тут же на смену ему возник Андрюшка Гарц. Он сказал фразу, которую говорил всегда:

— Можно я у вас посижу немножко?

— Посиди, моя радость,— разрешил Саша.— А поскольку твое «немножко» — понятие относительное, запомни, что молоко в холодильнике, а булка в шкафу на кухне.

Стоя у окна, Сережа подумал: «Тепло. Если бы ничего не случилось, можно было бы снимать «Мушкетеров» на улице».

Человек привыкает ко многому... За месяц они привыкли, что не надо спешить на вахты и линейки, привыкли жить без боев на дорожке и шумных киносъемок. Но к одному привыкнуть не могли: быть друг без друга.

Они собирались у Кузнечика. Конечно, не все. Но та компания, которая проводила в отряде все вечера, осталась неразлучной. Все так же говорили о Севастополе. Иногда сражались в шахматы. Иногда на стареньком кинопроекторе крутили отснятые сцены «Трех мушкетеров». Павильонные эпизоды были закончены, в фильме не хватало совсем немногих кадров. Но Олег сдал казенную кинокамеру, и снимать было нечем.

Восемь рапир — свое собственное имущество — Олег оставил капитанам. Но защитных масок не было, и рапиры без дела висели на стенах.

Лежал у Кузнечика в книжном шкафу снятый с древка и свернутый флаг «Эспады». Дремали на гвоздях в квартирах барабанщиков краснобокие барабаны.

Остались только песни, которые принес в отряд Генка Кузнечик, отрядные песни. Когда Генка или Саша брали гитару, словно оживала «Эспада».

Саша вошел в жизнь ребячьей компании незаметно и прочно. Невысокий, худой, остроносый, даже нескладный какой-то, он совсем не походил на самбиста, боксера и инженера-физика. Он был похож на стеснительного десятиклассника, особенно если не за-

бывал брить щетину на подбородке. Впрочем, забывал он часто.

И совсем не похож он был на Олега, напрасно Генка их сравнивал. И не мог он стать в «Эспаде» командиром, потому что своей работой был занят выше головы.

Но несколько раз Сережа замечал: то Митя, то Данилка обращались к Саше:

— Олег, скажи...

— Олег, можно...

Генка уговаривал Сашу летом пойти с ребятами в поход. Саша не отвечал ни да ни нет.

— Работа...— говорил он.

— Не каждый день работа,— спорил Генка.— Бывают же выходные.

— На Север придется ехать, в командировку...

— Не на все же лето.

— Кто его знает...

— Мы бы сами пошли, да без взрослых никого не пустят,— говорил Генка.— Ты какой-то несознательный, честное слово.

— Я очень сознательный. Только обещать боюсь. Вдруг не получится.

— А если получится, обещаешь?

Саша брал гитару, смущенно улыбался и запевал:

Долой, долой туристов —
Бродяг, авантюристов...

— Да ну тебя,— говорил Генка.— Все равно пойдешь. Не имеешь ты права не пойти.

В этот день они засиделись у Кузнечика до сумерек. Данилка со своими барабанщиками посмотрел «Юнгу Северного флота», потом они всей компанией прикатили к Генке, оглушили родителей, слопали весь хлеб и конфеты и умчались играть в футбол.

Андрюшка Гарц взял с полки «Пятнадцатилетнего капитана», полистал и неосторожно спросил, что такое шхуна-бриг. Митя тут же утащил его к себе домой рассказывать о парусниках.

Наташа, как всегда, спохватилась, что уже вечер, а у нее уйма домашних дел. И только она собралась идти, как в комнату ворвался Нок и за ним Стасик Грачев.

Нок хромал, ухо у него было в крови. У Стаськи припухла расцарапанная щека и рукав трикотажной рубашки прилип к локтю. И Стаська и пес шумно дышали. Нок запрыгал вокруг Сережи, Стасик молча встал у дверей и стал осторожно поднимать рукав.

— Горе мое...— начала Наташа.

— Лежать,— сказал Сережа Ноку. И спросил у Стасика:

— Что опять?

— Был бой,— сказал Саша.

— Ага,— сообщил Стаська и попытался лизнуть разбитый локоть.

Генка открыл тумбочку, деловито зазвенел аптечными склянками.

— Рассказывай,— велел Сережа.

— Ну чего рассказывать? — отозвался Стасик.— Ну, иду я по улице, а навстречу идут ваша Маринка с Ноком. Я попросил, чтобы она дала нам с ним побегать, вот она и дала. Она не виновата... И ушла домой. Сказала, чтоб я сам привел. Мы стали бегать, а Нок застрял.

— Горюшко мое, где застрял? — не выдержала Наташа.— Говори толком.

Стаська безбоязненно подставил Генке локоть под тампон с йодом и объяснил:

— Под забором застрял, где еще... Мы в догонялки играли, он от меня побежал, полез под забор и засел. Там дырка только для мелких собак и для кошек, а он во какой! Застрял — ни туда ни сюда. Я через забор перелез, чтобы доску отодвинуть, а там два пьяных на лавочке сидят. Увидали Нока и давай бутылками в него кидать. А он же не может вылезти, только рычит... Ну, потише ты, щиплет ведь...

— Это что же за бандиты! — сказал Саша и торопливо встал.— Они там еще?

— Да нет... Они кидаться стали, а я как заору им: «Что делаете!» И упал на Нока, чтоб ему не попало. В меня-то, думаю, они кидать не будут. А один все равно кинул. Осколки — как от гранаты.

— Где они? — повторил Саша.

— Да какие-то дядьки подскочили, со скамейки их выгнали. А я доску отодвинул.

— Ну? — нетерпеливо спросил Сережа.

Стасик глянул на него виновато.

— Я же разозлился. А Нок тоже. Я говорю: «Взять!»

— Зря! — заметил Саша.— Еще неприятности получатся. Но с другой стороны...

— Может, не получатся,— неуверенно сказал Стасик.— Они же первые полезли... А он их даже тронуть не успел, они на тополь запрыгнули. Может, все еще там сидят... Ну, я сюда пошел, а то тетя Галя заругается, когда увидит, что Нока поцарапали... Чего смеетесь?

— Дурень,— сказал сквозь смех Сережа.— Хулиганов пьяных не испугался, а тетю Галю боится. Она тебя хоть раз в жизни ругала?

Стасик слегка огрызнулся на Генку:

— Хватит меня мазать. Лучше Ноку лапу забинтуй.

— За своего милого Нока он в пекло полезет,— сказала Наташа ревниво.— Вот послушайте. Отпросится дома, чтобы у нас ночевать, и первым делом бежит к телефону — Нока у Сергея выпрашивать. Тоже на ночевку. Представляете компанию? Вечером всегда такая картина: Стаськина раскладушка пустая, подстилка у Нока тоже пустая. Оба дрыхнут на ковре, рядышком. Возьму я тапку, разгоню их по местам, а через полчаса — опять вместе.

— А тебе что, жалко? — сказал Стасик.

Шепотом Саша спросил у Сережи:

— Это тот самый Стаська Грачев, который боится всего на свете?

— Вроде уже и не тот,— отозвался Сережа.

А Стасик покосился на Сережу и сказал:

— Шел бы домой. Марина говорила, что к вам какой-то дядюшка приехал.

Тетя Галя сказала виновато:

— Я Виталия пока на твою постель положила, он устал с дороги. Ты уж не обижайся, пусть он там переночует, а завтра я у соседей кресло-кровать попрошу.

— Я ужасно обижаюсь,— отозвался Сережа.— Я просто не в себе от обиды... Ну, честное слово, ты такие вещи говоришь. Что я, не могу на раскладушке поспать?

В доме ощущалась радостная суета, какая бывает, когда неожиданно приедет хороший человек. Папа, сам только накануне вернувшийся из командировки, надел галстук. Маринка нянчилась с новым плюшевым котом — дядюшкиным подарком. Тетя Галя стучала на кухне ножом — готовила к ужину праздничный салат. Нок обнюхивал у дверей необъятный желтый чемодан и одобрительно фыркал.

Виновник радости негромко посапывал на Сережином диване. Сережа на цыпочках вошел в комнату и при свете, падавшем из двери, увидел торчавшую из-под клетчатого пледа лысину. Лысина была симпатичная — коричневая, как печеное яблоко.

Сережа осторожно расставлял дребезжащую раскладушку. Виталий Александрович не пошевелился. Он не встал и к ужину, добросовестно проспал до утра.

Когда Сережа проснулся, Виталий Александрович делал зарядку. Сережа из-под прикрытых век наблюдал за ним. Смотреть на дядюшку было приятно и весело. Он оказался невысоким, но крепким. Коричневый. Плечи и грудь поросли курчавым черным волосом. А лицо — круглое, добродушное и в то же время энергичное. Виталий Александрович напоминал заряженный до отказа аккумулятор.

Трусы на нем были роскошные — желтые, с узором из разноцветных иностранных марок. Словно дядюшку отправляли бандеролью вокруг света. На любом пляже все пижоны утопились бы от нестерпимой зависти при виде таких трусов.

Дядюшка сдержанно мурлыкал нехитрую песенку, ритмично приседал и посматривал по сторонам. Сережа не выдержал, открыл глаза и встретился с дядюшкой взглядом.

Не переставая приседать, Виталий Александрович улыбнулся и произнес:

— Приветствую вас, сэр. Ты не в обиде, что я оккупировал твое лежбище?

— Не в обиде,— отозвался Сережа.— Спите здесь всегда. Мне на раскладушке даже больше нравится.

— Крайне признателен,— сказал Виталий Александрович.— Мы этот вопрос потом рассмотрим фундаментально. Я намерен вам надоедать не меньше месяца.— И он перешел от приседаний к наклонам туловища.

— Виталий Александрович...— начал Сережа.

Дядюшка перебил:

— Меня можно называть просто дядя Витя. Мы как-никак родственники, хотя и дальние... Кроме того, у нас, кажется, общие интересы. Мне Галина писала, что ты увлекаешься археологией. Так?

— Ну... кажется, так,— смущенно сказал Сережа.— Только я мало знаю...

— Все мы мало знаем,— самокритично заметил дядюшка.— Я тут кое-что привез тебе.

Он упруго выскочил за дверь и приволок чемодан, похожий на детеныша гиппопотама. У чемодана распахнулась пасть, и дядя Витя вынул толстую блестящую книгу.

— Вот, держи.

Книга весила килограмма три. Называлась она «Путешествие по древним городам Греции и Рима».

— Ух ты... Спасибо, дядя Витя! Вот это да!..— сказал Сережа.

Тут же он перевернулся на живот и открыл книгу на середине.

— Нет, дружище! — запротестовал дядя Витя.— Людям науки не свойственны суета и беспорядочность. Все должно идти своим чередом. Сначала встань... Да, кстати, зарядку делаешь?

Сережа поднялся.

— Вообще-то делаю. Но сегодня не надо. Я с клинком занимаюсь, вас могу зацепить.

— Чепуха! Я сяду в угол.

Сережа расставил по комнате спичечные коробки. Взял со стены шпагу.

Когда хорошее настроение, все получается ловко. Он не промахнулся ни разу. От свистящих ударов коробки разлетались по комнате. Один ударился о стену над головой дяди Вити.

Дядя Витя присел.

— Извините. Я же говорил...— начал было Сережа.

Дядя Витя заулыбался.

— Рука мастера! Честное слово, впервые вижу.

— Да ну...— смутился Сережа.— Дядя Витя, а вы давно были в Херсонесе?

Дядя Витя не торопясь одевался.

— Недавно... О Херсонесе, дорогой коллега, мы поговорим особо и подробно. Время у нас будет.

Они и в самом деле говорили много и подробно. О Херсонесе и о других древних городах, которые время и войны почти сровняли с землей. Дядя Витя руководил группами московских студентов, которые ездили на раскопки каждое лето. В Херсонесе он работал пять лет подряд.

— Херсонес неиссякаем. Каждый год такие открытия, что на пять докторских диссертаций потянет,— говорил дядя Витя.— Не

исследована еще колоссальная территория. На твой век, Сергей, хватит.

Потом дядя Витя рассказывал, как жили в древнем Херсонесе люди: гончары и виноделы, моряки и торговцы, воины и художники. И Сережа представлял себе не серые заросшие развалины, а белый город, мраморные колоннады на площадях, толчею пестрых кораблей в Карантинной гавани. Солдат в шлемах с гребнями, хмурых рабов и веселых смуглых мальчишек, пускающих с прибрежных камней игрушечные лодки. И все это — в окаймлении синих шипучих волн, под блеском безоблачного неба...

Однажды Сережа услышал обрывок разговора дяди Вити и тети Гали.

Тетя Галя говорила:

— ...Он ведь и добрый ко мне и любит, наверное, а за мать все равно не считает. С отцом они редко видятся. Тот все ездит и ездит. Мальчишке кто-то ласковый нужен, ему всего двенадцать. Много ли? Вот он и пригрелся рядом с тобой...

Дядя Витя возразил:

— Дело не в ласке. У нас нашлись общие интересы.

— Интересы интересами, а...

Сережа не стал дальше слушать. Подслушивать все равно, что читать чужие письма.

Вечером, перед сном, они с дядей Витей лежали в Сережиной комнате. Дядя Витя на диване, Сережа на раскладушке.

Дядя Витя спросил:

— А все-таки почему тебя так тянет история? И не просто история, а раскопки? Потому что загадки, клады и приключения?

— Конечно. А что плохого? — отозвался Сережа.

— Ничего плохого. Но этого мало для научного интереса. Археология, друг мой, не только путешествия и открытия. Это еще и ежедневная работа. Иногда очень кропотливая, очень скучная. А чтобы скучной она не была, надо ее очень любить.

— Я... наверно, полюблю,— сказал Сережа.— Знаете, дядя Витя... Дело не в приключениях. Мне трудно объяснить. Вот мы живем на свете... Сегодня живем. Ну вчера, завтра. А когда я думаю, как люди раньше жили, когда я это будто вижу, мне кажется, что я тысячи лет живу. Ну вместе с теми, про кого узнал. Будто все это со мной случалось. Будто все на свете, что было,— это мое... Ну я не знаю, как сказать.

— Я тебя понял. Правда, в этом больше от поэзии, чем от науки. Но определенный смысл есть в твоих словах, — сказал дядя Витя.

А еще через день случилось то, о чем Сережа тайно и трепетно мечтал с самого начала. Так мечтал, что даже слегка забыл об «Эспаде».

Дядя Витя оценивающе посмотрел на Сережу и раздумчиво произнес:

— Я думаю, тебе полезно было бы этим летом поработать на раскопках. Ты не против путешествия в Севастополь?

«Эспада» напомнила о себе тревожным известием. Утром, когда Сережа сидел за уроками, прибежал Стасик Грачев.

— Тебе Нока? — спросил Сережа.— Забирай, он дрыхнет в той комнате.

Стасик был сердит и озабочен.

— Тебя, а не Нока... Наташка послала. Велела сказать: ваши ребята дерутся на шпагах.

— Кто? Где? — Сережа встал.

— Не знаю, кто. За Димкиным домом у забора.

— А где Наташа?

— Побежала к Генке.

...Сережа, Генка и Наташа примчались к Димкиному дому одновременно.

У забора, на полоске земли с молодой травкой, шел бой. Сражались Митя и Андрюшка Гарц. Отлично дрались! Красиво, энергично. Свист и звон разлетались от клинков.

Но они были без масок! И даже без курток. Андрюшка—в тонком тренировочном костюме, а Митька (вот балда!) — в шортах и безрукавке: наверное, поначалу не верил, что Андрюшка может зацепить его. Но недаром Андрюшка был в фильме д'Артаньяном. Тренировки не прошли зря. У Митьки на руках и на ногах краснели длинные царапины. Видно, бой был, как на шпагах, дуэльный.

— Стоп! Вы что, рехнулись?! — крикнул Сережа.

Они остановились. Опустили клинки. Повернулись к Сереже. Андрюшка рукавом вытер лоб. Митя резко побледнел, стал медленно краснеть, бросил рапиру и опустил голову. Потом нагнулся, растирая ладонью ссадину на ноге.

— Не смей!— сказала Наташа. — У тебя руки в земле.

— Ябеда,— тихонько сказал Андрюшка. Грустно и без злости.

Генка тихо проговорил:

— Вот обормоты...

Здесь была вся компания: Митька, Данилка, Андрюшка, Димка. Были еще Андрей Ткачук, Валерик и Вовка Воронины.

— Ребята, вы что?..— сказал Сережа.

— А что? — спросил Андрей Ткачук. Потом махнул рукой: — Не везет, как всегда. Хотел душу отвести, не успел.

— Душу! — сказал Генка.— Без масок, без защиты! Твоя душа так на небо может вознестись.

— Да брось! — откликнулся Андрюшка Гарц. Ему было неловко, и он поэтому старался держаться храбро: — Когда репетировали для фильма, тоже дрались без масок.

— Не надо, Гарц,— сказал Валерик Воронин. И все поняли, что именно «не надо». Для фильма бои разыгрывали, как по нотам, каждое движение отрабатывали заранее с мас-

сой предосторожностей. Глупо сравнивать со спортивным боем.

— И Данила тут... Капитан! — сказал Сережа.— Я с тобой еще поговорю. И Димку притащил.

— Я сам пришел,— со вздохом сказал Димка.

— Олег нам разве для этого клинки оставил? Он же доверял всем... И тебе, Митька. Тоже оправдываться будешь?

Митя шепотом сказал:

— Не буду.

— А перед кем оправдываться? — вдруг спросил Вовка Воронин и поднял на Сережу честные серые глаза.— Отряда нет. Значит, закона тоже нет.

— Внимание! — вдруг сказал Сережа.

Это была не просьба. Это слово заменяло в «Эспаде» команду «смирно». Как оно вырвалось у Сережи, он сам не мог понять. То ли от обиды за отряд, то ли от отчаяния, что гибнут остатки «Эспады». И почти со слезами он крикнул:

— Группа, внимание!

Он понимал, что ребята могли не послушаться. Могли пожать плечами, подобрать рапиры и уйти. Могли просто сказать: «А ну тебя...»

Нет, не могли. В каждом еще жила «Эспада». Они выпрямились и опустили руки.

Генка встал напротив Сережи и шепотом сказал:

— Становись.

Не поднимая головы, рядом стал Митя. Где Митя, там и Данилка. И Димка. Вздохнул и встал рядом с Димкой Андрей Ткачук. Не по росту, но сейчас было не до этого. Андрюшка Гарц и Воронины встали в шеренгу привычно, как на линейке.

Кузнечик сказал Наташе:

— Стань в строй!

— Я же...

— Стань в строй!

Стасик Грачев обнял за шею Нока и молча следил за ребятами.

В строю стояли девять человек. И выжидающе смотрели на Сережу: «Что дальше?»

А он не знал, что дальше.

Он был такой же, как они. Даже младше Валерика Воронина. В нем жила боль и гордость за отряд: и он сделал бы для отряда все, что возможно. Все, что скажут. Но что сказать самому, он не знал.

— Нельзя так...— сказал он, и это прозвучало слабо, жалобно даже.— Ну нельзя так, ребята...

Они стояли неподвижно и слушали молча.

Тогда, по очереди глядя в их глаза (а это было почему-то трудно), он произнес:

— Нас осталось так мало... Но мы все равно есть. Нельзя же плевать на самих себя. Мы сами придумали наши законы, а теперь... Ну, подождите, достанем маски, будем еще драться. Может быть, все еще будет.

Он понял, что говорит не то. И повторил:

— Нас всего десять человек. Мы теперь все отвечаем за отряд одинаково. Мы все капитаны. Понимаете?

— Как это — все капитаны? — спросил Вовка Воронин.

— А вот так! Все! Потому что все отвечаем. Ну пусть с отрядом плохо, но мы же не умерли!

Андрюшка Ткачук вдруг усмехнулся и заговорил:

— Наконец-то повезло. В капитаны попал.

— Я серьезно,— сказал Сережа.

Ткачук не отвел глаз и перестал смеяться.

— Я тоже серьезно.

И Сереже стало спокойнее.

— Нам нельзя ни ссориться, ни расставаться,— сказал он.— У нас еще будут хорошие дни.

Митя Кольцов не опускал голову. Он встретился глазами с Сережей и прошептал:

— Флаг-капитаны...

— Что? — спросил его стоявший рядом Данилка.

— Есть такое звание на флоте,— тихо объяснил Митя.— Флаг-капитаны. Я читал... Не знаю, что оно значит. Но мы отвечаем за флаг, значит, флаг-капитаны... Я... ребята, че-

— Когда я подумаю, как люди раньше жили,— сказал Сережа,— я это будто вижу...

стное слово... об этом не забуду. И вы... Ладно?

Вечером у Сережи разболелась голова. И вместе с болью пришла тоска по отряду. По Олегу, по ребятам, по долгим вечерам в кают - компании. И по боям, которых не было больше месяца.

Он лежал и молчал.

— Что с тобой? — спросил дядя Витя.— Почему хандришь?

И Сережа стал рассказывать. Он впервые говорил с дядей Витей об отряде. Он рассказывал долго и подробно.

Когда он замолчал, дядя Витя сказал:

— Слышал я и раньше о твоих делах. Га-

лина кое-что рассказывала. Нахлебался ты горя со своей «Эспадой»... Суета сует...

— Что? — не понял Сережа.

— Я говорю, что много в жизни суеты,— объяснил дядя Витя.

На дружинном сборе принимали в пионеры третьеклассников. Большим четырехугольником выстроились в зале отряды. Белые рубашки, огненные галстуки, золото пуговиц и пряжек. Голубая форма октябрят. Вспышки солнца на венчиках горнов, на острой верхушке знамени...

— Дружина, смирно! Равнение на знамя...

Солнце захлестывает зал. Запуталось в Димкиных пшеничных волосах — они выбились из-под красной «испанки».

Сережа краем глаза видит голубой огонек. Это у него на уголке воротника, в маленьком и прозрачном голубом крабе, искра солнца повисла, словно в капельке голубой воды.

...Перед сбором была у Сережи стычка с Викой Гармашевой. Из-за этого краба — Димкиного подарка.

— Каховский, это что за брошка! — голосом рассерженного завуча сказала Гармашева.

— Это значок,— сказал Сережа.

— Кажется, таких значков в пионерской форме нет.

— Отвяжись,— попросил Сережа.

— Не груби, пожалуйста. Я с тобой как председатель совета дружины разговариваю.

— Все равно отвяжись,— повторил Сережа. И чтобы она в самом деле отстала, добавил: — Это знак «Эспады».

— Здесь тебе не «Эспада», а нормальная школа...

— «Эспада» везде, где я...— в упор сказал Сережа. Специально, чтобы разозлить Гармашеву. И, конечно, разозлил.

— Подумаешь, какой Людовик четырнадцатый! «Государство — это я!» Вы там, в своей «Эспаде», все такие. Правильно вас разогнали!

Сережа хрустнул пальцами и сдержанно сказал:

— Была бы ты парнем, тебя бы сейчас на носилках отсюда унесли.

— А ты давай, кидайся,— предложила Вика.— Палку возьми. Как на Сенцова. Опять в герои попадешь. В «Эспаде» орден дадут.

— Вам наша «Эспада» поперек горла,— откликнулся Сережа.— Таким, как ты да Сенцов.

— Каким «таким»? — Вика побледнела и крикнула: — Ответишь... На совете.

— Иди, иди,— устало сказал Сережа.— В совете не все такие, как ты.

Девчонки они и есть девчонки. Вика забыла, что она председатель. Она готова была разреветься.

— Директорский любимчик! Только он за тебя и заступается, а то бы давно из школы выгнали!

Это что-то новое. Неожиданное. Сережа даже слов не нашел. А пока думал, заиграли горнисты и стало не до спора.

...Солнце, солнце! Горячее, веселое. За окнами деревья, как в зеленом тумане. Двадцать второе апреля. У портрета Ленина замер почетный караул.

На улице прошуршал троллейбус, шумят среди веток воробьи. А в зале тихо-тихо. Тишина эта — как поднятые палочки барабанщика.

И вот:

— Я, Олег Щербинин...

— Я, Вадик Семенов...

— Я, Игорь Скляренко...

— Я, Сергей Лютиков...

— Я, Дмитрий Соломин...

И дальше — чуть вразнобой, громким, взволнованным хором:

— Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина...

Димка говорит и смотрит на Сережу. Димка, Димка, светлая твоя голова. Маленький барабанщик, крепкий товарищ...

Вышла из рядов шеренга ребят, которые должны были повязывать бывшим октябрятам галстуки. Шеренга третьеклассников двинулась им навстречу.

Случилась небольшая путаница. Кто-то из девчонок сбил строй. Не сразу разобрались, кто к кому должен подойти. И в этой секундной неразберихе Димка сделал удивительную вещь. Он отпечатал по солнечному паркету несколько лишних шагов и встал перед Сережей. Одними губами попросил:

— Завяжи.

У Сережи комок поднялся к горлу. И все затихло, отодвинулось далеко-далеко. Он взял у Димки с локтя невесомый шелковый галстук. Поднял на тоненькой Димкиной шее воротник... Галстук лег на грудь двумя разлетевшимися всплесками огня. Алое на голубом.

— Молодец, Дим. Спасибо! — не то прошептал, не то подумал Сережа. И Димка понял. Он просиял в ответ золотистыми глазами, повернулся и шагнул к своей шеренге. Его ждали. Остальные третьеклассники были уже в строю. Но Димка вдруг остановился. Опять повернулся и шагнул назад — к Сереже. С октябрятского жилетика отцепил звездочку, вложил Сереже в ладонь и молча сжал его пальцы. Потом побежал к своим. Прощелкали в тишине подошвы его новеньких блестящих полуботинок.

И никто не сказал ни слова ни ему, ни Сереже. В такие минуты нельзя говорить.

Сережа все смотрел на Димку, а зажатая в руке звездочка покалывала ладонь. Так, со звездочкой, он и поднял руку для салюта...

Ударили барабаны. И вдруг решительно сбавили громкость, умолкли один за другим. Шумок пробежал по рядам.

В зал вошел директор. Обвел глазами притихшие отряды. Улыбнулся так, будто он не директор, а школьник, которому надо впервые выступать перед целой дружиной. Сказал негромко и с хрипотцой:

— Дорогие мои... Извините, я был болен, не пускали меня. А я очень хотел поздравить вас с Ленинским праздником. Особенно наших самых младших пионеров. Тех, кто сегодня надел красные галстуки. Я хочу сказать им несколько слов... Вы дали сегодня торжественное обещание. Вы знаете пионерские законы. Надо хорошо учиться, работать, крепко дружить, бороться с ложью и злом. Вы пока еще маленькие. Не обижайтесь, пожалуйста. Вы стали сегодня гораздо взрослее, но вы еще не очень большие. А в жизни случается всякое: иногда жизнь с маленького человека спрашивает как со взрослого. И бывает, что от десятилетнего мальчика, от десятилетней девочки требуется взрослая смелость, взрослое упорство. И если когда-нибудь вам придется очень трудно, вспомните этот день. Вспомните, как повязывали вам галстуки. Не забывайте, что вы юные ленинцы.

Дядя Витя одобрительно посмотрел на Сережу.

— Ты мне сегодня нравишься. Весь какой-то... светящийся. А то ходил, нос повесив.

— День хороший,— сказал Сережа.

— День отличный,— согласился дядя Витя и посмотрел на окно. Там был уже не день, а вечер. Оранжевое солнце догорало на крышах.— Удивительная погода. Как летом.

— Я не про погоду,— объяснил Сережа.— Я вообще. Про Димку.

— Про что?

Дяде Вите можно было рассказать. Конечно, лучше бы рассказать папе, но он еще не пришел. Ну что ж, дядя Витя тоже все понимает.

— Есть такой человек, Димка,— проговорил Сережа.— Его сегодня в пионеры принимали...

И он рассказал все. Даже про тишину в зале и про то, как щелкали в этой тишине Димкины подошвы. А потом еще про Димкиного синего краба.

Он говорил, говорил, а дядя Витя молчал и молчал. Сережа наконец почувствовал: что-то не так получается. Сережа замолчал.

Дядя Витя вздохнул:

— Странный ты человек, Сергей...

— Почему? — Сережина радость стала тускнеть, как пятна вечернего солнца на крышах.

— Вот я и сам думаю — почему? Может быть, наследственность, может быть, воспитание...

— Что во мне странного? — спросил Сережа и внутренне ощетинился. Не понравился ему такой поворот.

— В свои двенадцать лет ты очень конфликтный человек. Ты жить не можешь без стычек, споров и ссор. Они для тебя, как горючее для мотора. Вот сегодня поругался со своим пионерским начальством и весь светишься от радости.

Сережа сначала удивился. Потом обиделся.

— Разве у меня из-за ссоры радость? Я же эту Гармашеву не трогал, сама прицепилась. Я из-за Димки радовался...

— А что хорошего сделал твой Димка? Ничего. Нарушил план сбора. Так же, как ты, показал, что ему плевать на общий порядок. На мнение других. Вы оба противопоставили себя дружине.

— Да почему?! — крикнул Сережа.— Ну что плохого мы сделали? Нам даже после сбора никто ни слова не сказал! Димка просто хотел, чтобы я ему галстук повязал, вот и все. Галстук-то один раз в жизни повязывают. Он же мой друг. Я его барабанщиком сделал.

Дядя Витя слегка развел руками.

— Ну и доказательство! Барабанщиком ты его сделал тоже вопреки школе. Еще раз показал, что тебе плевать на всех.

Лицо у дяди Вити было такое, как всегда. Энергичное и добродушное. Но теперь оно было неприятно Сереже.

— Я не плюю на всех,— жестко сказал Сережа.—Я вообще ни на кого не плюю. Димка всю жизнь мечтал о барабане, а ему не дали из-за случайной тройки. Он плакал.

Дядя Витя кивнул.

— Все верно. Я же не говорю, что ты действовал из плохих побуждений. Мотивы твоих поступков благородные. Но ты ошибаешься в самом главном...

— Что вы знаете о моих поступках... и мотивах? — не очень вежливо отозвался Сережа.

— Кое-что знаю. Открою секрет. Недавно звонила твоя классная руководительница, спрашивала отца. Его не было, и я говорил с ней. Она, кстати, очень хорошо к тебе относится. Но она боится за тебя. Дня не проходит, чтобы ты не влип в какую-нибудь историю. В конце концов ты заработаешь такую характеристику, с которой даже в ПТУ не попадешь, не то что в университет.

— Вот это да! — сказал Сережа.— Из-за характеристики я должен сидеть, как мышь.

— Ну ладно. Из-за характеристики ты ничего не должен. Но есть другая опасность. Ты так привыкнешь влезать в любые конфликты, что станешь обыкновенным склочником.

— Ага,— откликнулся Сережа.—А если проходить мимо всякой несправедливости, то станешь хорошим человеком. Легко и просто.

— Ты, пожалуйста, не преувеличивай! Я тебе не предлагаю быть подлецом. Но ты ведешь себя так, будто кругом сплошное зло, а ты один — борец за справедливость.

— Какое зло кругом?—искренне удивился Сережа.— Да у меня друзей — целая тысяча.

— Эти друзья такие же, как ты, донкихоты. Дон Кихот — прекрасная фигура, но он никогда не мог переделать мир. А ты думаешь: вскочил на коня, копье наперевес, ура — и все в порядке. Нет, брат, конная атака не метод.

Зеленая поляна и вылетевшие из-за кустов кавалеристы вспомнились Сереже. Он даже улыбнулся: «Не метод?» Но сказал он о другом:

— Мой дед был красным конником. Он переделывал мир.

Дядя Витя наклонил голову.

— Знаю. Прекрасно знаю. Ты можешь им гордиться... Но, извини меня за откровенность, если рассматривать его как отдельную личность, он тоже был Дон Кихотом. Вечно чего-то добивался, вечно спорил. И чего этим добился?

Дядя Витя вдруг замолчал. Испугался, кажется, что увлекся спором, и сказал лишнее.

— Ты извини. Ты, может быть, этого не знал. Не надо было говорить. Но в конце концов ты не маленький.

Очень спокойно Сережа сказал:

— Я это знал. Ну и что? Он все равно был красным конником. А те, кто его обвинил, были сволочи.

— Конечно. Только, если бы он не горячился, он мог бы принести гораздо больше пользы.

— Он горячился потому, что был против несправедливости,— упрямо сказал Сережа.

Дядя Витя помолчал, прошелся по комнате, бухнулся на диван, потянулся. И, будто начиная новый разговор, обратился к Сереже:

— Послушай. Абсолютно хорошей жизни не было и никогда не будет. Всегда найдутся карьеристы и себялюбцы. Может быть, потом их станет меньше, но совсем они не исчезнут. В мире всегда есть добро и зло. И все на свете зло не уничтожить. Поэтому надо рассчитывать силы и жить, как все, а не воевать с белым светом.

— Я не воюю со светом!

— Воюешь. А зря... Кстати, что за сцену ты устроил в кинотеатре «Спутник»? Татьяна Михайловна вспомнила.

— Никакой сцены не было. Просто контролерша одного мальчишку не пускала, маленького. У них там целая группа пришла и девчонка-восьмиклассница, вожатая. Контролерша стала считать, а со стороны тоже лезут, толкаются. Кто-то из безбилетников проскочил, вот на того мальчишку билета и не хватило. Он заревел, а она все равно не пускает. Я говорю: «Он же вместе со всеми, он не может быть безбилетным». Контролерша давай кричать...

— Зачем тебе нужно было вникать в это дело? У мальчика была вожатая.

— Да ну... вожатая. Сама чуть не ревет... Я тогда пошел к администратору.

— И добился чего-нибудь?

— Добился... Жуликом обозвала и обещала в школу позвонить. Я говорю: «На здоровье». Пошел и отдал тому парнишке свой билет. При чем же здесь сцена?

— Очень благородно,— сказал дядя Витя.— Но что от этого изменилось в мире?

— В мире? Я не знаю... Он обрадовался.

— Мир обрадовался твоему благородному поступку?

— Мальчик обрадовался. Побежал в кино.

— А ты остался без билета,— усмехнулся дядя Витя.— Нет, я понимаю, билет не потеря. Но ведь каждый раз так поступать не будешь.

— Это было всего один раз,— раздраженно сказал Сережа. Ему стал надоедать разговор. Пустой какой-то.

Дядя Витя, кажется, решил переменить тему:

— Пока тебя не было, приходил мальчик, твой товарищ. Митя, кажется... Мы с ним посидели, побеседовали. Он рассказывал о клиперах. Прекрасный знаток. И очень интересные вещи говорил. Оказывается, клиппера не спорили с морем, не вспарывали волны. Они вписывались в морскую стихию — как бы сами делались частью океана. Летели вместе с ветром. И это было прекрасно, гармонично... Вот и человек должен так же вписываться в общую жизнь, не вспарывать ее своим характером, как форштевнем. Должен поверить жизни, как парусник волнам и ветру. Тогда ему бури не страшны. И гордости и красоты он тоже не потеряет.

Сережа вспомнил большую фотографию в Митиной комнате: английский клиппер «Катти Сарк», летящий среди белых гребней и облаков! Это было здорово!

И все-таки... «Одно дело — корабли, другое — люди,— подумал Сережа.— И, кроме того, Митька сам говорил, что попутный ветер не всегда самый лучший».

— Неправда,— сказал он.— Корабли ходили и против ветра.

Дядя Витя победно улыбнулся.

— Ходили. Но не в лоб, дорогой мой. А вот так! — Он ладонью выписал в воздухе змейку.— В лавировочку, в лавировочку.

Сереже стало обидно за Митины корабли.

— Они не виноваты,— сердито сказал он.— У них были только паруса. А человек больше похож на корабль с турбиной. Он может идти, как хочет.

Дядя Витя присвистнул:

— Ну, брат, да ты прирожденный оратор. И спорить с тобой трудно. У тебя целая философия.

Сережа пожал плечами.

— Я не знаю, что такое философия. Мы еще не проходили.

— Еще придется проходить,— пообещал дядя Витя.— В вузе без этого не проживешь.

— В вуз я могу и не попасть. Из-за характеристики,— поддел Сережа.— Вы уж скажите мне сейчас, что это такое.

Дядя Витя, видимо, решил, что спор надо кончать. Он даже обрадовался вопросу: можно поговорить о другом.

— Видишь ли... Философия... У нее много определений... Но если говорить проще, это общие законы развития природы, общества, мысли. Особенно это важно для жизни людей. Для всех и для каждого...

«А в жизни случается всякое»,— вспомнил Сережа. Вспомнил солнечный зал, Димкины сияющие глаза, хрипловатый голос директора...

Он перебил дядю Витю:

— Скажите, а у Ленина тоже была философия?

Дядя Витя умолк на секунду и тут же вдохновился, как оратор, услышавший из зала интересный вопрос:

— А как же! Вот ты станешь постарше...

И опять Сережа перебил его:

— Постарше — это потом. А я сейчас хочу знать: по этой философии разрешается, чтобы вот так,— он помотал в воздухе ладонью,— в лавировочку?

Дядя Витя долго молчал. Он смотрел на Сережу сначала растерянно, а потом с интересом.

— Ну, дорогой мой...— начал он в конце концов.— Надо бы тебе стать немного поскромнее. Сравнивать себя с гениями...

— Я не сравниваю,— тихо сказал Сережа.— Только вот, знаете, есть такая организация — юных ленинцев. Сегодня в нее Димку принимали. И меня когда-то приняли. Мы обещание давали. Понимаете?

И он вышел из комнаты.

Поздно вечером, за ужином, дядя Витя, поглядывая на Сережу, сказал:

— Сергей сегодня разгромил меня в философском споре. Блестяще. Если он сражается на рапирах так же, как спорит, его ждет олимпийское будущее.

— Будущее — это ладно,— откликнулся папа.— А как дела в настоящем? В частности, с алгеброй? По-моему, давняя и единственная пятерка не внесла существенных изменений?

— Не внесла,— признался Сережа.— Я учу, учу, говорю: «Спросите», а меня не спрашивают.

— «Не спрашивают»,— хмыкнул отец.— Раньше бы учил! В философских спорах побеждаешь, а в простых уравнениях, как корова в болоте... Вот не пущу в Севастополь, будешь знать.

Это он, конечно, просто так сказал, но Сережа все-таки слегка испугался.

— Что ты, папа! Я же зубрю изо всех сил.

— Мы вместе позанимаемся,— пообещал дядя Витя.— А что касается спора... Кое в чем, Сергей, ты все-таки не прав. Нельзя высокие принципы применять к жизненным мелочам. А ты, дорогой мой, в каждую стычку рвешься, как на штурм Зимнего.

Сережа не ответил. Он вспомнил, что алгебра в самом деле еще не готова, а завтра Антонина Егоровна может спросить.

Кроме того, надо еще просто посидеть и подумать. Вспомнить весь день. Есть в этом дне случай, который как заноза. Скандальный разговор с Гармашевой. Зря он с ней связался, глупостей наговорил всяких. Конечно, сама виновата, но в прежние дни Сережа даже не стал бы с ней спорить. Просто обошел бы молча. А сейчас что-то не так...

После майских праздников зацвела черемуха. Взрослые говорили, что, когда она цветет, приходят холода. Но на этот раз черемуховый цвет кипел среди буйного лета.

Сережа и Генка давно забросили школьные пиджаки и ходили на уроки в форме «Эспады». Никто им больше не говорил ни слова. Но когда в форме барабанщиков появился Димка, снова грянул скандал. Дежурная учительница поймала Димку в коридоре и доставила к директору.

— Полюбуйтесь, Анатолий Афанасьевич! Ведь есть же общешкольная форма, а они ходят бог знает в чем! Как в пионерском лагере!

Анатолий Афанасьевич глянул на Димку — маленького, взъерошенного и непокорного. И кончил спор одной фразой:

— Да пусть ходят, жалко, что ли.— А потом добавил, пожав плечами: — Зачем им жариться в такую погоду в сером сукне? Есть же пионерская форма, никто ее в школе не запрещал.

То ли после этих слов, которые разнес Димка, то ли потому, что приближался пионерский праздник, школа расцвела белыми и синими рубашками, голубыми октябрятскими жилетами, разноцветными «испанками».

Дня за четыре до праздника Сережу остановил в коридоре Димка.

— На парад пойдешь?— ревниво спросил он.

— Едва ли, Дим. От дружины сводную колонну собирают, шестьдесят четыре человека. Восемь на восемь, коробка. Да еще знаменная группа. От нашего класса всего пять человек идут.

— У нас вообще никого не берут,— огорченно сказал Димка.— На смотре строя и песни мы лучше всех ходили, а все равно не берут.

Сережа спешил домой: с дядей Витей они договорились посидеть над переводом американской статьи о раскопках в Боливии. Как утешить Димку, Сережа не знал. Хлопнул его по плечу, сказал торопливо:

— Да ладно, не горюй. У тебя все впереди.— И пошел было к лестнице.

— Сережа...— окликнул Димка. Окликнул так, что стало ясно: скажет что-то серьезное.

Сережа вернулся.

— Давай соберем наших,— попросил он. Негромко так, серьезно и с напором.

У Сережи даже холодок по спине прошел.

— Зачем?— так же негромко спросил он.

— Ну, мы же все равно отряд. Соберемся и пойдем на парад. Со знаменем. Юнармейцы собираются, секция картингов тоже, а нам разве нельзя?

Словно эхо марша-атаки отозвалось в Сереже. Он даже зажмурился на миг. В блеске клинков и горнов представился ему строй «Эспады»... Но разве это возможно?

— Разве всех созовешь?— сказал он.

— Барабанщики — все.

— Барабанщики само собой. А другие?

— Генкина группа всегда наготове.

— А остальные? Одного в школе не пустят, другой сам не захочет. Или еще что-нибудь... И кто нам разрешит?

— А кто запретил?— упрямо сказал Димка.— Можно всех созвать. Цепочка-то еще действует.

— Сходим на парад, а потом что?— спросил Сережа.

— Потом... потом что-нибудь.

Димка, конечно, и сам не знал, что будет потом. Но, кажется, был уверен, что обязательно будет. И обязательно хорошее. Словно стоит выйти на площадь отряду с шеренгой барабанщиков впереди, и отряд после этого останется навсегда.

В Димкиных словах, в Димкиной уверенности было что-то от старой «Эспады», от прежней жизни — веселой, боевой, несдающейся.

«А вдруг...» — подумал Сережа. Эхо барабанного марша гудело в нем ровно и неутомимо.

— Я подумаю,— сказал он.— Я узнаю... Это, наверное, в райкоме комсомола надо спросить. Где собираться, во сколько начало и вообще... А соберем?

— Конечно! — весело откликнулся Димка.— Ты узнай, только сегодня же.

«Опять получается, что я главный командир», — подумал Сережа. Но не было времени для колебаний. Он помчался домой с мыслями про общий сбор и был уверен, что все пойдет хорошо. Тревожили только мелочи: у всех ли в порядке форма, хватит ли клинков хотя бы для командирской группы и где взять новое древко для флага.

На полпути Сережа сообразил: не надо терять времени, лучше сразу же зайти в райком.

В райкоме кипела предпраздничная жизнь. Бегали по коридору члены пионерского штаба в голубой форме с белыми портупеями. Высокий худой парень кнопками прикалывал к стене объявление о генеральной репетиции парада. Сережа не решился спросить у него, кто занимается парадом. Он спросил об этом у веселой девушки в пионерском галстуке, которая тащила по коридору охапку золотистых фанфар. Они были похожи на громадный солнечный букет.

Девушка толково ответила, что парадом занимаются абсолютно все, но вопросы решает один человек — секретарь по школам Лена Ковалева. Она сейчас в горкоме и придет к четырем часам.

К четырем так к четырем! Сережа теперь совсем поверил, что все будет замечательно. Здесь свои люди, они поймут и помогут.

Он поспешил домой. До четырех оставалось еще полтора часа.

Дядя Витя сидел с журналом на диване и прихлебывал чай. Он укоризненно глянул поверх журнала на Сережу.

— Дорогой коллега, вы заставляете себя ждать. Точность не только вежливость королей. Это еще и свойство людей науки. Рассеянные профессора существуют лишь в юмористических романах.

— Я знаю, дядя Витя,— торопливо сказал Сережа.— Но я в райком забегал.

Глаза у дяди Вити стали настороженными. Он мягко поставил на подоконник стакан.

— А что у тебя за дела в райкоме?

— Да насчет пионерского парада. Мы хотим, чтобы «Эспада» на парад вышла.

Дядя Витя шевельнул бровями и быстро спросил:

— А зачем? Это что, ваше школьное начальство решило?

— Ну почему начальство? Мы сами хотим.

Дядя Витя отложил журнал. Поднялся. Глядя мимо Сережи, прошелся из угла в угол.

— А я думал, ты успокоился. Последние три недели все было так хорошо... Не понимаю, зачем тебе это нужно? — сухо спросил он.

— А что?— растерянно отозвался Сережа. — Разве нельзя? Что плохого?

— А что хорошего?— с неожиданным раздражением сказал дядя Витя. — Все опять начнется сначала.

— Что начнется?

— У тебя опять начнется война,— отчеканил дядя Витя,— ты опять противопоставишь себя всем.

— Кому?

— Школе. Соседям. Ребятам. Всем на свете. И вообще... Я понимаю, если бы отряд ваш существовал, тогда еще другое дело: ты капитан, ты был бы обязан. Долг, флаг, честь и так далее. Но сейчас-то зачем? Ведь отряд все равно мертв.

— Не надо так об отряде...— хмуро сказал Сережа.— Вы ничего о нем не знаете.

Дядя Витя на секунду зажмурился, потер пальцами лоб. Сел на диван и утомленно откинулся на спинку.

— Пора нам поговорить откровенно, Сергей... Ты мне понравился с первого дня. Умный ты человек и упорный. Но свой характер ты растрачиваешь попусту. На мелкую монету размениваешь, не обижайся, пожалуйста... Я археолог, человек науки, ты тоже этим увлечен. Я увидел в тебе единомышленника. Но теперь я вижу: из тебя не получится ученого, если ты не начнешь жить иначе.

— Молодец, Дим. Спасибо!— не то прошептал, не то подумал Сережа.

— Почему?

— Потому что величие мировых культур, которые мы изучаем, несовместимо с дрязгами повседневной жизни... Я готов уважать твои принципы. Но у меня тоже есть принципы. Я работаю для науки, а наука не терпит суеты. Не терпит она мелких споров, ссор, дерганья нервов. Если ты будешь жить как живешь, археологом ты не станешь, имей в виду. И тогда нам не по пути.— Он посмотрел Сереже в глаза и подчеркнуто повторил:

— Понимаешь? Тогда — не по пути.

Сережа молчал. Он понимал. Он сразу все понял: путь-то лежал через Севастополь.

Эхо барабанов утихло в нем. После вспышки радости пришла усталость. «Действительно, разве всех соберешь? — сказал себе Сережа.— А если и соберутся, что делать потом, после парада? Или вдруг договоришься в райкоме, а ребят не окажется. Получится один смех».

И чтобы не вспоминать Димкины глядящие в упор глаза, он стал думать о поросших кустарником руинах древнего Херсонеса, о коричневых узкогорлых амфорах, о медной тяжести старинных монет, о том, как синие волны бегут к подножию разрушенных стен.

На следующий день он сказал Димке:

— Ничего не получается. Был я в райкоме, но поздно уже. Все там отрепетировано и рассчитано, мы опоздали.

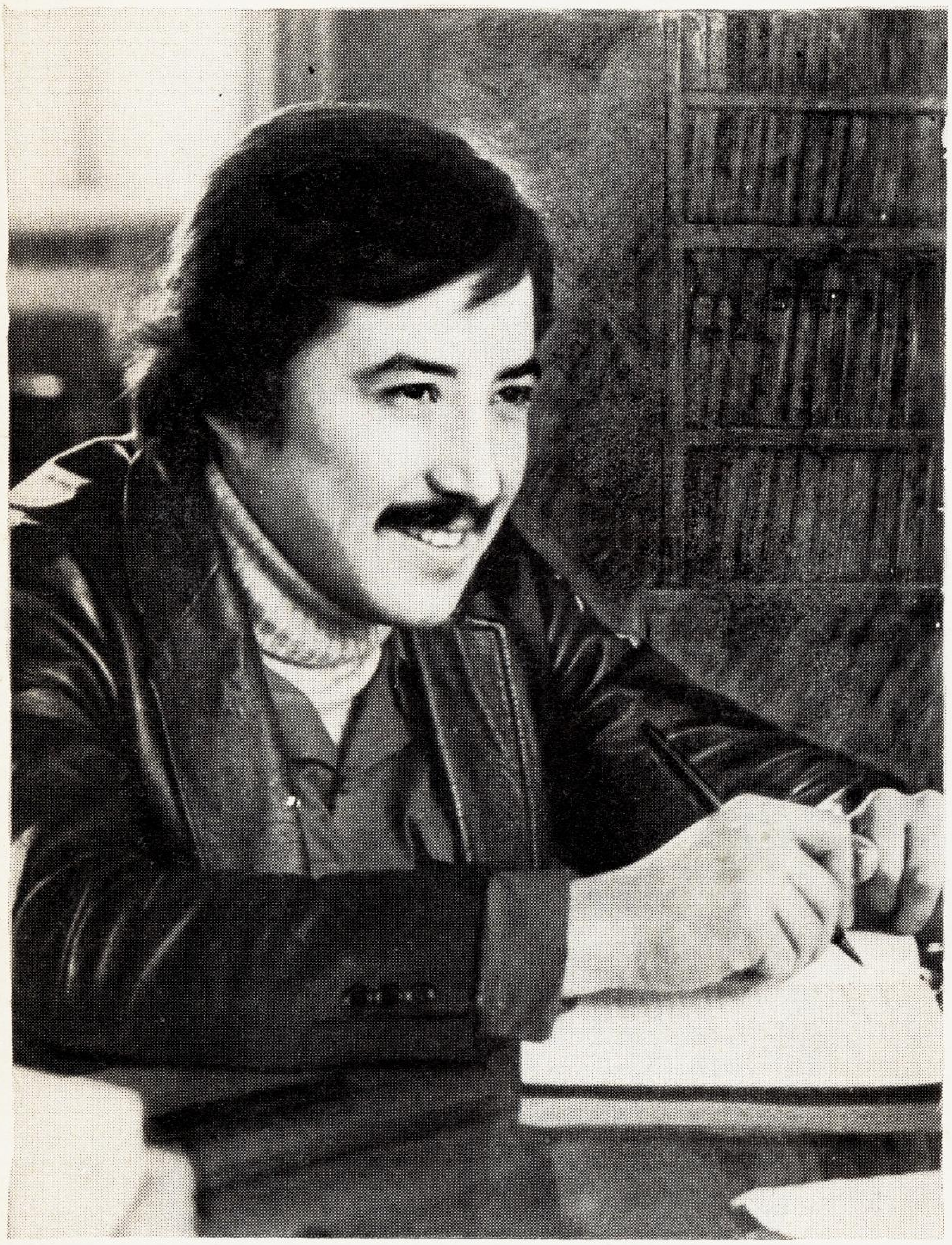
— Я так и знал...— шепотом сказал Димка.

— Не везет нам, Дим,— вздохнул Сережа.

Было ему не по себе. И чтобы не стало совсем скверно, он стал убеждать себя: «Ведь и в самом деле поздно. Ведь и в самом деле там все заранее рассчитано. Никто не разрешил бы нам идти на парад».

И поскольку так действительно могло быть, Сережа Каховский почти поверил себе.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Коммунист, сын коммуниста

Е. КАВЕЛИНА

Фотография Н. РЯСИНА.

Почти год провел в застенках фашистской хунты на стадионе «Насиональ» и в концлагере Чакабуко, устроенном в заброшенных селитряных рудниках, Луис Альберто Корвалан, член ЦК Коммунистической молодежи Чили, сын Луиса Корвалана, Генерального секретаря Коммунистической партии Чили.

Фашисты издевались над ним, жестоко избивали, пытали электрическим током, выводили на «расстрел», провоцировали «попытки к бегству», чтобы тут же с ним расправиться.

Фашисты арестовали жену Альберто — Рут. Они ворвались в дом, отшвырнули сына, которого она кормила, и стали избивать Рут. Потом ее тоже бросили в концлагерь.

Альберто и Рут долго ничего не знали о сыне. Чужие люди приютили его, заботились о нем.

В августе прошлого года под давлением международной общественности хунта была вынуждена освободить Альберто. И вот он снова в рядах борцов за свободу своей родины.

Альберто Корвалан побывал во многих странах. Приезжал он и в Советский Союз. Сейчас они с Рут и маленьким Диего живут в Болгарии.

Альберто очень похож на отца. Похож не только внешне. Мужественный, несгибаемый, не покоренный врагами коммунист, сын коммуниста.

Альберто двадцать восемь лет. В двенадцать лет он вступил в члены Коммунистической молодежи Чили. Он окончил университет, по специальности — инженер-агроном. Альберто очень любит свою родину.

— Нет для меня страны лучше,— говорит он.— Там много солнца, синее море, высокие горы.

Мои соотечественники — люди добрые и мужественные. Сейчас Чили под сапогом фашистской хунты. Но я уверен: придет день, и звезда свободы взойдет над моей родиной.

Военная хунта незаконно держит в заключении отца Альберто — Луиса Корвалана.

— Для всех чилийцев Советский Союз, советский народ, молодежь, партия Ленина, комсомол — самый благородный и великий защитник. Именно Советский Союз поднял свой могучий голос и заявил энергичный протест против тех преступлений, которые сегодня совершаются в Чили,— сказал Альберто на встрече с нашей молодежью.

— Я хочу передать вам, дорогие друзья, самый горячий, братский, боевой привет от имени моих товарищей по заключению, от имени нашего народа, молодежи.

Знайте, Чили сопротивляется фашизму, Чили борется за свободу!

Прогрессивные люди всего мира борются за освобождение из фашистских застенков Луиса Корвалана, поэтому каждый, кто встречался с Альберто, спрашивал его об отце.

— Мне удалось встретиться с отцом в сентябре прошлого года,— говорит Альберто,— в концлагере Ритоке, где он находился вместе с другими руководителями партий Народного единства. Я смотрел в его глаза, говорил с ним. На руках, на лице отца были видны следы пыток. Физически он ослаблен, но духовно не сломлен. Он верит в силу единства своего народа, в силу международной солидарности.

Луису Корвалану присудили международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

Ему удалось прислать из тюрьмы телеграмму в Москву: **«Эта награда не только честь для меня лично, но прежде всего значительное и бесценное выражение дружбы с нашим народом».**

А какую большую радость принесло это известие его жене, матери Альберто! Многие люди в Чили приходили к ней, поздравляли.

— Моя мать — замечательная женщина,— рассказывал Альберто.— Ее зовут Лили. Вместе с моими сестрами Лили, Вивианой и Марией-Викторией она живет в Сантьяго. Они решили не покидать страну, пока отца не освободят из заключения.

Моя мать — очень мужественная женщина. Она стойко выдерживает все невзгоды. Им нелегко живется. Фашисты врываются в дом и производят бесконечные обыски. Моих сестер Лили и Вивиан выгнали из университета, они тоже побывали в заключении. А теперь, когда их освободили, они не могут получить работу. Хунта пытается задушить их голодом. Но внимание, тепло простых чилийцев согревают моих родных. Это они заботятся о том, чтобы в нашем доме на окраине Сантьяго были хлеб и сахар. Те из них, кто прежде не разделял взглядов коммунистов, не поддерживал Народного единства, сегодня вместе с огромным большинством чилийцев-антифашистов.

Молодежь Чили всегда оказывала поддержку революционным, прогрессивным силам.

В стране не было предприятия, университета, где бы не было оказано сопротивление фашистской хунте.

Хунта обрушила на молодежь самые жестокие репрессии.

Солдаты врывались в учебные заведения, на предприятия, в поселки и небольшие города и увозили юношей и девушек в концлагеря.

Даже хунта признала, что наше поколение, к которому принадлежу и я, пропитано коммунистическими идеями.

Хунта стремится искоренить наши свободолюбивые идеалы. Она изменила программы университетов, средних и начальных школ. Выпустила новые учебники, в которых история нашей страны трактуется с точки зрения фашистов.

В учебных заведениях из студентов-фашистов создаются полицейские отряды. Они доносят на тех, кто сохранил прогрессивные взгляды.

Образование стало платным. Нужно внести двести долларов только за то, чтобы поступить в университет, тогда как средняя месячная зарплата чилийского рабочего около сорока тысяч эскудо (восемнадцать долларов). Естественно, что за дверями учебных заведений остались в основном дети рабочих и крестьян.

Хунта готовит новое чудовищное преступление. Фашисты хотят детей коммунистов, руководителей профсоюзов и других партий, входящих в Народное единство, вырвать из семей и отправить в исправительные заведения для «перевоспитания», то есть для воспитания в духе фашизма.

Военный в каске с автоматом наготове — таким должен быть идеал молодежи,— так считает правительство Пиночета. Но юноши и девушки Чили вместе со своим народом поднялись на борьбу против тирании. Члены Коммунистической молодежи Чили пишут на стенах домов антифашистские лозунги, распространяют по всей стране подпольные газеты, листовки, декларации. Коммунистическую молодежь Чили поддерживают и другие братские организации Народного единства. Они борются вместе, молодые люди Чили, соратники и последователи борца и антифашиста Виктора Хары.

В то время, когда Луис Альберто Корвалан был в Москве, он написал открытое письмо своему отцу Луису Корвалану и попросил передать его по программе московского радио «Слушай нас, Чили!».

Вот строки из этого звукового письма:

«Тюрьма не может стереть следы, которые ты оставил в жизни. Со мной живут воспоминания моего детства. Глиняный дом, что твоими руками был построен в Ла-Систерна. Грядки с фасолью и картошкой, которые ты возделывал, когда мы были еще совсем детьми. Я помню твои уроки. Помню, как мы учились читать. Помню твою заботу о том, чтобы мы выросли настоящими людьми...

Помню я и нашу последнюю встречу в концлагере Ритоке. Там, среди ощетинившихся винтовок, я увидел твое спокойное лицо. Твое спокойствие придало мне сил. Сколько величия, сколько подлинной человечности было в тебе в тот момент!..

...Помню твои слова, исполненные веры в силу народа, веры в то, что ночь не может длиться вечно. Чили будет свободной, и час свободы приближается».

Это рисунок твоего чилийского ровесника. Он стал плакатом, обвиняющим фашизм. Выпустил плакат СИМЕА — Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи.

«САЛЮТ, ПОБЕДА!»
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНКУРС ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» И ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

В. БЛИЗНЕНКОВА

УРОК МУЖЕСТВА

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Наш конкурс закончился. Победители получили награды и премии, многие их еще получат. Лучшие работы отправлены на выставки...

Казалось бы, все?

Нет! В ваших работах—письмах, тетрадках, альбомах — собраны бесценные документы истории советского народа: сотни и тысячи имен героев войны, и среди них такие, о которых было мало или совсем ничего не известно. Научные сотрудники Центрального музея Вооруженных Сил СССР высоко оценили ваш труд. По их просьбе тысячи адресов ветеранов войны из ваших работ будут переданы музею.

«Спасибо тебе, конкурс!»

«Спасибо тебе, конкурс, за то, что помог нам многое узнать о Великой Отечественной войне советского народа, сердцем прикоснуться к великому подвигу»,—пишут следопыты из Курска.

Это был настоящий урок мужества. Отвечая на вопросы конкурса, вы не просто знакомились с историей Великой Отечественной войны, вы как бы заново переживали самые героические ее эпизоды. Каждый из вас с гордостью осознавал себя гражданином Страны Советов, наследником героической истории...

Вот почему так горячи ваши слова о подвигах Александра

Матросова и Кости Кравчука, о юном разведчике Косте Феоктистове и бесстрашном летчике Григории Бахчиванджи.

Вот почему как героические стихи звучат ваши рассказы о «Красном Кавказе», первом гвардейце флота, о легендарных «катюшах» и «тридцатьчетверках».

Со страниц ваших работ встает поколение героев. Вы рассказываете о подвигах, которым нет числа, подвигах, которые вошли в биографии тысяч советских людей. И, может быть, впервые вы задумываетесь: а что же такое подвиг? Что дает человеку силы выдержать невозможное?

«Я знала о героях Великой Отечественной войны, об их подвигах. Но я как-то не задумывалась о том, чего стоили им подвиги,— пишет нам **Люда Денина** из Красноярского края.— **А когда готовилась, поняла. Поняла, что это нечеловечески трудно, но все-таки возможно направить горящий самолет в автоколонну или броситься под огнем к доту. Я знала раньше, что война принесла людям много страданий, но, только отвечая на вопросы, поняла, что значило для людей потерять все: и родных и дом... Я поняла, чего стоило то, что я сейчас сижу и спокойно пишу вам письмо...»**

Сергея Ивановича Платова сфотографировали у рейхстага 10 мая 1945 года.

Сегодняшнее поколение пионеров получает урок мужества от отцов и дедов.

Сегодняшнее поколение дает клятву верности старшим.

«...Я учусь в четвертом классе школы № 35 города Севастополя, мне одиннадцать лет, но если придется, я готов встать на защиту своего Отечества». Игорь Михайлов.

В каждом городе и в каждом селе

Нет в нашей стране города, нет села, которые не озаряла бы воинская слава героев. Нет в стране уголка, где, как святыню, не хранили бы память о них. Эта память живет и в ваших работах. Вот строки из них:

«Всем известна фотография — солдат расписывается на колонне рейхстага. Это наш земляк, пермяк Сергей Иванович Платов. На колонне написано «Платов Серг. Ив. Курск—Берлин. 10. V. 1945 г.». Свой боевой путь Платов начал на Курской дуге, но сам он из Перми». Марина Севастьянова, Ирина Клоц, 7-й класс, г. Пермь.

«...Идет по улицам нашего микрорайона пожилой скромный человек. Зовут его Алексей Александрович Соловьев. За битву с «королевскими тиграми» у озера Балатон в Венгрии он награжден орденом Славы III степени.

Я знаю, что это Герой Великой войны, Советский Солдат. И все эти слова я написала с заглавной буквы, это неверно орфографически, но с маленькой буквы я их писать не хочу». Лена Сутягина, г. Горький, 5-й класс.

Невозможно привести здесь все ваши рассказы о земляках-героях, назвать все имена.

И все же остановимся на минуту, возьмем в руки вот эти работы.

Подмосковный городок Балашиха... Таких сотни в нашей стране. А посмотрите, какую работу прислали на конкурс шести-

Вглядитесь в эти лица—в глаза тех, кто не дрожал над своей жизнью, кто готов был отдать ее за Родину, за ваше счастье.

Мы взяли эти снимки из ваших работ, к ним можно было бы прибавить еще сотни других, присланных вами. Это портреты наших героев, это наша гордость и слава.

Все они награждены орденами Славы, солдатским орденом, которым отмечались личная храбрость, бесстрашие и мужество.

История каждого ордена — это человеческая судьба, это трудные, героические моменты жизни.

ЯКОВЛЕВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

«Сражался за Новороссийск, участвовал в высадке десанта. Командир орудийного расчета. Полный кавалер орденов Славы». Наташа Семушина, 7-й класс, г. Печора.

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА СЕРДЮК

«Наташе было шестнадцать лет, когда она попала на фронт. Она прошла от стен Сталинграда до Праги. Сколько раненых бойцов вынесла она с поля боя, из огня! В бою под Кировоградом, рискуя жизнью, она спасла жизнь командира. За этот подвиг Наташа была награждена орденом Славы III степени...»

Следопыты 4-го класса из Курска.

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ МАМЕДОВ

«Мой папа полный кавалер ордена Славы. Я очень люблю своего папу и горжусь тем, что он трижды совершал геройские поступки, подвиги, за которые получил такую высокую награду Родины».

Лена Мамедова, 3-й класс, г. Приморско-Ахтарск, Краснодарский край.

ИВАН ПАВЛОВИЧ КОПЫЛОВ

«Во всей литературе, которую я прочитал, упоминаются только три полных кавалера ордена Славы, имеющих четыре ордена Славы. Это Рогов, Зотов, Исымбаев. У меня просьба к сотрудникам Центрального музея Вооруженных Сил: пусть они восстановят справедливость и внесут имя Копылова в эти списки».

Алексей Ананьин, г. Шахты.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ БАЖАНОВ

получил орден Славы III степени еще мальчишкой.

классники из отряда «Поиск», горячие патриоты своего города. Читаем скупые строчки следопытских записей, и перед нами оживают история Балашихи, ее герои:

Флеров Иван Андреевич — Герой Советского Союза, легендарный командир первой батареи «катюш», героически погибший в 1941 году.

Женя Руднева — Герой Советского Союза, летчица-комсомолка. Имя Жени навечно занесено в списки комсомольской организации города.

Ромашкин Иван Ильич — один из немногих оставшихся в живых героев штурма высоты 224.1 в Смоленской области — той самой легендарной Безымянной высоты, о которой сложена песня...

Герои 125-го Балашихинского истребительного добровольческого батальона. Пятьсот коммунистов, комсомольцев и беспартийных ушли в первые дни войны из Балашихи в рейды по тылам врага в Подмосковье. Многие потом дошли до Берлина...

Ребята разыскали и других ветеранов войны в своем городе, назвать все имена мы здесь просто не можем. Все собранные ими материалы можно увидеть в школьном музее боевой славы — он был открыт к тридцатилетию Победы. Сколько домов обошли следопыты, во скольких семьях побывали! Их стали узнавать на улицах. Ветераны, встречая ребят, звали их к себе в гости. Многие бывшие фронтовики стали друзьями отряда.

Самым близким другом ребят стал Владимир Алексеевич Бажанов.

...Володе было тринадцать лет, когда началась война. Тайком, на крыше вагона он пробрался к фронту и до конца войны сражался в рядах Советской Армии.

Орден Славы III степени он получил еще мальчишкой, вашим сверстником, за спасение командира в бою.

В боях за освобождение Польши Володя подружился с мальчиком Юзеком — сыном полка 3-го Украинского фронта.

По просьбе В. А. Бажанова мы обращаемся к польским харцерам: разыщите доблестного польского воина, сына полка Юзефа, награжденного советскими боевыми орденами.

Вова и Сережа Никишины живут в Татарии, в городе Лениногорске. Они постарше наших читателей — Вова в десятом, Сережа в девятом классе, поэтому жюри не включило их в число победителей, но мы хотим рассказать, как они работали, отвечая на вопросы конкурса, как много узнали, увидели и пережили.

Отец братьев Григорий Иванович Никишин — участник войны, разведчик, кавалер шести орденов и медали «За отвагу». Он возглавляет городской штаб Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы...

Вот что пишут Вова и Сережа, заканчивая свою работу:

«Вместе с отцом мы прошли, проплыли и проехали около ста тысяч километров по стране. Мы с папой путешествуем с шести лет, а в составе экспедиций красных следопытов — с шестого класса. Побывали во всех городах-героях, кроме Керчи. Были на родине Кантарии и Егорова, были в гостях у героинь, полных кавалеров ордена Славы —

«СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ НЕУСТРОЕВ,
знаменитый герой битвы за рейхстаг, на крыльце нашей школы со знаменной группой дружины. Он почетный пионер нашей школы»,— пишет четвероклассница Людмила Фадеева из Свердловска.

Н. А. Журкиной, Данутe Станилене, М. С. Нечипорчуковой-Ноздрачевой... Брели партизанскими тропами по Московской, Смоленской, Витебской, Минской областям, по полям Латвии, Литвы, шли, плыли и ехали по пути десанта морской пехоты, возглавляемого Константином Ольшанским. За бессмертный подвиг при освобождении Николаева всем шестидесяти восьми десантникам было присвоено звание Героя Советского Союза...

У нас большая военно-патриотическая библиотека, тысяча экземпляров. В походах Вова записывает на магнитофон, а я, Сережа, фотографирую.

Поиск продолжается».

Мы не можем рассказать обо всех следопытах. Многие прочтут свои имена в журнале, получат наши дипломы.

Будут среди них и юнармейцы из школы № 9 города Батайска. В стенах этой школы свято хранят имя гвардейца Николая Швецова. Он ушел на войну, не кончив школу, и геройски погиб в боях за Будапешт. По просьбе юнармейцев венгерские пионеры нашли могилу героя, ухаживают за ней. А следопыты из Батайска с поездом дружбы побывали в Венгрии, приехали и в местечко Обуда, на окраине Будапешта, где похоронен отважный гвардеец. Постояли у белых берез, что склоняются над мемориальной плитой... Горсть земли с могилы привезли в Батайск, родителям Николая.

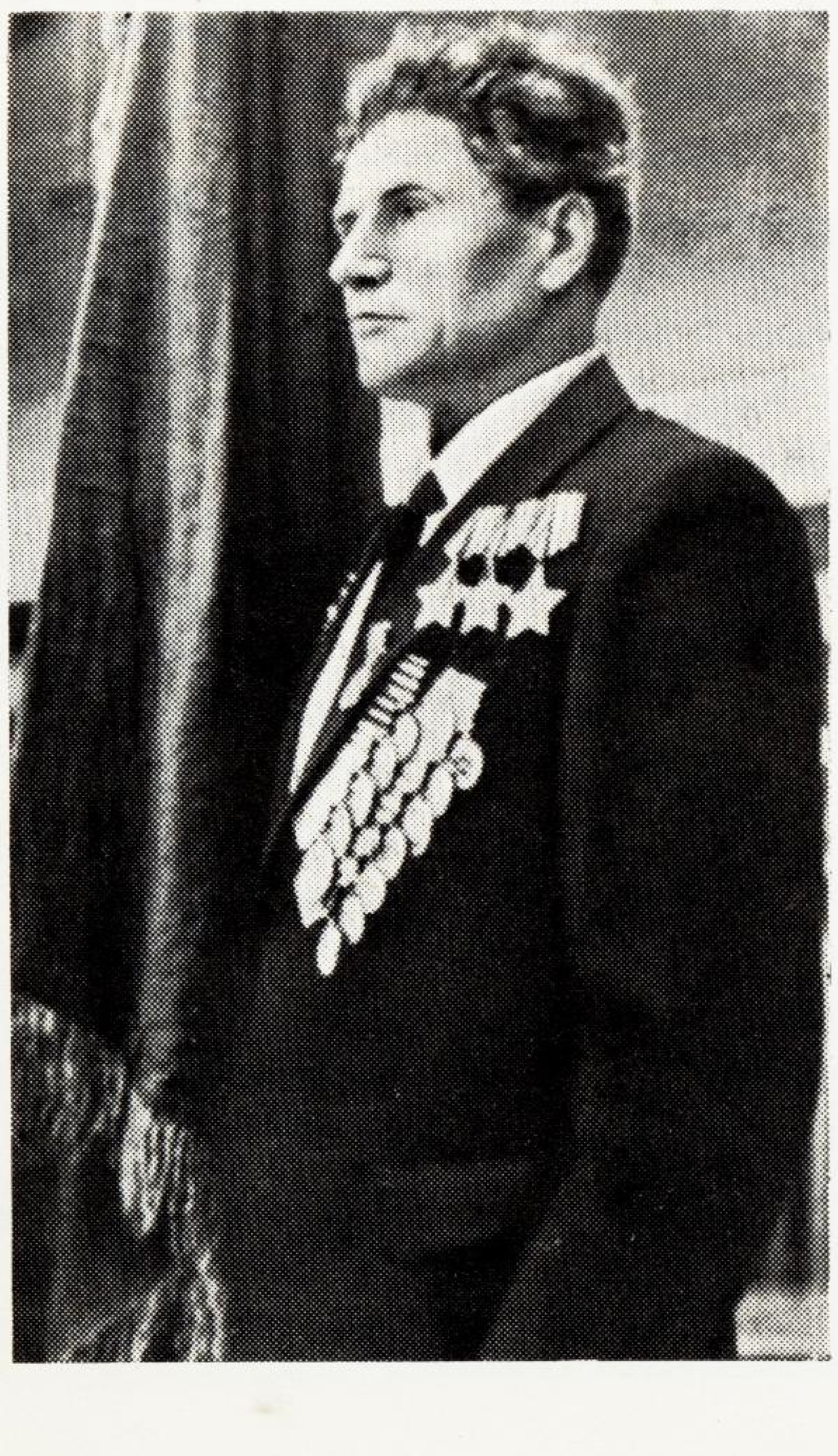
На могиле героя в далекой Венгрии всегда лежат живые цветы...

Лучшими работами, присланными на наш конкурс, стали те, в которых рядом с правильными и полными ответами на все вопросы были рассказы о следопытском поиске, о находках и открытиях, сделанных во время походов и экспедиций, во время незабываемых встреч с земляками — ветеранами войны.

ДМИТРИЙ НИКИФОРОВИЧ БОНДАРЕНКО

«Полный кавалер ордена Славы, воспитанник Тихоокеанского флота. Особо отличился в боях за освобождение Белоруссии и Прибалтики».

Таня Еремеева, Наташа Кошлан, Марина Еремеева, г. Владивосток.



«Три месяца я работал над ответами...»

Такие строки есть в сотнях писем.

Ребята рассказывают, как сидели вечерами над книгами и газетами, как помогали им домашние да и все, к кому они обращались: библиотекари, сотрудники музеев и военкоматов, учителя и пионервожатые. Не находили ответа дома, отправлялись в соседний город, писали знакомым, родственникам, во все уголки нашей страны.

«ПИОНЕР» БЛАГОДАРЕН ВСЕМ ВЗРОСЛЫМ, КТО ПОДДЕРЖАЛ ГОРЯЧИЙ СЛЕДОПЫТСКИЙ ПОИСК, КТО ВЛОЖИЛ ЧАСТИЧКУ СВОЕГО СЕРДЦА В ПРЕКРАСНЫЙ ТРУД НАШИХ РЕБЯТ!

«Вот и закрыта последняя страница нашего альбома... Мы идем на почту отправлять ответы. Нам и радостно и грустно. Радостно, что мы закончили работу и скоро она будет в Москве. А грустно оттого, что нам не надо больше ездить по библиотекам в поисках нужной книги, перелистывать страницы старых газет и журналов, не придется приходить домой уже под вечер и в каком-то озарении делать уроки, а потом до ночи засиживаться над страницами нашего будущего альбо-

АБРАМОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

«Этот улыбающийся солдат — дядя Миша Абрамов. За храбрость награжден орденом Славы».

Лена Лантратова, г. Челябинск.

РОДИОНОВ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ

«На фронте был разведчиком. Много раз брал в плен фашистов, а один раз привел даже генерала. Полный кавалер ордена Славы».

Лариса Тихонова, Рая Грекова, ст. Черусти, Московская обл.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

«Орденом Славы III степени награжден за участие в разгроме гарнизона «Норвегия», за личную храбрость и мужество. Полный кавалер ордена Славы».

Вова и Люда Мельниковы, п. Суккозеро, Карельская АССР.

АНДРЕЙ НИКИТОВИЧ ПИКАЛОВ

«В годы войны был разведчиком. На его счету около девяноста «языков», доставленных в штаб части. Полный кавалер ордена Славы».

Сергей Руденко, г. Харьков.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ

«Полный кавалер ордена Славы. Под городом Люблином в Польше он вместе с двумя разведчиками взял в плен более тридцати фашистов и доставил их в свою часть, которая находилась в пяти километрах. Славные разведчики были награждены орденом Славы III степени».

Александр Савка, г. Ивано-Франковск.

ма,— пишут **Елена Шутемова** и **Нина Артемова** из города Иваново.— **И пусть, пусть мы не войдем в число победителей. Главное, что мы много узнали о героическом прошлом нашей страны!»**

Надо сказать, что все члены жюри с большим волнением читали ваши работы. Большинство ребят великолепно справились с вопросами по истории Великой Отечественной войны. Поразительно, как много удалось собрать материалов даже тем, кто живет далеко от больших городов! Вот уж действительно, со всеми трудностями, оказывается, можно справиться, если возьмешься за дело по-настоящему.

Одни ребята особенно увлеклись историей «катюш» и собрали все, что смогли, о развитии советской реактивной техники, о всех предках и родственниках «катюш», начиная с «Ракетных заведений для фейерверков» XVII века! Другие подробно рассказали о реактивных самолетах, о первых конструкторах и испытателях машин, присылали свои рисунки и фотографии. Во многих работах — детальные рассказы (с картами и схемами) о Берлинской операции, о боевых походах и сражениях «Красного Кавказа» и других гвардейских кораблей и подводных лодок. И, конечно, о легендарных «тридцатьчетверках»...

«Мне понравились все вопросы конкурса, но особенно седьмой, одиннадцатый и девятый, про Т-34. Это мой любимый танк. Кроме ответа на вопрос, почему Т-34 лучший танк, я очень захотел найти как можно больше городов, где есть памятники Т-34. И не просто назвать города, но сказать, в каком месте и в честь какого события установлен памятник»,— пишет **Саша Горбенко,** ученик 5-го класса из Калининграда, Московской области.— **Я написал в разные города нашим родственникам, и знакомым, и просто школьникам, моим сверстникам. Многие ответили мне. Но некоторые памятники я не включил в свой ответ, потому что теперь точно знаю, что это не Т-34, а тяжелые танки КВ или ИС.**

Я решил продолжать поиск танков-памятников. В конкурсе я назвал 54 памятника, а всего их больше 350!»

На этой схеме — боевой путь А. А. Соловьева от Москвы до озера Балатон. Здесь показано,

Таня Мищук рассказала в своей работе о 59 памятниках, большой материал о танках собрал **Сережа Руденко** из Харькова, **Галя Корнева** из Алексина и другие ребята.

«Я знаю 250 городов, сел и деревень в СССР и за рубежом, где стоят танки-памятники. Напечатать в викторине (печатала сама) я успела не все. Когда я пришла в Центральный музей Вооруженных Сил, чтобы побольше узнать о танках-памятниках, там заинтересовались моими материалами. И мы договорились, что, когда я сдам викторину, вторые экземпляры отдам музею»,—пишет москвичка **Марина Воронкова.**

Самыми трудными оказались вопросы о первом гвардейском корабле и о монументе «Братание». Очень многие ребята не знали, что космонавт Владимир Шаталов был сыном полка в годы войны.

Некоторые участники, к сожалению, увлеклись оформлением, они не столько занимались поиском, сколько вырезали и наклеивали в альбом открытки, плакаты, картинки и фотографии из газет и журналов. Альбомы получились нарядные и толстые, но да-

какие награды
и где
получал воин,
где был ранен.
Эти страницы из работы
Лены Сутягиной
из Горького.

леко не всегда в них были точные и полные ответы на все вопросы.

Хочется отметить **Лену Черепанцеву** из Ростова-на-Дону. Лена учится в музыкальной школе. В ее альбом, присланный на конкурс, были вложены ноты сюиты «Смерть солдата». **«В этой пьесе я хотела показать жизнь русского человека, жизнь которого была прервана войной... Умирая за Родину, за наше светлое будущее, он вспоминает свое детство — звучит колыбельная песня, которую пела ему мама».**

Лена и Саша Минасенко
из города Жирновска
прислали
в редакцию
драгоценные реликвии —
свидетели последнего боя
за рейхстаг.

Пятиклассник **Александр Аленин** собирает марки, и ответ на каждый вопрос он иллюстрировал марками из своей коллекции. Среди них есть редкие марки, и мы обязательно вернем Александру его работу.

И все же самыми драгоценными были те работы, где есть и верные ответы, подготовленные по книгам и журналам, и самостоятельный поиск: записи о встречах с ветеранами, рассказы об их подвигах и боевых эпизодах.

«Сначала я думала, что сумею быстро ответить на все вопросы конкурса. Но это оказалось не так. Многие думают, что о войне знают буквально все, ведь о ней написано столько книг, поставлено столько фильмов. Но это неверно. Еще очень-очень много неизвестных героев, неизвестных подвигов. И наша задача — найти их, рассказать о них всем людям, ведь каждый год отдаляет нас все дальше и дальше от тех незабываемых дней. И люди, которые будут жить после нас, никогда не простят нам, что мы могли, но не нашли, не записали воспоминания многих бойцов войны.

Я очень много узнала, отвечая на вопросы викторины. События тех далеких дней стали мне еще ближе и дороже... Не знаю, как буду жить без викторины!» Марина Юркина, г. Архангельск.

— Продолжать поиск! Изучать историю Великой Отечественной войны, окружать заботой и вниманием ее ветеранов,— вот что скажем мы Марине и всем участникам нашего конкурса.

— Пусть никогда не остывает в вашем сердце горячее чувство долга перед подвигом старших, пусть не прекращается в отряде, школе, дружине эстафета следопытского поиска!

— Продолжайте собирать бесценные документы войны. Они нужны истории.

— Конкурс закончился. Поиск продолжается!

Майя БОРИСОВА

Кривая береза

Ветвями за землю
Почти задевая,
Росла на поляне
Береза кривая.
Прямые березы,
Сверкая корой,
Ее не считали
Достойной сестрой.
Но как-то художник
Пришел на поляну,
На пни, на деревья
Внимательно глянул,
К невзрачной березке
Спеша подошел,
И ахнул, и тронул
Искривленный ствол.
Что он разглядел в ней?
Не шест и не палку!
А дивную деву,
Морскую русалку...
Обрезал ножом он
Сучок и другой...
Теперь уж русалку
Увидит любой!
С тех пор знаменита
Лесная поляна,
Из города ездят
Сюда постоянно.
Любуются люди,
Как в зной и в мороз
Резвится русалка
Меж стройных берез!

Старый конь Пахом

Старый конь по имени Пахом
Сединой покрыт, как будто мхом...
Раньше он работал круглый год,
А теперь на пенсии живет.
Вот бредет по улице Пахом,
Каждый двор в селе ему знаком.
В этот дом он привозил дрова.
Ждет его здесь свежая трава.
А вот здесь пахал он огород.
Здесь его опять гостинец ждет:
Осторожно конь берет с руки
Мякиша душистого куски.
Молодой колхозный агроном
(В первый класс его возил Пахом)
Тащит пойла теплого ведро.
Людям долго помнится добро...

Пастух

Проходит по селу пастух,
Скликает Ночек и Пеструх.
Он не играет на рожке,
Как полагалось исстари:
Он музыку на ремешке
Несет в своем транзисторе.
Далеко за село пастух
Уводит Ночек и Пеструх.
А в сумке — сало у него.
И хлеба полковриги,
И молоко, а сверх того —
Еще четыре книги.
Он очень много книг прочел,
Поскольку хочет стать врачом:
Врачом не человечьим —
Коровьим и овечьим...

Кто скрывался в кустах

Кто там шевелится в кустах?
Откуда эта дрожь в листах?
Вот шорох...
Или вроде скрип...
Промчалась мышь?
Толкнулся гриб?
Нет, там не мышка, не грибок!
Быть может, волк там чешет
бок?
Или скрывается злодей,
Подстерегающий людей?
Или, ужаснее раз в сто,
Там прячется Не-Знаю-Кто?!
Дрожал я с головы до ног,
И шагу сделать я не мог.
Потом решил: зачем дрожу?
Ведь палку я в руке держу!
Я сунул палку в ближний куст,
А он был совершенно пуст.
И сунул палку в дальний куст...
И он был совершенно пуст!
Теперь я знаю, что в кустах
Сидел мой глупый-глупый страх.

Прополка

Того, кто придумал прополку,
Скормил бы я серому волку!
Теперь-то я, бабушка, знаю:
Ты вовсе не добрая — злая...
Готова тиранить и мучить
Того, кто «любименький внучек».
Тебе безразлично, что внук —
Знаток очень многих наук!
Ведь в школе мы «иксы» проходим!
А тут я торчу в огороде...
Английский язык изучаем!
А тут я вожусь с молочаем...
Я даже понять не могу:
Чего это я не сбегу?
Ну вот,
огуречная грядка —
Пример чистоты и порядка.
Но рядом морковная грядка —
Ужасный пример беспорядка!
Я этого не потерплю.
Я завтра ее
прополю.

Птица Дождь

Не гадаешь, не ждешь,
Вдруг — пора плохая:
Целый день
птица Дождь
За окном порхает.
У Дождя, у Дождя —
Перья водяные.
У Дождя, у Дождя —
Крылья проливные.
Он летит по селу
Над домами, клубом,
И стучит по стеклу
Он прозрачным клювом.
Лужа — вроде моря.
А на что ж
двор похож?
Птица Дождь, птица Дождь
В луже лапки моет...
Но зато огород
Всласть, взахлеб воду пьет!
Да и сад очень рад:
Вон как листья блестят!
А гулять не пойдешь,
Наберись терпенья:
За окном птица Дождь
Сбрасывает перья!

Рисунки А. БОРИСОВА.

Синий цвет — цвет счастья

Олег ТИХОМИРОВ

Рисунки С. ОСТРОВА.

Автобус везет нас в Нурек, туда, где строится крупнейшая в Средней Азии гидроэлектростанция.

Спрашиваю у соседа, скоро ли приедем.

— А вы, значит, в Нурек первый раз? Еще часа полтора осталось. — И добавляет: — Нурек — это чудо. Посмотреть обязательно надо. Самая высокая в мире плотина. Триста метров!

За окном долго тянутся горные хребты, глубокие ущелья с крутыми склонами. Но вот замелькали многоэтажные дома, магазины, киоски. Красивая площадь с кинотеатром и гостиницей. Мы приехали в Нурек.

Нурек — молодой город, и жители его тоже молодые, в основном это строители ГЭС — бетонщики, горные проходчики, грейдеристы, шоферы, сварщики, монтажники. А еще много в Нуреке мальчишек и девчонок. В тринадцати школах учатся больше пяти тысяч учеников. Каждый пятый нурекчанин — школьник.

НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД?

Утром я был у председателя Нурекского горисполкома Мирзо Шукуровича Шукурова. Только успели поздороваться, Мирзо Шукурович спрашивает:

— Ну как, нравится наш город?

— Нравится, даже трудно представить, как здесь было раньше.

— Раньше? На этом месте стояли три кишлака. Было там всего тысяча пятьсот жителей. Чем занимались люди? Животноводством, выращивали табак. Была одна школа, медпункт на семь коек, передвижная библиотека. А кино здесь, знаете, как показывали? Приезжал механик, вывешивал возле чайханы объявление: сегодня во столько-то будет такой-то фильм, приходите, приносите с собой табуретки. А сейчас! Вы видели наш кинотеатр? Панорамный. На 820 мест. Таких во всей нашей республике только три...

Мирзо Шукурович снова вернулся в разговоре к ушедшим дням:

— Единственный магазин был на три кишлака. Стоял при дороге. Там и продукты продавали, и керосин, и хомуты, и колеса для повозок. Теперь наши жители телевизоры покупают, стиральные машины, мотоциклы. Каждый третий записан в очередь за автомобилем. Даже катера стали покупать. Море наше еще не видели? — Мирзо Шукурович рассказывает о детских садах и музыкальной школе, о вечернем энергетическом техникуме и о том, как любят нурекчане спорт.

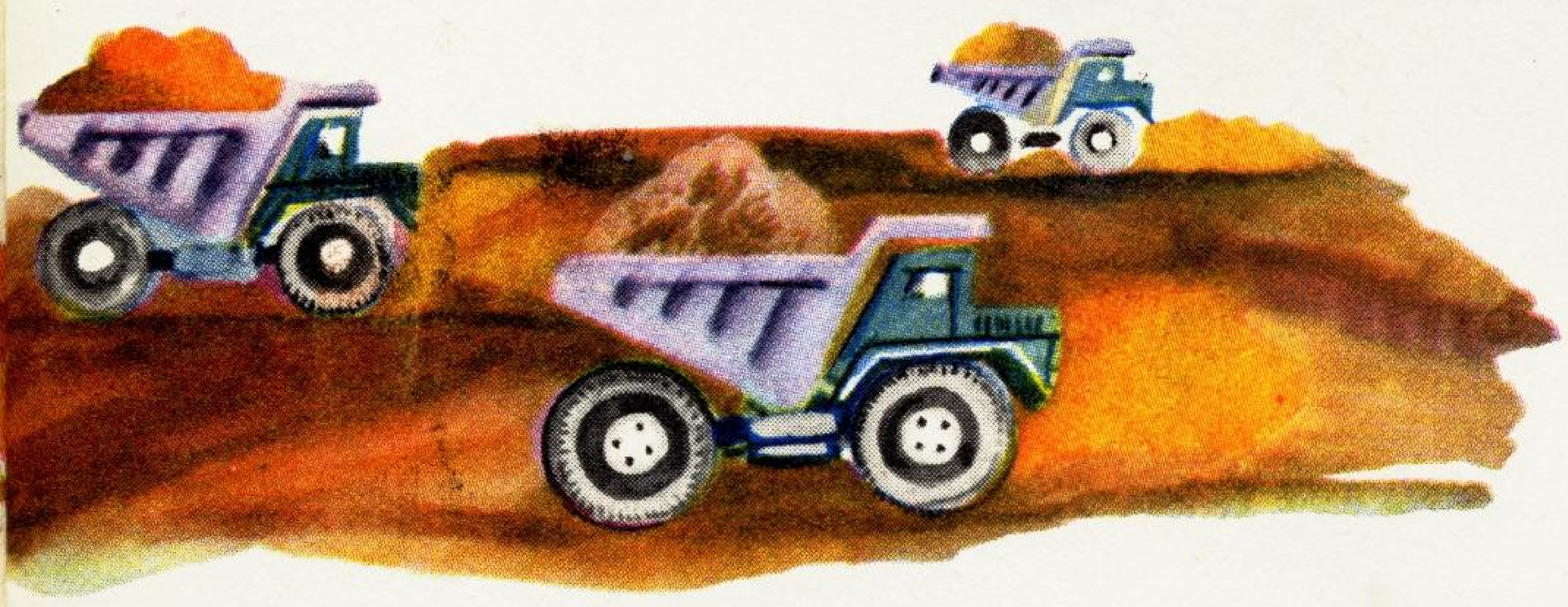
Он говорит о кишлаках-спутниках, расположенных в нескольких километрах от Нурека. Это новые кишлаки. Чистые, красиво спланированные. Там живут строители ГЭС — и те, кто приехал из других городов на Всесоюзную комсомольскую стройку, и те, кто перебрался сюда из старых кишлаков, оказавшихся теперь на дне Нурекского моря.

ПЛОТИНА

Недаром этой реке дали такое название. В переводе на русский «Вахш» — значит «бешеный». Здесь, в Пулисангинском ущелье, река грохотала и пенилась. Огромные валуны выплевывала, как семечки.

И вот Вахш перекрыт, и поднимается все выше и выше небывалая плотина. В Нуреке часто приходится слышать: не «перекрыли» реку, а «запрягли». Видно, Вахш многим напоминает горячего, норовистого коня. Сейчас вода бежит по тоннелям, пробитым в горах. Три агрегата гидростанции уже собраны и дают ток, а всего их будет девять.

Как наращивается высота плотины? Один за другим бегут по дороге 27-тонные самосвалы



«БелАЗы» — мощные машины, натужно гудя, взбираются на рабочую площадку плотины.

«БелАЗы». Мощные машины, натужно гудя, взбираются на рабочую площадку плотины, высыпают грунт.

Сбросила машина грунт, и тотчас же бульдозеры, грейдеры, катки разравнивают его, утрамбовывают, укатывают.

Когда я был в Нуреке, высота плотины была 160 метров. Если посмотреть вниз, туда, где строится гидростанция, все кажется игрушечным — и здание управления ГЭС, и 360-тонные мостовые краны над машинным залом, и мачты высоковольтной передачи, протянутой по склонам гор.

— Знаете, где будет верхняя кромка плотины? — спрашивает меня Борон Гадоев, заместитель начальника отдела оборудования Нурекской ГЭС. — Вон там!

Мы задираем головы, и Борон показывает высоко на горе красный флажок.

— Да на такой высоте лишь орлы летают! — удивляюсь я.

— Легче сделать, чем поверить, — говорит Борон.

Поглядишь, как ловко, как быстро идет здесь работа, и поверишь.

В прошлом году в «тело» плотины отсыпали шесть миллионов кубометров грунта; нынче будет отсыпано восемь, и снова машины торопятся к карьеру, где ждет их ковш экскаватора.

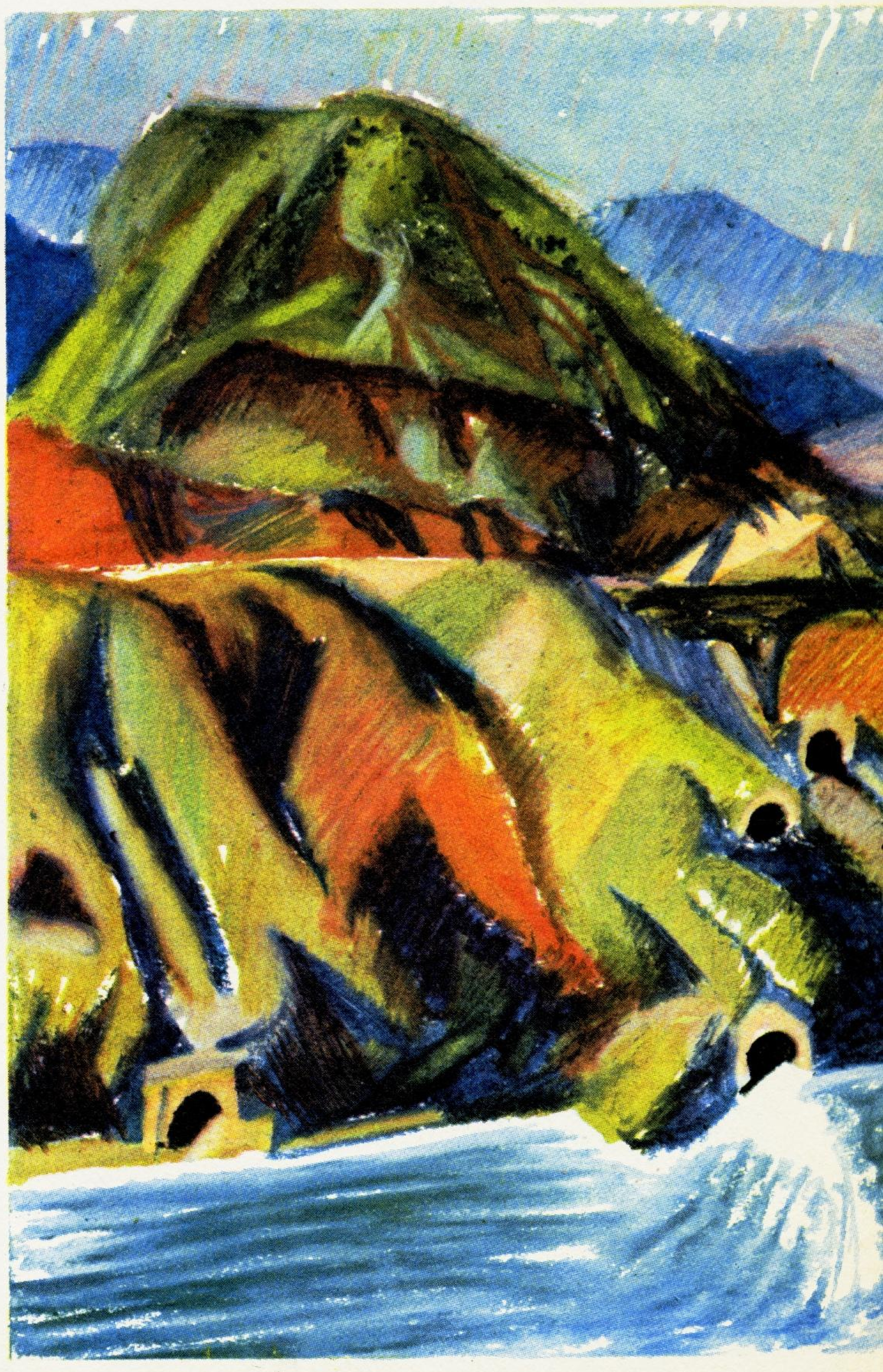
ТОННЕЛИ

Но как же самосвалы будут взбираться на такую крутизну, доставлять груз на площадку плотины?

Для этого в горах, окружающих ущелье, пробивают транспортные тоннели. Поднимается плотина, старый тоннель уже становится ненужным, и тогда взрывники, забойщики, бурильщики, горные мастера пробивают новый.

Тоннели пробиты справа и слева от плотины.

Тоннели пробиты справа и слева от плотины.



Для того, чтобы не мешать друг другу, чтобы не было заторов, машины шли по кругу: карьер — правый берег — плотина — левый берег — карьер.

Нет в мире другой гидростанции, при строительстве которой пришлось бы так много поработать горнопроходчикам. Кроме этих транспортных тоннелей, им пришлось пробивать еще четыре отводных или строительных тоннеля. По ним бежит вода Вахша. Четвертый тоннель как раз при мне только начали пробивать — для экстренного сброса паводковых вод.

— Летом, когда тают ледники, — говорит Борон, — вода в Вахше поднимается. И знаете, с какой скоростью мчатся ее воды в это время? Сто пятьдесят километров в час! Вот тогда и будем открывать затворы этого тоннеля.

Идет сварка котлов для будущих турбин.

Отводные тоннели — слева от плотины, а справа — еще девять тоннелей: по ним вахшские воды устремятся к девяти турбинам гидростанции. Это подводящие тоннели с прочной металлической облицовкой внутри. По трем из них уже сейчас бежит вода — вращает турбины трех агрегатов.

Нелегко пробивать в горах тоннели. И все же проходчики из бригады Ф. Морозова именно здесь, в Нуреке, установили всесоюзный рекорд: за месяц бригада прошла 167 метров подводящего тоннеля.

А всего в горах Нор и Сандук, сжимающих реку Вахш, уже пробито больше тридцати километров тоннелей.

С плотины мы с Бороном уезжали через транспортный тоннель. Наш «козлик» нырнул туда вслед за одним из самосвалов. Тоннель просторный, хорошо освещен, едем по нему быстро.

— Как в метро, — говорю я.

— Не совсем. У этого тоннеля площадь сечения в четыре раза больше, чем у Московского метро.

«БАРСЫ»

Удивительного на Нурекской стройке много. Уж очень необыкновенные здесь условия (потому-то и проект необыкновенный).

Вы уже знаете, что плотина в Пулисангинском ущелье самая высокая, знаете, что нигде не пробивали так много тоннелей. И вот еще один удивительный факт: Нурекскую гидростанцию строят в зоне восьмибалльной сейсмичности. Это значит, что здесь бывают землетрясения до восьми баллов. Из-за этого много дополнительных трудностей.

Одна из них, к примеру, такая. На отвесных склонах ущелья торчали камни. Некоторые из них того и гляди свалятся вниз, а при подземных толчках камни и подавно посыпались бы, как горох. Но внизу работают люди. Как быть?

Рассмотри внимательно схему, теперь посмотри на рисунок справа. Так выглядит плотина, когда находишься рядом с ней.

На помощь пришел отряд альпинистов-скалолазов. В Нуреке их прозвали «барсами». Среди «барсов» немало мастеров спорта. Даже чемпионы по скалолазанию приглашались на особо опасные работы в Нурек.

Что же делают «барсы»? Одни камни нужно просто сбросить, для других — устроить «ловушки» из металлических сеток, а есть и такие многотонные «камешки», которые можно лишь закрепить стальными тросами.

Когда мы с Бороном были на плотине, скалолазы как раз натягивали сетки на головокружительной высоте.

— В любую погоду работают, — сказал Борон.

Если нужно тащить на неприступные кручи бурильные станки, опоры электролиний, трубы для водных магистралей, то и тут не обходятся без скалолазов.

НУРЕКСКОЕ МОРЕ

В Таджикистане глаз привыкает к горам: хребты, скалы, ущелья. И вдруг за плотиной — сине-изумрудная гладь Нурекского моря. Рукотворное море — семьдесят два километра длиной.

Об озерах существует много легенд. Сколько таких легенд знают седобородые аксакалы. Вот, скажем, озеро Хазор-Чашма («Тысяча родников»). В предании, дошедшем до нас, говорится, что здесь, возле высокогорного озера, насмерть стояли горцы, отражая войска Александра Македонского. Жестоким и долгим был бой. И слез по защитникам родной земли было столько выплакано, что они заполнили чашу озера. Вода здесь всегда светлая, прозрачная.

Может, и про Нурекское море когда-нибудь сложат легенду, прекрасную легенду, радостную. Говорят, синий цвет — цвет счастья. Но не волшебная Синяя птица сделала счастливыми людей, живших в засушливой долине, а вода, которую собрали и которой умело распоряжаются сами же люди.

Нурекское море уже щедро поит своей водой хлопковые поля Таджикистана, Узбекистана и Туркмении, сотни тысяч гектаров земли.

На берегах моря вырастут белые корпуса санаториев и пионерских лагерей.

СЕРДЦЕ ГИДРОСТАНЦИИ

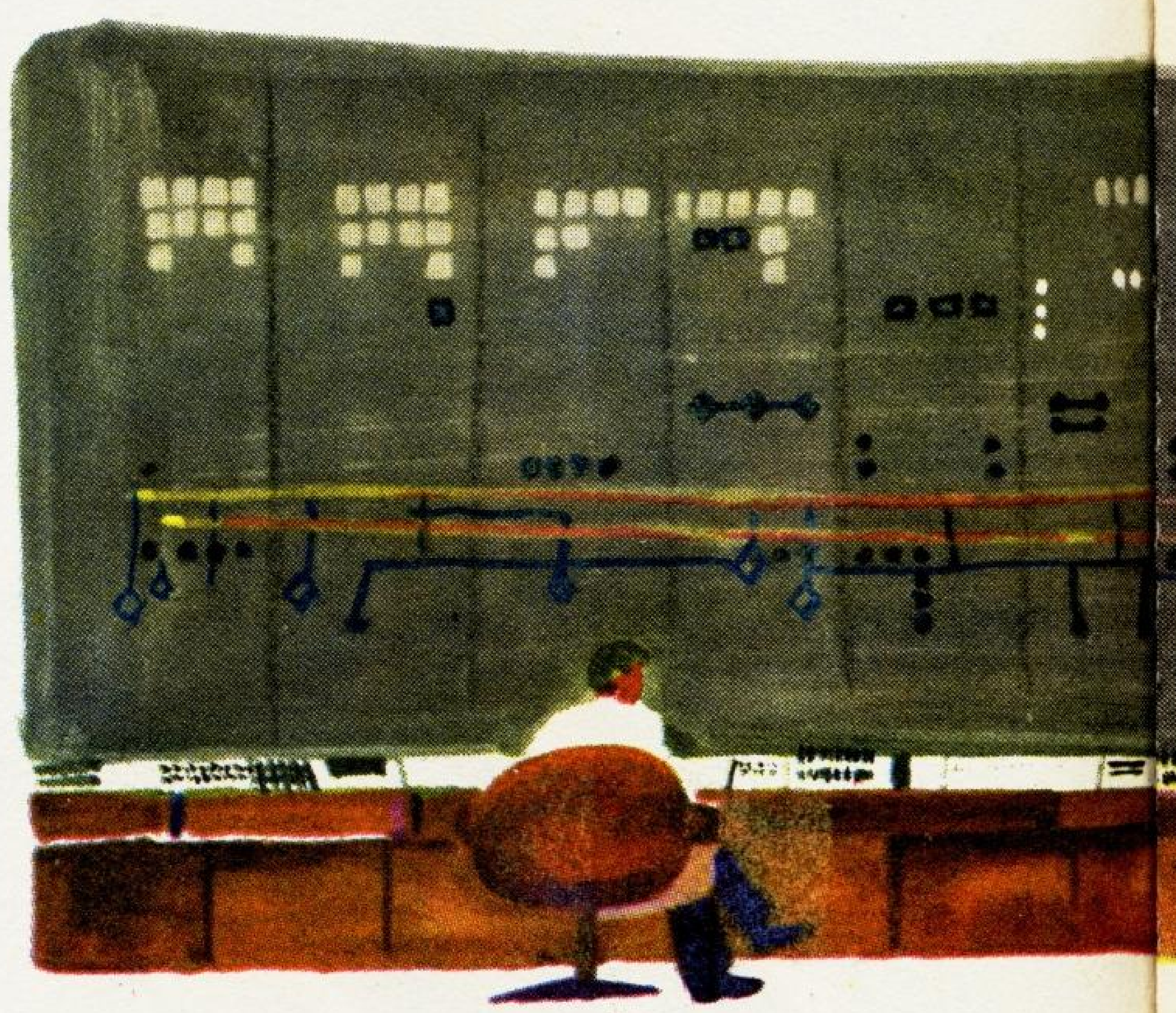
Машинный зал — сердце гидростанции. Сюда, к турбинам, словно кровь к сердцу, устремляется вода. Отсюда, пройдя через трансформаторы, бежит по проводам ток. Первую очередь гидростанции — три агрегата — нурекчане пустили на год раньше срока.

Знаете, что значит смонтировать такой огромный агрегат? Взять хотя бы металлический обод, на который ставится спиральная камера агрегата. Весит он 108 тонн. Обод нужно собрать, сварить из восьми равных частей с точностью до трех десятых миллиметра! Ювелирная работа.

А спиральная камера! Представьте себе гигантский дом улитки. И этот дом нужно сварить из гнутого проката с той же самой точностью.

На участке энергомонтажников всегда жарко. И работа напряженная, и ответственность большая. Вся стройка следит за тем, как продвигаются у них дела. Все спрашивают, интересуются, «болеют». Особенно все волновались, когда монтировался первый агрегат. Только и слышно было: «Как улиточка?» «Ползет». «Как у Льва с шариком?» «Порядок».

А «шарик» — шаровой гидравлический затвор. Вес его — 600 тонн, диаметр — 4,2 метра. Ничего себе «шарик»! В Нуреке без этих «шариков» не обойтись: любой другой «замок»



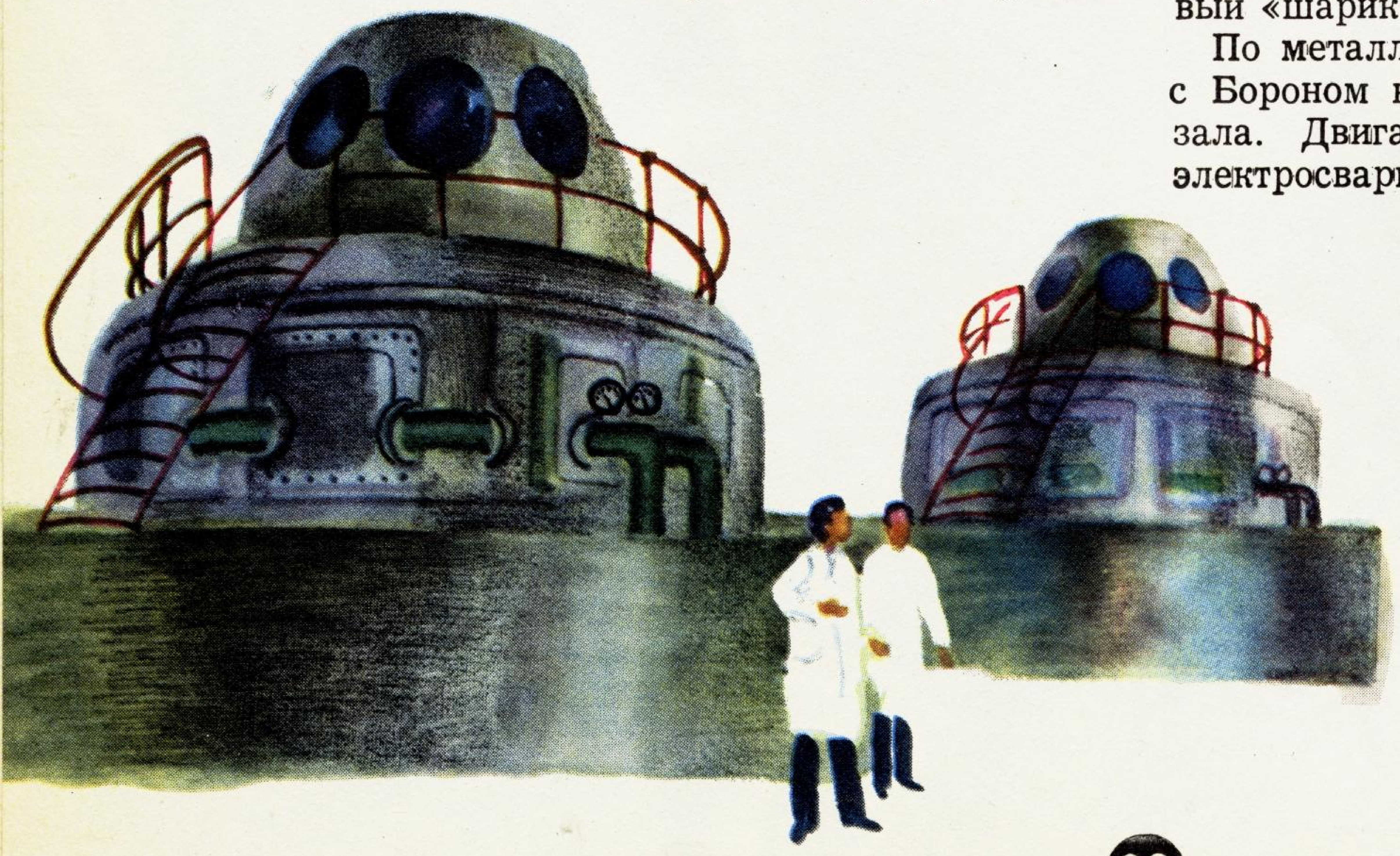
Вахш сорвет. Вот почему «болели» все за бригаду Льва Тугова, которая монтировала первый «шарик».

По металлическим лестницам мы спускаемся с Бороном к площадкам будущего машинного зала. Двигаются краны, рассыпаются искры электросварки, стучат отбойные молотки.

Мы переходим в отгороженную часть зала, туда, где уже действуют три агрегата. Здесь тихо. Лишь равномерно гудят турбины, вырабатывающие ток. Несколько дежурных следят за их работой.

Сейчас в Таджикистане строятся два крупнейших промышленных предприятия — Яванский электрохимический комбинат и Регарский алюминиевый завод. Жизнь им даст энергия Нурекской ГЭС.

Это уже действующие турбины.



ДЛЯ КАЖДОГО ЕСТЬ ДЕЛО

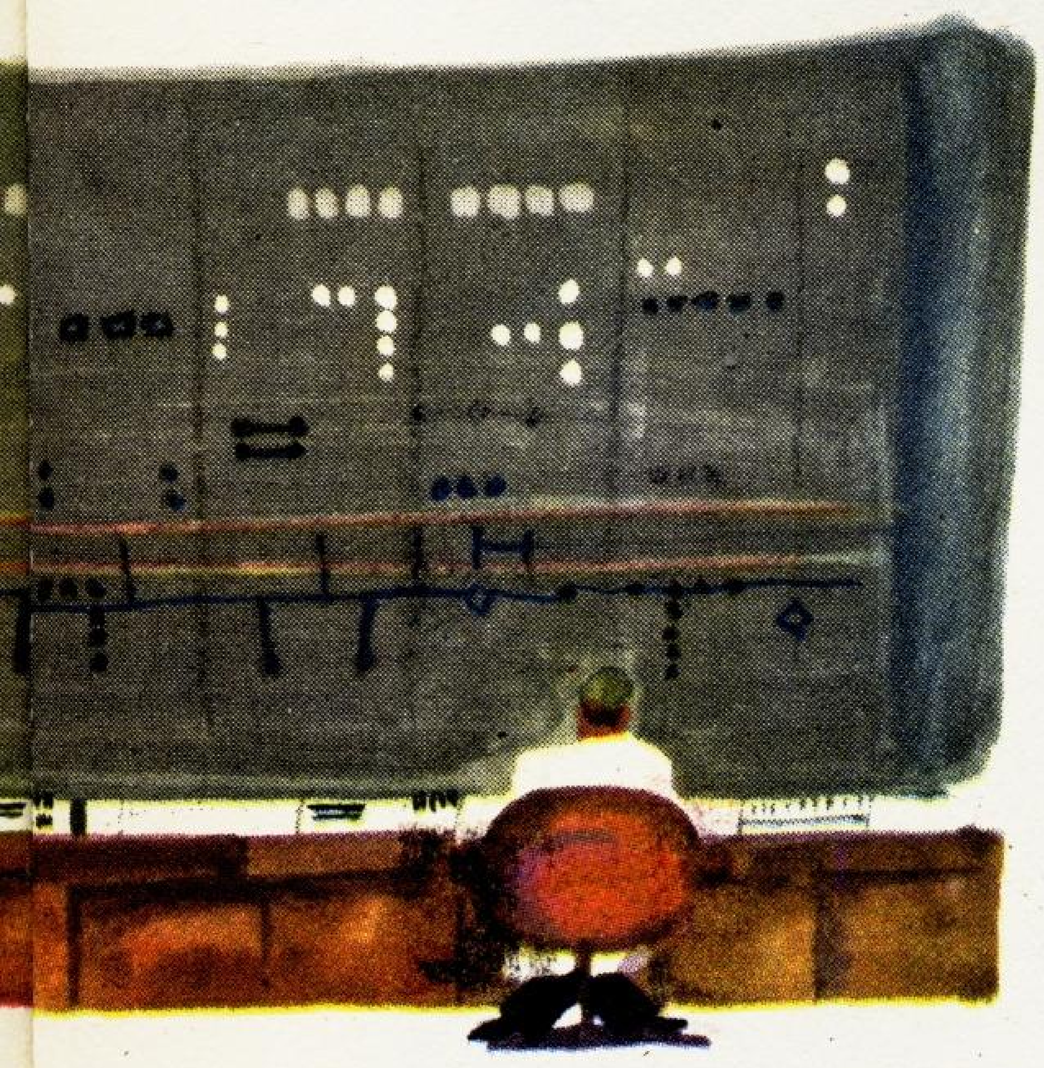
На Всесоюзную ударную комсомольскую стройку строители съезжались отовсюду. Спешила в Нурек молодежь. Одни ехали после института, другие — после службы в армии. Приезжали в Нурек и пожилые люди — видные специалисты, построившие уже не одну гидростанцию, и старики горцы, которые всю жизнь пасли скот или пахали. В Нуреке для всех находилось дело.

Давайте познакомимся со строителями, с которыми я встретился в Нуреке.

Экскаваторщик Сафар Рахимов. Молодой коммунист, передовик, награжден орденами и медалями. У него много учеников.

А как начинал Сафар? Когда началось строительство ГЭС, Сафар еще учился в школе. Кишлак, где он жил, находился неподалеку от Пулисангинского ущелья, сейчас этот кишлак на дне Нурекского моря. Сафар окончил десятый класс, поехал в Душанбе — поступать в педагогический институт. Не прошел по конкурсу. Расстроился, конечно. Много передумал — как быть? Отправился в Курган-Тюбе, поступил на курсы экскаваторщиков. А потом был на практике в Нуреке да так здесь и остался.

Центральный пульт управления ГЭС

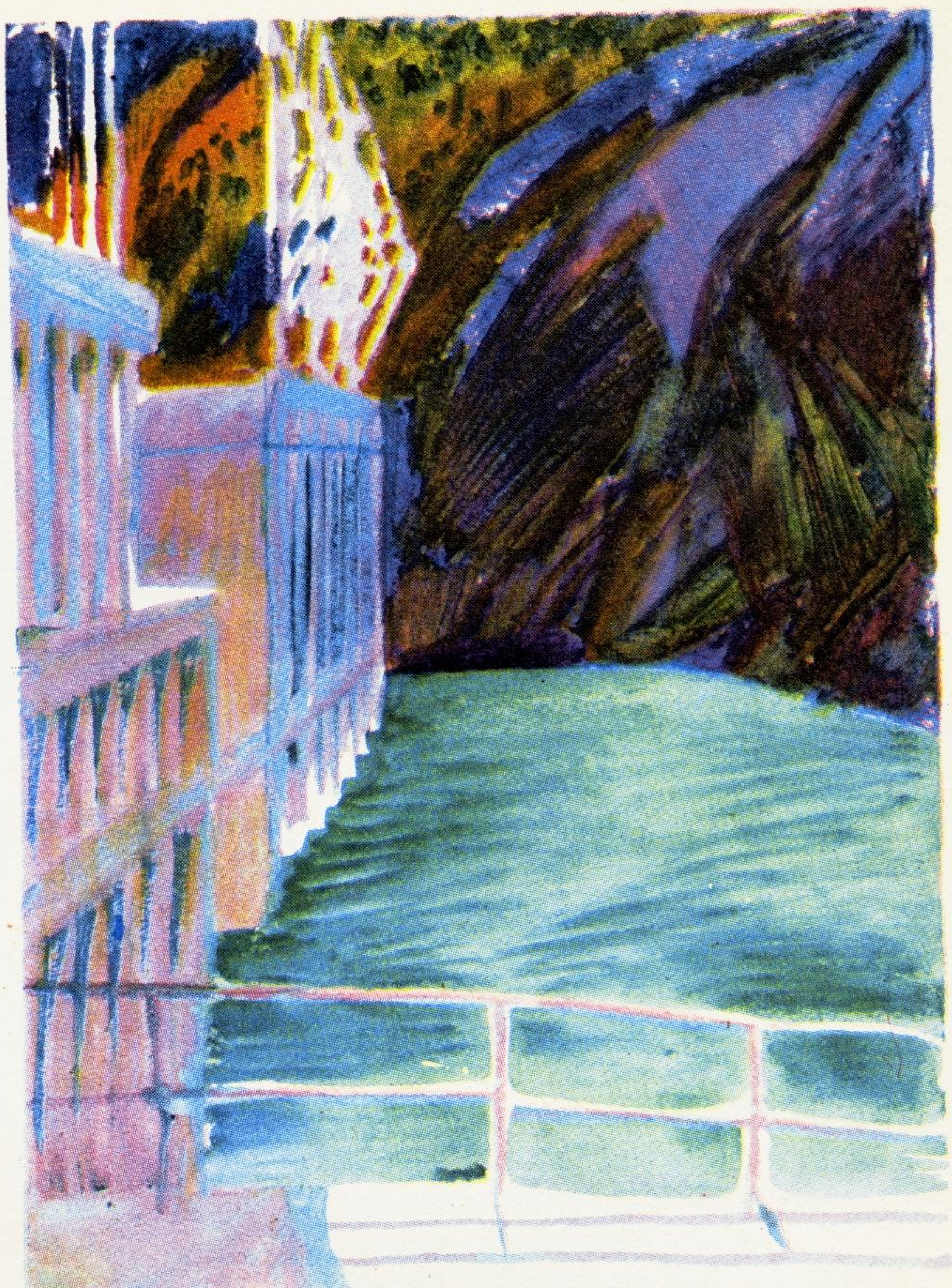


Из Донбасса приехал на стройку Евгений Степаненко. Как пригодились здесь, в Нуреке, его шахтерский опыт и сноровка! Степаненко стал одним из лучших горнопроходчиков. Его бригада пробивала самые «каверзные» тоннели.

Имя Курбунмата Ходжалиева известно на стройке. На своем «БелАЗе» он перевез на гребень плотины горы грунта. Свой пятилетний план он выполнил еще в августе прошлого года.

Спрашиваю, откуда он приехал в Нурек.

— Я «москвич», — улыбается Курбунмат. Потом поясняет: — У нас в Таджикистане есть Московский район. До армии я там в колхозе «Правда» хлопок убирал на комбайне. А здесь вот сел за баранку «БелАЗа».



Рядом с плотиной — здание электростанции.

О себе он рассказывает неохотно, все больше о товарищах по экипажу. Вместе с Шерматом Бобоевым и Файзали Шамсовым они завоевали право называться «комсомольско-молодежным экипажем», на кабине их самосвала нарисован комсомольский значок. Они сами отремонтировали еще один запасной «БелАЗ» на тот случай, если вдруг их машина выйдет из строя.

Люди росли на стройке, получали специальность, приобретали высокую квалификацию. Люди создавали Нурек. Нурек делал их героями.

Восемь тысяч человек работают на строительстве ГЭС. Но строители говорят: «Нурек строит вся страна». И в этом нет никакого преувеличения. Вот только несколько фактов: здесь работают люди сорока шести национальностей; проблемы Нурекской ГЭС решали 34 научно-исследовательских института страны; триста предприятий изготавливают для Нурека строительные материалы, машины и оборудование.

❄

На центральной площади Нурека стоит памятник.

Не из бронзы он и не из мрамора. Рука скульптора не работала над ним. Это камень со дна Вахша. Тысячелетиями гремели над ним бешеные воды.

Люди покорили Вахш. Вода пошла по новому руслу. А камень перенесли на площадь. В память о трудовом подвиге строителей ГЭС.

Илья ФОНЯКОВ

СТИХИ НА ПОЛЯХ КНИГ

Встреча с Дон Кихотом

Сегодня праздник в городке,
Библиотека на замке,

Подняв тяжелый переплет,
Из книги вышел Дон Кихот.

Шагнул он к двери потайной,
Сложил в углу доспех стальной

И поспешил, надев костюм,
Туда, где музыка и шум.

Идет с улыбкой, налегке,
С цветком и тросточкой в руке,

Но узнает его народ:
— Ведь это рыцарь Дон Кихот!

Тебя всегда мы узнаем,
В любом обличии твоем!

И рыцарь говорит в ответ:
— Ну что ж,
скрывать мне смысла нет!

Я — это я, никто иной,
Бесстрашный, чуточку смешной,

Служил всегда я лишь добру,
И потому я не умру.

Наступит радость иль беда —
Я с вами всюду и всегда!..

Сегодня праздник в городке:
Взлетает шарик на шнурке,

Ракеты в воздухе снуют,
Идут ребята и поют,

И с ними об руку идет
Отважный рыцарь Дон Кихот!

Путешествие с капитаном Гаттерасом

Умеренный пояс
Отныне, друзья, не для нас!
На Северный полюс
Плывет капитан Гаттерас.

И мы с капитаном
В краю нескончаемых зим
Под белым туманом
К неведомым странам скользим.

Там в призрачном свете
Звезда окликает звезду,
Там белых медведей
Веселые игры на льду...

А снег, а туман-то!
Опять все исчезло во мгле.
Тоскует команда
По милой, зеленой земле.

На север упрямо
Ведет свой корабль Гаттерас.
А мама, а мама,
Наверно, скучает без нас?

И так хорошо, что
Мы можем вернуться домой
Стремительней почты
И радиограммы прямой!

Рисунок И. КРАСУЛИНА.

Третий класс

и

Соколиный Глаз

Однажды Соколиный Глаз
Явился в школу, в третий класс.
Конечно, он принес с собой
Свое ружье — «оленебой».
И шляпа старая с пером
Была, как водится, на нем.
Сказал он: «Юные друзья,
Ну как, узнали вы, кто я?»
Ответил дружно третий класс:
— Ты — храбрый Соколиный Глаз,
Ты — Следопыт и Зверобой,
С тобой знаком у нас любой,
Ты — замечательный стрелок!
А из рогатки ты бы мог
Попасть, к примеру, хоть в одно
На нашей улице окно?
Подсечь хотя бы воробья?
— Не смог бы, юные друзья!
Моя рука, мой зоркий глаз
Не для таких, друзья, проказ.
В лесах с индейцами я жил,
С моим оружием дружил,
Зверей стрелял не год, не два,
Но не стрелял из озорства:
Стрелял, чтобы добыть еды,
Стрелял, спасаясь от беды...
И вы подумайте о том
Старинном правиле простом!
Пока рогатки здесь в чести,
Нам с вами дружбы не вести...
И гордый Соколиный Глаз
Тотчас покинул третий класс.

Валентин РИЧ

МОРЕ СВЕТА

Рисунки В. ДУДКИНА.

Не корабли, а камни

«Шах», «Санси», «Эксцельсиор», «Звезда Юга» — это не названия гордых бригов или гигантских турбоэлектроходов. Это названия камней.

Каждому понятно, что обыкновенному булыжнику вряд ли кто-нибудь станет давать имя. Камни с именами — это необыкновенные камни. Необыкновенные по своему виду, необыкновенные по своей судьбе.

Самые древние из дошедших до нашего времени камней с именем были найдены в Индии лет семьсот тому назад. Они были такими прозрачными и так радужно сверкали на солнце, что один из них индийцы назвали «Горой света» («Коинур»), а другой — «Морем света» («Дерианур»).

В течение пяти столетий «Коинур» и «Дерианур» переходили от одного владельца к другому вместе. Последним их владельцем был завоеватель Индии шах Надир.

А потом пути «Горы света» и «Моря света» разошлись. «Гора света» попала в Англию. Там прекрасный камень разрезали пополам.

Одну половину вставили в корону английского короля, другую поместили в Британский музей.

А «Море света» было куплено Григорием Орловым, приближенным Екатерины II, и под новым именем «Орлов» вставлено в царский скипетр. Сейчас этот бриллиант тоже находится в музее, в Алмазном фонде СССР.

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя»...

Я еще застал эту песню.

Ходил по московским дворам хромой старик с шарманкой, крутил ручку расписного ящика и надтреснутым голосом выводил: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне»...

...В начале прошлого века несколько десятков тысяч безземельных крестьян переселились из Голландии в Южную Африку. Их стали называть бурами. Буры создали две маленькие республики — Трансвааль и Оранжевую. И все было бы хорошо, если бы в 1867 году какой-то охотник за страусами случайно не обнаружил, что блестящий камушек, которым играла дочка одного фермера, — это алмаз.

Началась «алмазная лихорадка». По словам очевидца, «моряки бежали с кораблей, солдаты покидали армию. Полицейские бросали оружие и выпускали заключенных. Купцы убегали со своих процветающих торговых предприятий, а служащие — из своих контор. Фермеры оставляли свои стада на голодную смерть, и все наперегонки бежали к берегам рек Вааль и Оранжевой».

А потом в Южную Африку прибыли британские войска. Они разгромили отчаянно сопротивлявшихся, но малочисленных буров и захватили их наполненные алмазами земли.

«Ал-мас» — это значит «твердейший»

К середине нашего двадцатого века алмазами стали интересоваться уже не только ювелиры. А, например, автомобилестроители и самолетостроители. И еще геологи и горняки. И люди, изготовляющие электрические лампочки. И многие, многие другие.

Почему? А вот почему.

«Ал-мас» — по-арабски означает «твердейший». Древние греки называли этот камень «адамас» — несокрушимый. В дошедшем до нас сочинении древнеримского писателя Плиния Старшего об алмазах говорится следующее: «Они так сопротивляются ударам на наковальне, что железо с обеих сторон разлетается и сама наковальня растрескивается».

Плиний преувеличил несокрушимость алмаза. Вероятно, он сам никогда его не видел. А если видел, то не имел возможности ударить по нему молотком. При таком ударе алмаз разлетелся бы на мелкие кусочки — он довольно хрупкий.

Хрупкость и твердость — вещи разные. Что касается твердости, то тут у алмаза соперников нет. Не только две тысячи лет назад, когда жил Плиний, но и сейчас неизвестно ни одного вещества тверже алмаза.

Современникам Плиния инструмент такой твердости нужен был только для обработки других драгоценных камней. Острым осколком алмаза наносили изображения и надписи на красные рубины, синие сапфиры, зеленые изумруды, алмазным порошком шлифовали, доводили до блеска их поверхность.

Иное дело — XX век, наше время.

Дерево режут сталью. Сталь режут легированной сталью — в ней, кроме железа, есть еще вольфрам. Легированную сталь режут еще более твердым сплавом, который состоит уже почти целиком из вольфрама. А чем резать такой вольфрамовый сплав?

Когда он был приготовлен в первый раз, его назвали «видиа». Полностью это означало: «ви диамант», по-немецки «как алмаз». На самом деле «видиа» все же помягче алмаза. Но тверже всего остального. Резать его можно только алмазом.

Но не только для обработки самых твердых сплавов нужен теперь алмаз.

Во времена Плиния из стекла изготовляли украшения и небольшие сосуды — тогда еще не умели делать стекло прозрачным. А сейчас оно распространеннейший материал. Только оконного стекла в нашей стране еже-

Это «Орлов» — алмаз с именем.

годно изготовляют миллионы квадратных метров. А чем режут стекло? Каждый знает — алмазом.

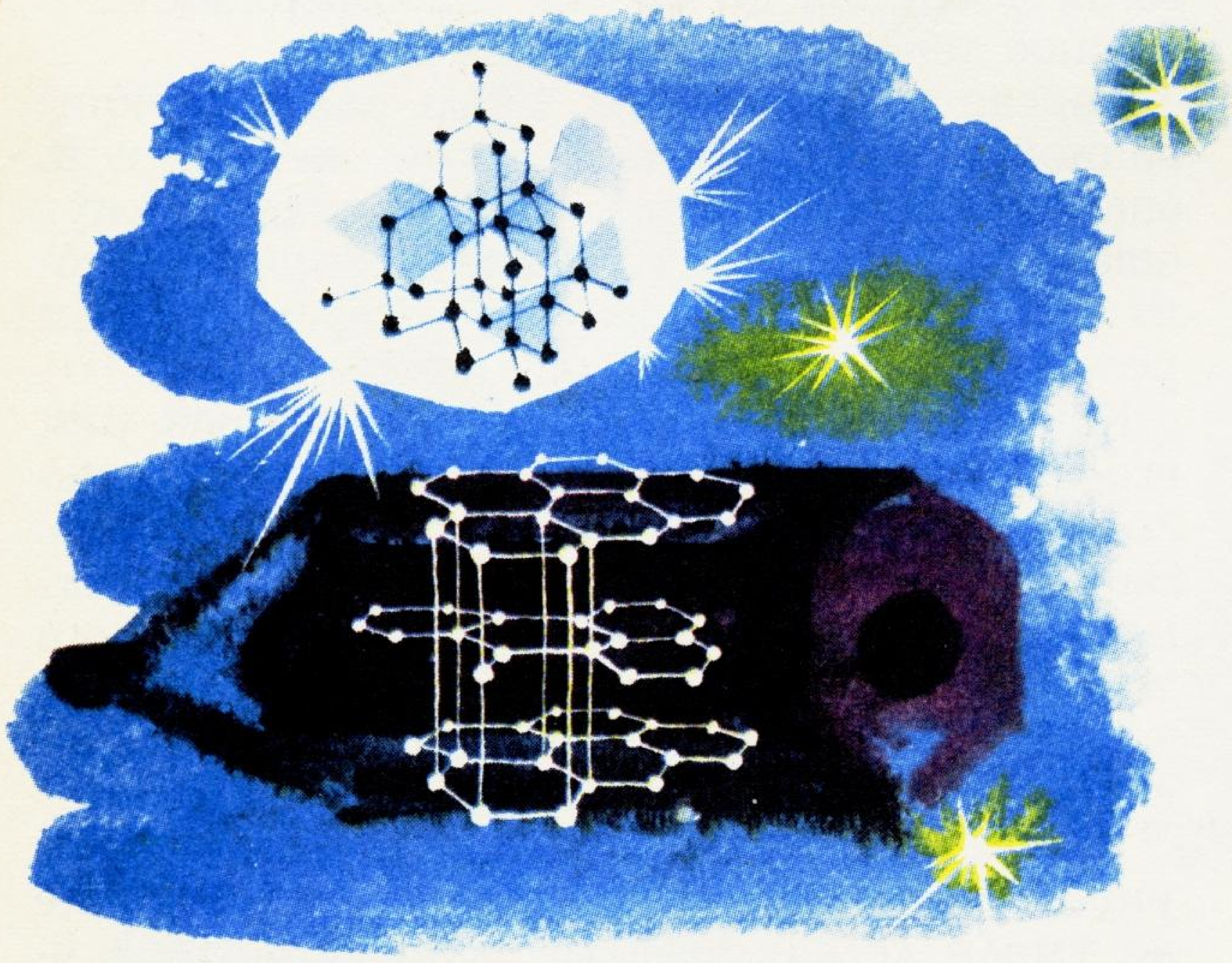
И это не все.

Во времена Плиния из одного города в другой быстрее всего можно было добраться в колеснице, в которую была впряжена добрая квадрига (четверка) коней. Они мчались со скоростью 15 и даже 20 километров в час.

Самый обыкновенный гражданский рейсовый самолет летит сейчас со скоростью 800—900 километров в час. Ракета — в сотни раз быстрее. Наш мир — это мир все увеличивающихся скоростей.

А чем больше скорость, тем больше трение. Когда идешь шагом так даже и не замечаешь, что вокруг тебя воздух. А припустись-ка бегом — в ушах загудит.

Чтобы уменьшить трение, нужно сделать поверхности всех движущихся машин, всех движущихся машинных деталей как можно более гладкими, зеркально отполированны-



Алмаз, графит, уголь состоят из углерода. Сверху — алмаз. Атомы его расположены недалеко друг от друга, примерно на одинаковом расстоянии. Внизу — графит. В нем такие же атомы расположены слоями, и каждый слой отстоит довольно далеко от соседних. Поэтому графит легко расслаивается. Проведите карандашом по бумаге, часть графитного грифеля отслоится — на бумаге останется след.

ми. Лучшее, а для многих твердых материалов единственное полировальное средство — алмазный порошок.

Самых разных машин сейчас великое множество. Представляете, сколько нужно сегодня алмазов!

Между тем все-все алмазы, добытые в копях всего мира за год, можно увезти на одном грузовике.

Нехватка природных алмазов могла бы стать для дальнейшего развития техники очень большим препятствием, если бы не одно счастливое обстоятельство...

Одно счастливое обстоятельство

В 1649 году два любознательных итальянца, Аверани и Тарджиони, решили выяснить, что будет, если хорошенько нагреть разные драгоценные камни. Они взяли рубин, взяли изумруд, взяли алмаз — маленькие, конечно. И положили их — каждый отдельно — в металлические сосуды — тигли. А тигли поставили в горн с раскаленным углем. И принялись раздувать мехи, чтоб усилить жар.

Когда уголь сгорел, Аверани и Тарджиони достали из горна тигли и увидели, что рубин и изумруд остались в целости и сохранности, а вот алмазик исчез. Сгорел.

Вот тебе и адамас! Вот тебе и несокрушимый!

Через полтораста лет еще один любознательный человек — англичанин Смитсон Теннант тоже сжег алмазик. В его время уже умели улавливать разные газы. И Теннант поймал газ, который образовался при горении алмазика. И оказалось, что это самый обыкновенный углекислый газ. В точности такой же, какой образуется при горении угля. А это означало, что алмаз и уголь — в сущности одно и то же.

Как же так? Один — бесцветный, прозрачный, как вода, твердый, как... как алмаз — и сравнить-то больше не с чем. А другой — черный, непрозрачный и мягкий — им можно рисовать.

Все верно. Алмаз совсем не похож на уголь. И все-таки и алмаз и уголь построены из одинаковых углеродных атомов. Ведь можно же из одних и тех же кубиков соорудить и башню, которая упадет, едва на нее дунешь, и довольно устойчивую стенку. Все зависит от того, в каком порядке расположить кубики.

Угля на земле очень много. Много и других веществ, содержащих те же самые атомы углерода. И графит, и масло, и нефть, и горючие сланцы, и торф, и мел, и известняк, и, наконец, любое дерево. Углерода на земле в двести раз больше, чем меди, в тысячу раз больше, чем свинца.

Вот бы перераспределить все эти углеродные атомы из угольных, графитовых и прочих «построек» в алмазные!

Только как это сделать?

Как это сделать

Уголь гораздо легче, чем алмаз. И более плотный графит, из которого делают карандашные грифели и который тоже состоит из атомов углерода, тоже гораздо легче.

Как из менее плотного вещества сделать более плотное, вроде бы ясно: сжать покрепче — и все.

Но с какой именно силой надо сжимать графит, чтобы он превратился в алмаз? Ответ на этот вопрос удалось получить только в XX веке, через сто с лишним лет после опытов Теннанта. Целое столетие понадобилось физикам и химикам, чтобы проделать тысячи новых опытов и узнать, как ведут себя в разных условиях атомы углерода.

В 1939 году молодой ленинградский физик Овсей Ильич Лейпунский, проанализировав все добытые учеными сведения, составил первый более или менее точный рецепт изготовления алмаза.

В переводе с ученого языка на самый простой рецепт выглядел так. Возьми графит, поджарь до двух тысяч градусов, сдави с силой шестьдесят тонн на один квадратный сантиметр, и у тебя получится алмаз.

Прекрасными камнями украшали статуи и знаки царской власти, из-за них разгорались войны и гибли люди...

Прошло еще два десятка лет, пока ученые до конца разобрались во всех тонкостях перестройки графита в алмаз и создали машины, которые могут нагреть и сдавить графит так, как это нужно.

Представьте себе, что вам надо придумать пушку, у которой снаряд после выстрела остался бы в стволе, и пушка при этом не разорвалась бы. Что-то в этом роде надо было придумать, чтобы изготовить искусственный алмаз.

Такую «пушку» придумал академик Леонид Федорович Верещагин. Под его руководством группа физиков, химиков, инженеров Института физики высоких давлений Академии наук СССР изготовила в 1960 году первые искусственные алмазы.

Маленькие и большие

Драгоценные камни растут долго. Кристаллик алмаза весом в один грамм пришлось бы выращивать чуть ли не год.

Что бы сказали ваши мамы или бабушки, если бы им пришлось целый год держать в духовке один и тот же пирог? Даже если бы тот пирог был самым вкусным пирогом в мире?

Наверно, мамы или бабушки сказали бы: «Печь такие пироги мы не станем. А вот напечь за год гору пирожков — это пожалуйста».

Примерно так же говорят и люди, изготовляющие алмазы. Они «выпекают» мелкие крупинки — зато столько, сколько нужно, чтобы удовлетворить аппетит всех, кому необходим алмазный порошок.

Алмазы же для перстней и сережек пока добывают из недр земных. У нас такие алмазы есть в Якутии — крупные, прозрачные, красивые.

И все-таки нельзя ли что-нибудь придумать, чтобы побыстрее делать крупные алмазы? Ведь они нужны не только для укра-

шений. Алмазный резец для токаря из крупинок не сделаешь. И долото для буровика не сделаешь и волоку (так называется цилиндр с отверстием посередине, через которое протягивают металл, чтобы из него получилась проволока). Чем тверже металл, тем тверже должна быть и волока. А если требуется вольфрамовая проволока — для электрических лампочек? Тогда один только выход — волочить вольфрам через алмазную волоку. Для этого тоже нужны крупные алмазы. Крупные — но вовсе не обязательно красивые и прозрачные. Лишь бы твердые!

Леонид Федорович Верещагин со своими помощниками придумал, как быстро выращивать некрасивые, непрозрачные, но крупные алмазы. Он решил сделать алмазный сплав, состоящий из проросших друг в друга мельчайших кристалликов.

Получилось замечательно! В считанные секунды в алмазоделательной машине образуется алмаз весом в грамм и больше. Правда, серый, даже почти что черный. Но из него можно сделать токарный резец. И буровое долото. И волоку для вольфрамовой проволоки.

...В одной из палат Московского Кремля есть выставка алмазов. Там вы можете собственными глазами увидеть алмаз «Орлов» и другие именитые камни, послушать рассказы о них.

А потом, насмотревшись и наслушавшись, вы снова выйдете на просторные площади и улицы столицы. И если это будет уже вечер — окунетесь в такое привычное для вас море электрического света.

И, может быть, вспомните об алмазных волоках для тончайших ламповых нитей.

И, может быть, подумаете о людях, некогда назвавших «Морем света» найденный ими камень: вот бы удивились они, узнав о нынешней судьбе несокрушимых «ал-масов»!

«Кораблик» Журнал в журнале Печатает только тебя

Ковер

Когда-то, где-то, кто-то
Ковер красивый ткал
И на ковре оленя,
Стараясь, вышивал.
Когда меня ночная
Ко сну заклонит лень,
В страну веселых сказок
Умчит меня олень.
Люблю часы ночные
С ним вместе проводить
И радости земные
И горе с ним делить.
Но только за окошком
Засветит белый день,
Опять простым рисунком
Прикинется олень.
Когда-то, где-то, кто-то
Ковер красивый ткал
И на ковре оленя,
Стараясь, вышивал.
То был великий мастер.
Он знал, что он творил.
И людям он не коврик,
А сказку подарил.

Дорога

Идет вперед дорога —
Огромнейшая магистраль,
Машин на ней сегодня много,
Все мчатся, мчатся, мчатся вдаль.
С одной стороны дороги
Поля, деревья и трава,
С другой — стоит столица,
Чудесная Москва.

Родной дом

Зеленый двор, и желтый дом,
И скамейка под окном,
Там старый тополь возле дома,
Мне там все мило и знакомо.

На этой тихой улице живу я с первых дней,
Зимой, весной и осенью гуляю я по ней.
И если я когда-нибудь от дома оторвусь,
Я все же обязательно опять к нему вернусь.

Эту светлоглазую, светловолосую девочку зовут Олей Олениной. Звали Олей Олениной — сейчас ее уже нет в живых. А родилась она в подмосковном городе Фрязино, в трудовой интеллигентной семье.

Оля родилась с тяжелой врожденной болезнью сердца. Она никогда не могла ни побегать, ни погулять вволю, ни поиграть сколько душе угодно с ровесниками, не могла вдоволь накупаться в речке, отправиться в лес по грибы. Режим, лекарства, процедуры — вот что составляло содержание ее жизни. Так это выглядело внешне, со стороны, но за этой внешней стороной таилась другая, безмерная глубина, недоступная постороннему глазу — внутренняя, духовная жизнь ребенка.

Она училась дома, к ней по собственному побуждению ходили, сменяя друг друга, школьные учителя. Им было интересно заниматься с Олей, а Оле было интересно учиться. Она училась блестяще и экзамены сдавала отлично.

Так и росла эта девочка, окруженная любовью родных и близких, которые всячески старались ей помочь, сделать ее жизнь радостнее и ярче.

И она любила жизнь, радовалась ее солнцу и свету. Одной из самых больших радостей, истинным сокровищем Олиной жизни были книги. Книги делали ее существование содержательным и богатым, книги заменяли ей все, чего она была столь безжалостно и непоправимо лишена. И ее с рождения больное сердце оказалось на диво живым и полным драгоценных сил, любви к людям, к жизни. Эта любовь стала стихами, поэтическим чувством, поэтической мыслью. Мне кажется, судя по этим стихам, что из Оли Олениной вырос бы настоящий поэт.

Оля умерла четырнадцати лет. «Пионер» публикует ее чистые и светлые стихи. Теперь их прочтет множество ровесников Оли, и это будет продолжением ее жизни на земле.

Маргарита АЛИГЕР

* * *

Люблю бескрайние просторы
И голубые небеса.
Люблю поля, дороги, горы.
Люблю зеленые леса.

Люблю я каждую тропинку
И каждый ручеек весной.
Люблю я каждую травинку
И весь огромный шар земной!

Весь шар земной с большими странами,
И с верной спутницей — Луной,
И с голубыми океанами,
И с изумрудною травой!

А мир животных? Как прекрасен
У кошки каждый волосок,
Как взгляд собаки чист и ясен,
И как красив простой жучок!

О люди! Все от нас зависит.
Добро и зло от нас идет!
Пусть каждый этот мир увидит,
Поймет его и бережет!

Птичий рынок

Вот птичий рынок.
Ряд корзинок...
Мужчины с большими усами
Глухими кричат голосами:
«Купите чижа!», «Купите ежа!»,
«Купите щегла, попугая!..»
А у забора, рыча и визжа,
Собаки прохожих пугают.
Настал для собаки печальный день —
С хозяином надо расстаться.
И кто его знает? Как жить и где
Придется теперь скитаться?
А вдруг новый хозяин станет бить?..
Все-таки плохо собакой быть,
Особенно под воскресенье,
Когда кругом царит веселье,
И лишь тебя под скрип ботинок
Ведут продавать на птичий рынок.

Глазами пришельца

Попробуй свой перестроить глаз,
Как будто впервые все видишь это,
Попробуй на землю взглянуть хоть раз
Глазами пришельца с другой планеты.
И все тебя удивит тогда:
Цвет листьев и цвет травы,
Электрические провода
И эти бетонные столбы.
Ты спросишь: зачем такая трава?
Деревья такие зачем?
Зачем деревья превращают в дрова?
И здесь питаются чем?
У нас все не так, я вам говорю.
А как? Я сам не знаю это.
Просто я, человек, на землю смотрю
Глазами пришельца с другой планеты.

Сиамский кот

У нас завелся кот сиамский,
У него характер «панский».
Когтями он за все цепляет
И на кровати залезает.
Когда приходят гости к нам,
Все говорят: «Он злой,
Сиамским,— говорят, — котам
Не место жить в семье людской!»
А он хорошенький такой!
Пусть все твердят: «Он злой»,—
Теперь,
Я думаю, в семье людской
Любой прижиться может зверь.

Л. ЯХНИН

ШЕСТАЯ БЕЛОМОРСКАЯ

ХРОНИКА ОДНОЙ ШКОЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Капитаныч вынул из кармана узкий листок бумаги и медленно прочитал:

ПРИКАЗ № 1

1. Считать Шестую Беломорскую экспедицию сформированной и с момента оглашения данного приказа приступившей к работе.

2. Учредить и регулярно заполнять бортжурнал Шестой Беломорской. Записи в бортжурнале ежедневно ведут дежурные.

3. Для выполнения плана работ отбыть на постоянную базу экспедиции — остров Кряжов, Северный архипелаг.

4. Основная цель экспедиции: изучение бентоса Белого моря — всех его обитателей и, по возможности, растений морского дна.

5. Участникам экспедиции помнить, что эта работа является частью многолетних исследований, проводимых биологами нашей страны.

6. По случаю оглашения первого приказа разрешается троекратное «ура» вполголоса.

— Ура! — закричали ребята. Голоса их звучали в длинных коридорах школы, словно в пустом колоколе.

Узкое пространство кабинета биологии было до отказа забито рюкзаками, спальными мешками, высокими бунтами канатов. Одна на другую громоздились картонные коробки из-под печенья «Привет», из-под сигарет «Прима», фанерные посылочные ящики с лиловыми строчками адресов на крышках. Вдоль стен жались шкафы с

В окуляре теодолита Леша увидел крохотную фигурку Толя: словно акробат, он стоял вверх ногами.

пробирками. Стулья вынесли в коридор, и ребята сидели на столах.

— Приступим к последней проверке оборудования, — сказал Капитаныч, — Толя...

— Я! — откликнулись сразу три Анатолия.

— Все, — сказал Капитаныч, — не могу. За целый день намучился с этой троицей. Зовешь одного — отвечает другой. А что будет в экспедиции?

— Затолярились, — усмехнулся Данька, — переименовать их.

— Прозвища в экспедиции запрещаются. Кроме моего — Капитаныч. Оно мне нравится.

— Антон Капитоныч, откуда вы знаете? — удивилась Алена.

— Знаю. Так как же с Толями?

— Никак. Мы каждый сам по себе, и все, — обиделся один из Толей, самый маленький.

— Толик, не дуйся, — примирительно сказала Лера.

— Верно! Толик! — обрадовалась Алена. — А этот То-оль. — Она приподнялась на цыпочки, делая вид, что пытается дотянуться рукой до макушки другого, долговязого Толи.

— А ты у нас будешь Лешей, — сказал Данька третьему. — Леши в экспедиции как раз нет.

— Принимаются новые имена? — спросил Капитаныч. — Решено. Толик! Да-да, ты. Займешься спальными комплектами, рукавицами, бельем. Алена проверяет упаковку пробирок, формалина. Лера — посуду, продукты.

— Я буду ящики надписывать, — вызвался Данька.

— Хорошо. Леша, за тобой, как за механиком экспедиции и океанографом, все оборудование. Кто еще остался? Толь? Канаты, бечева. За работу, дети. Проверять все по спискам.

Ребята взялись за дело. Капитаныч снял очки, протер ладонью глаза, пристроился на краю стола, придвинутого к стене.

КАПИТАНЫЧ

Да, можно считать, экспедиция началась. Теперь я не учитель биологии, я всемогущий и всезнающий Капитаныч. И ребята мои не просто ученики восьмого класса — Шестая Беломорская. Какими-то они будут там, на островах?

Алена второй раз едет в экспедицию. В прошлом году серьезно работала. Данька? Этому как раз серьезности и не хватает. Балагур. Иногда его шуточки не так уж и безобидны. А на Кряжове не один день бок о бок жить придется, и работа напряженная. С Данькой построже надо.

Впрочем, Лера умеет и без строгости Даньку утихомирить. Она вообще девочка добрая. Удивительная у нее доброта — не благодушная, а какая-то проницательная, что ли. Очень точно видит в человеке хорошее. Леша (странно, как я быстро привык к его новому имени) в экспедиции человек незаменимый — золотые руки. С ним за приборы можно быть спокойным. Толь и Толик тоже ребята надежные.

Везет мне все-таки — опять крепкая команда подобралась. А Славка? Совсем ее не знаю. Только в кружок пришла — и сразу в экспедицию. Не поспешил ли?

— Алена, как по-латыни кастрюля? — спросил Данька.

— Отстань!

— Амфора, — сказала Лера.

— По-моему, что-то греческое, — пробормотал Данька. — Впрочем, сойдет. — Он сидел на корточках и, вытянув длинную шею, старательно надписывал тушью ящики с экспедиционным снаряжением.

— Лера, Лерка! — крикнул Леша. — Ты куда детали от машины запихиваешь?

— Детали? Я думала — это гвоздики.

Леша выхватил у Леры мешочек с шурупами, гайками, мотками разноцветной проволоки.

ЛЕША

Гвоздики! Понимала бы что-нибудь. Всякоразные медузы и моллюски в скорлупках им важнее, чем Васина машина! Вот приедем на место, смонтирую, увидят тогда, на что она способна. И давление воздуха измеряет, и температуру, и влажность, и приливы-отливы отмечает. Гудит, пощелкивает, лампочки мигают, самописцы всяко-разные кривые вычерчивают, а ты себе данные снимай, в бортжурнал пиши.

Гвоздики! Да без нас, океанографов, биологам и шагу не ступить. Данька все смеется, говорит, что Вася из детского конструктора свою машину смастерил. А может быть, Уатт или там Эдисон тоже свои машины из всяко-разных под-

ручных материалов делали? Да и врет он все — на транзисторах Васина машина работает.

Вот Капитаныч, он сразу Васю оценил. Хоть и кончил Вася интернат в прошлом году и в экспедицию не едет, а проверка машины включена сверх программы в план работ Шестой Беломорской. Это вам не что-нибудь. Гвоздики!..

Капитаныч соскочил со стола, подошел к надписанным Данькой ящикам. Они были сплошь покрыты крупными латинскими буквами. Данька с удовлетворением поглядывал на дело рук своих. Капитаныч придержал рукой очки с толстыми стеклами.

— «Amphora», — прочел он. — Что это?

— Кастрюли, — сказал Данька, — посуда.

Капитаныч привстал, взъерошил волосы.

— Кружки? — сказал он. — Ложки? Бирюлечки? Я вас для этого латынью пичкал? Латынь для биолога рабочий язык, его инструмент.

— В шутку я, Антон Капитоныч.

— Как же, как же, я и забыл: ты у нас шутник. Только я не шутки ради с вами биологией занимаюсь. И на острова мы едем, между прочим, не шуточки шутить, а работать. Все заклеишь бумагой и напишешь заново. По-русски.

В дверь робко постучали.

— Не заперто! — крикнул Толик.

Дверь медленно приоткрылась, и в нее протиснулась худенькая белобрысая девочка. Она вошла и тут же стала краснеть. Краснела она поразительно: веснушки сделались белыми, а уши светились, как фонарики.

— А! Ждем тебя, ждем, — сказал Капитаныч. — Дети, это Ярослава, а попросту Слава. Она приехала из Архангельска и в море уже не раз ходила. Верно, Слава?

— Не перва зима волку, — вдруг басом ответила Славка.

Капитаныч подошел к Славке, взял ее за плечи.

— Пойдем, глянем наши списки, — сказал он, — может, мы чего из снаряжения упустили?

Они склонились над списками.

Насупленная, скованная первым знакомством Славка постепенно оживилась. Между ней и Капитанычем начался длинный разговор, перемежавшийся загадочными словами, понятными лишь им двоим, да, пожалуй, Алене. Луда, са̀лма, баклы́ш, ко̀рга — каждое из этих слов приятно связывалось с нетерпеливым ожиданием встречи с заповедными островами Северного архипелага, где им предстояло работать.

Напротив, в спальном корпусе интерната, постепенно, одно за другим гасли окна, и длинное пятиэтажное здание уплывало в темноту, словно корабль, отчаливающий от пристани.

БОРТЖУРНАЛ

Антон Капитоныч пообещал, что Полярный круг нарисован мелом на земле. Мы стояли весь день у окна вагона, но ничего не видели. Ночи тоже не было. Все день и день. Так и не ложились спать всю дорогу. Антон Капитоныч сказал, что такой полярный день будет на островах до конца августа, но спать все равно придется. Хоть и при солнце. Безобразие! Хочу ночь!

Толик.

А мне нравится, что вечером нисколечко не стемнело. Жалко было бы Карелию проехать ночью и ничего не увидеть. Столько озер и низкие, редкие леса. Много болот, а по болотам проложены дороги из рядов бревен, словно длинные плоты. Бревна истрепаны колесами машин. В одном месте долина была затоплена белым плотным туманом. Видны были лишь крыши домов и кроны деревьев, они словно плыли в молочной реке. Хоть и было поздно, но солнце висело высоко. Красное-красное. А под ним в озере стоял алый столб.

Лера.

«Алый столб», может быть, и красиво, но ненаучно. Не засоряйте бортжурнал лирическими отступлениями.

Шестая Беломорская расположилась на острове Кряжов в домике с чердаком. На чердаке, именуемом мансардой, спальня, все остальное — лаборатория. «Не спать сюда приехали, а работать», — сказал Капитаныч.

Островов, моря и чаек здесь хватает. Даже с избытком. Особенно чаек — крикливая и бесцеремонная публика. Остров Кряжов — длинный, двугорбый, похожий на верблюда, забредшего по колено в воду. (Торжествуй, Лера, меня тоже занесло!)

На острове две бухты, или губы — Северная и Южная. Каждая губа отделена от моря грядой валунов — ко́ргой, — которые сильно обнажаются на отливе. Пролив между Кряжовым и соседними островами называется са́лма. Очень много крохотных скалистых безлесных островков. Называются лу́дами.

«Бокоплав» — наше экспедиционное четырехвесельное судно всю зиму оставалось на Кряжове и пришло в ветхость. Может быть, его затерло льдами? Выход в море и работа на драге откладываются до окончания капитального ремонта «Бокоплава».

Займемся сначала дночерпанием в Северной губе. Самая большая трудность при дночерпании — найти те места (станции), на которых брали придонную пробу в прошлом году. Ежегодные пробы в одних и тех же точках, как объяснил Антон Капитоныч, дадут картину движения жизни в придонных слоях. Завтра идем натягивать стометровый фал поперек губы. Вдоль натянутого фала будем брать дночерпательные станции.

Леша наладил свою машину, и она тут же заговорила человеческим голосом. «Уа-уа! Хр-р!» — сказала она. После этого выкинула из себя длинную ленту с таинственными зигзагами. Васе отбита телеграмма.

Данька.

Сосна покорно стояла на тонкой своей вершинке, вскинув в небо громоздкое тело ствола.

Небо, словно прилипшее к верхушке сосны, перевернулось вместе с ней и лежало в ложбинке залива. Над ним белыми облачками проносились пенные гребешки волн. У перевернутой сосны вверх ногами, будто акробат, стоял Толь. Леша оторвался от окуляра теодолита. В тот же миг весь мир — и сосна на том берегу залива, и сам залив, и небо — поспешно вернулись в свое нормальное состояние. Крохотная фигурка Толя ускакала далеко-далеко, на ту сторону залива, сделав по дороге сложный кульбит. Теперь Толь, еле заметный простым глазом, прочно стоял у основания сосны. Он поднял над головой белый флажок.

— Молодец Толь, — сказал Леша, — быстро нашел прошлогоднюю отметку. Записывай, Славка. Угол на сосну сто сорок два градуса три минуты.

— Готово, — сказала Славка, — давай отмашку, пусть тянут фал.

Леша поднял валявшийся у ног синий флажок, замахал им над головой. И тотчас от берега отчалила легкая плоскодонка. От ее борта к высокому валуну тянулась белая полоска нейлонового каната — фала. Плоскодонка отплывала все дальше, к тому берегу, где стоял Толь. Данька сидел на веслах. Капитаныч, стоя на корме, быстро разматывал клубок фала, провисающего над водой.

— Данька, не части, — сказал он, — натянется фал, вытащит меня из лодки, как морковку из грядки.

Данька выпрямился, стал грести медленнее.

— Не спи на веслах! — прикрикнул Капитаныч. — Не видишь — сносит!

— На вас не угодишь...

— Не угождать сюда приехал, а работать, — сказал Капитаныч, деловито подергивая фал, чтобы он не опустился в воду.

На отливе вода быстро убывала. Тут и там обнажались каменистые россыпи. Неожиданно в середине губы из воды высунулись круглые макушки валунов. Они были чуть видны и стояли на волнах, словно поплавки. Плоскодонка осторожно скользнула между этими каменными поплавками, шваркнула металлическим брюхом по илистому дну.

— Хорошо угадали, в самый отлив, — сказал Капитаныч. — При малой воде фал натягивать легче.

Толь уже бежал к ним, прыгая с валуна на валун. Капитаныч протянул ему катушку с фалом.

— Привяжешь этот конец к своей сосне. Покрепче. А натягивать с того берега будем. Леша подкорректирует направление.

Леша в этот момент, сидя на камне у треноги теодолита, изучал карту Северной губы, где отмечены были координаты прошлогодних дночерпательных станций.

Славка, сложив ладони биноклем у глаз, следила за плоскодонкой. Она видела, как Толь схватил конец фала, подбежал к сосне и стал его привязывать. Теперь стометровая губа была как бы перегорожена поперек крепким поблескивающим на солнце канатом. Водоросли, повисшие на канате, подрагивали от ветра, словно белье на веревке. Вот Толь подбежал к лодке, оттолкнул ее, перевалился через корму. Данька заработал веслами.

— Возвращаются, — сказала Славка.

— Зови Алену и всех остальных. Сейчас тянуть будем, — сказал Леша, отрываясь от карты.

Когда Капитаныч, Данька и Толь причалили к берегу, вся команда уже была в сборе.

— Ну что, бурлаки, готовы? — крикнул Данька. — «Дубинушку» затягивай!

— Стоп! — сказал Капитаныч. — Никаких шуточек! Дело серьезное. От того, как натянем канат, зависит точность работы. Леша, иди к теодолиту. Будешь делать нам отмашки. Синий флажок — взять правее, белый — левее. Оба флажка, поднятые над головой, — тянем верно.

Ребята выстроились на берегу вдоль каната. Капитаныч подошел к валуну, вокруг которого был обмотан конец фала.

— Приготовиться. Отвязываю! — крикнул он и скинул петлю с валуна. В то же мгновение все почувствовали, как их с силой потянуло к воде: казалось, что фал сжался, как пружина. На самом деле он сильно провис и почти скрылся в волнах, середина его завязла в воде и сразу же отяжелела.

— Спокойно! — кричал Капитаныч хриплым от напряжения голосом. — Резко не тянуть! Не дергать!

Ребята медленно, увязая по щиколотку в мягком иле, двинулись от воды. Время от времени Капитаныч, сверяясь с Лешиными отмашками, менял направление. Наконец он ловко накинул петлю каната на вбитый в землю железный столбик и резко затянул ее.

— Ух! — вырвался у всех одновременно вздох облегчения.

Теперь фал сверкающим лучом устремлялся к противоположному берегу, подрагивая в метре над водой.

— Подготовка окончена, — сказал Капитаныч. — Приступаем к работе. Объясняю суть дела и распределяю обязанности. Лодка движется вдоль каната. Леша определяет координаты дночерпательных станций и дает нам отмашку. В этом месте бросаем дночерпатель. Ударяясь о дно, он смыкает свою пасть. Все, что туда попало, вытаскиваем на поверхность. Не разбирая, вываливаем в полиэтиленовый мешок. Таких придонных проб пять, по числу станций. Надо постараться сделать до обеда. И сегодня же заняться разборкой. Ясно? Алена ведет лодку, держась за канат. Я бросаю дночерпатель и делаю все замеры. О них пока не рассказываю — объясню, когда займемся драгировкой.

— Антон Капитоныч, — спросила Лера, — а драгировка интересней?

— Труднее. Починим «Бокоплав», тогда увидишь. Пока садись в лодку. Будешь записывать пробы. Данька на веслах. Славка, Толик и Толь во вторую смену. Возьмем три пробы и причалим за вами.

— Славка! — позвал Леша.

Славка взбежала на пригорок, где Леша возился с теодолитом: устанавливал по гирьке-отвесу, вбивал покрепче в землю острые копытца подставки.

— Будешь записывать углы, номера станций, давать отмашки по моей команде.

— Можно и худо, лишь бы не хуже,— сказала Славка.–Не в лодке, так флажками помашу.

— Флажками! — обиделся Леша. — Да без нас они как слепые котята.

Он сунул Славке в руки синий и белый флажки и приник к теодолиту. Плоскодонка двинулась вдоль каната, будто паром. Алена медленно перебирала канат руками, не давая волне отнести лодку в сторону.

— Хоп! — сказал Леша, глядя в окуляр теодолита. — Первую станцию проскочили. Маши синим, чтобы подали назад.

Славка подняла над головой синий флажок. Она видела, как лодка остановилась, и Алена стала перебирать руками в обратную сторону.

— Так, так, — бормотал Леша, не отрываясь от окуляра. — Хорош! Поднимай оба!

Славка вскинула вверх белый и синий флажки. Там, в лодке, Данька бросил весла, и они с Капитанычем завозились, раскладывая на корме лот для замера глубины, дночерпатель, огромные полиэтиленовые мешки. Алена, ухватившись за натянутый канат, старалась удержать лодку на месте.

— Записывай координаты первой станции! — скомандовал Леша. — Нет, погоди, сам запишу. Ты лучше время заметь, когда дночерпатель за борт пойдет. Точно замечай, до минутки!

— Уж постараюсь, — усмехнулась Славка.

— Это мне потом пригодится, — примирительно сказал Леша, — для всяко-разных замеров. Океанография — точная наука.

— Смотри, смотри, — крикнула Славка, — подняли дночерпатель! В мешок вываливают. Как много всего! Интересно, что там попалось?

— Время заметила? — спросил Леша.

— Десять ноль три.

— Во! Молодец, запишем.

Вдруг Леша всполошился.

— Слушай, Славка, мне же в десять часов показания машины снимать! Подежурь у теодолита, а?

— Я ж не умею.

— Так я тебе все наставлю. Видишь черточку на стекле в окуляре? Она должна пересечь канат. Вот так. В этой точке вторую станцию брать надо. Как увидишь, что Алена взялась рукой за канат в этом месте, так и стоп! — Пусть бросают дночерпатель. Понятно?

Не дожидаясь ответа, Леша понесся к лаборатории, где была установлена машина.

Начался вечерний отлив. Выступившая из воды гряда камней резко отделила от светлого моря лиловую заводь. Из длинного окна лаборатории видно было, как в этой быстро мелеющей заводи копошатся длинноклювые кулички.

— А в прошлом году меньше водорослей было на дночерпании, — сказала Алена.

— Ныне так, а завтра инак, — сказала Славка.

— Верно, Славка, — засмеялся Капитаныч. — Мы для твоих поговорок специальную страницу в бортжурнале отведем.

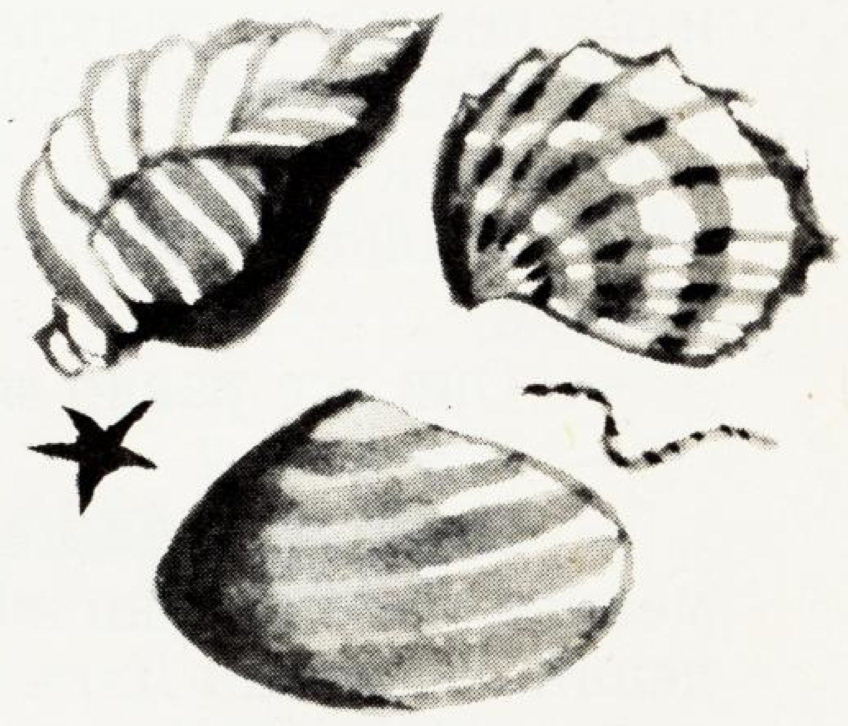
Славка покраснела и от смущения заговорила басом:

— Вам бы деда моего послушать. Вот кто прибауток несметно знает. Он их называет приготу́рочками.

— Хорошее слово, — сказала Лера, — ребята, а у меня офиура! Красивая!

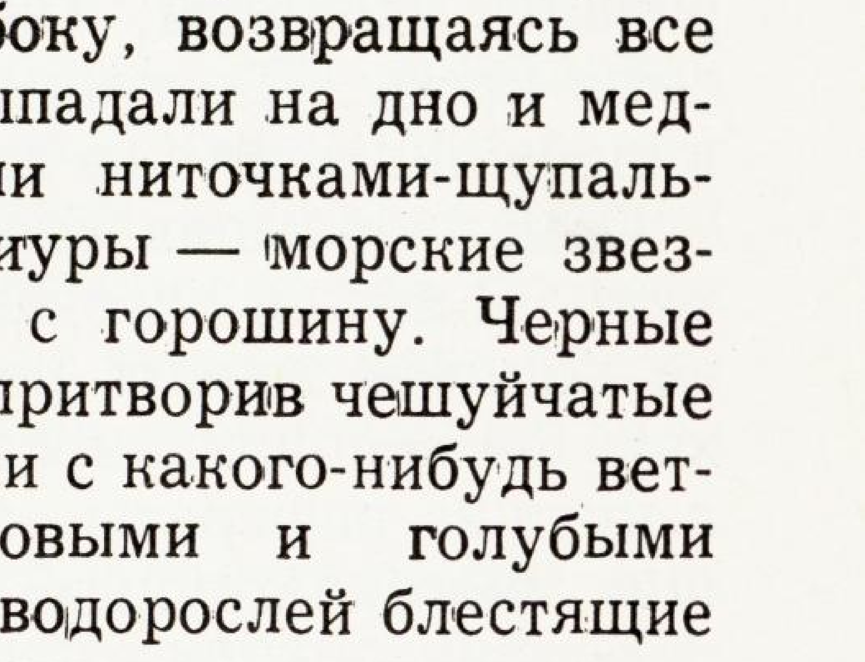
— Удивила! — сказал Толь. — В моей пробе уже четыре.

Они сидели локоть в локоть вдоль узкого стола, обтянутого клеенкой. Около каждого на столе стояла плоская эмалированная посудина — кювета — и целый выводок стеклянных мисочек — чашек Петри. Шла разборка дночерпательных станций.



Данька с Лерой разбирали первую станцию. Толик и Леша — вторую, Алена, Толь и Славка — третью, четвертую и пятую. Они брали из полиэтиленовых мешков очередную порцию водорослей, клали этот влажный, похожий на мочалку, комок в кювету и принимались медленно, осторожно раздвигать его, разбирать на ниточки пинцетом. И тут оказывалось, что эти густо переплетенные фиолетовые, красные, бурые стебельки сплошь усеяны живыми существами.

Выскакивали и суетились в наполненной водой кювете белесые бокоплавы, похожие одновременно на кузнечиков и на крохотный бумеранг. Они плавали на боку, возвращаясь все время на то же место. Выпадали на дно и медленно перебирали тонкими ниточками-щупальцами темно-вишневые офиуры — морские звезды с тельцем величиной с горошину. Черные чечевички мидий, плотно притворив чешуйчатые створки, гроздьями свисали с какого-нибудь ветвистого стебелька. Розовыми и голубыми глазками мелькали среди водорослей блестящие завитки ракушек с затаившимися в них моллюсками.



— Ребята! У меня креветка! — крикнул Толик.

— В зоопарк ее, — сказал Данька.

— Запиши сначала в свою пробу, чтобы не перепутать, — сказал Капитаныч.

Толик аккуратно подхватил пинцетом креветку и понес ее в «зоопарк» — огромную стеклянную банку, стоявшую на подоконнике.

По дну «зоопарка», высунув из мелкого, похожего на завитушку крема, домика свою уродливую разросшуюся клешню, ковылял рак-отшельник. Остановился, попытался протиснуться в щелочку между камнями. Свалил на себя продолговатый камешек и надолго замер. Потом высунул из-под клешни сердитый, торчащий на кончике стебелька глаз, сдвинул набекрень свой домик-завитушку и снова зашагал вдоль стенок.

Офиуры, по которым он бесцеремонно ползал, равнодушно сплетали и расплетали свои игольчатые щупальца. Переливчатые голотурии, присосавшись к донным камешкам, раскачивались толстыми тельцами, увенчанными пучком хищных лепестков. На стенках банки изнутри замерли улитки со створчатыми раковинами за спиной, сложенными наподобие крыльев.

Опущенная в банку креветка на секунду замерла в воде, поводя длинными, словно бамбуковыми, усиками. Прозрачное тело креветки с хрупкой веточкой хребта внутри напряглось, от выпуклого живота отклеились паутинные лапки, и она скачками ринулась на дно.

— Поскакала, — сказал Толь, — Ну, точь-в-точь конек-горбунок.

— Жалко их фиксировать, — сказала Славка.

— Они все равно мацирируются.

— А это что?

— Помрут, а потом превратятся в бесформенное месиво. Они же придонные. Разница давлений, — сказал Данька.

Славка, жалостливо склонив голову, посмотрела на обитателей «зоопарка» и сокрушенно вздохнула:

— На камушке родился, песочком умылся — там и пляши, где голыши.

Все вернулись к своим банкам, кюветам и принялись осторожно распутывать пинцетами комки водорослей. Данька и Лера, склонившись друг к другу головами, аккуратно расправляли водоросли в общей кювете, изредка переговариваясь шепотом. Они уже почти разобрали свою пробу. Десятка полтора чашек Петри теснились около них на столе.

Самая большая стояла у Даньки по правую руку. В нее он опускал извивающихся на кончике пинцета тонких розовых червячков — полихет. Он специализировался на полихетах, писал в кружке рефераты об этих «предках всех высших многоклеточных».

Как только Лера доставала из мешка и выкладывала в кювету очередную горку водорослей, Данька ревниво выхватывал из-под ее пинцета домики полихет, тонкие, усыпанные песчинками известковые трубочки, похожие на стебелек водоросли. Сама полихета не больше сантиметра, а домик ее иногда бывает и с палец длиной. Попробуй догадайся, в каком конце она прячется. Приходилось его вспарывать пинцетом снизу доверху, стараясь при этом не повредить слабое тельце полихеты.

— Ювелирная работа, — удовлетворенно сказал Данька, доставая из домика червячка.

Он встал, распрямил затекшую спину, прошелся вдоль стола, через плечи ребят заглядывая в кюветы.

— Эй, эй, Леша! — крикнул он. — Ты почему домики полихет не вскрываешь? После фиксации их ни за какие коврижки не вытянешь.

— Данька, — сказал Капитаныч, — домики вскрывать не обязательно.

— Съел? — сказал Леша.

— Но если тебе это необходимо для работы, пожалуй, постановим всех полихет из домиков доставать, — добавил Капитаныч. — Как, дети, согласны?

— Ну вот, — протянул недовольно Леша, — просидим теперь допоздна, а мне скоро данные машины записывать.

— Ладно, Кулибин, — сказал Данька, — можешь в своей пробе не вскрывать. Я за тебя сделаю.

— Антон Капитоныч, — сказала Алена, — а с водорослями как быть? Мы же зоологи, а не ботаники — трудно их по видам определять.

— Водоросли можете разбирать по внешнему виду, но обязательно раскладывать отдельно. Зафиксируем так, а в интернате определим.

— Мы с Данькой так и делаем, — сказала Лера.

— Только смотрите, чтобы на водорослях какая-нибудь живность не осталась, — сказал Капитаныч. — Особенно мшанки внимательно ищите. Любое пятнышко на листике проверяйте под бинокуляром.

Бинокуляр — микроскоп, в который можно смотреть сразу двумя глазами. Колонии мшанок возникали под стеклом бинокуляра, как гигантские доисторические леса. Веера щупалец представлялись пальмами или папоротниками, а бугристые панцири напоминали мощные стволы неведомых деревьев.

Алена первая завладела прибором. Она притащила огромный, похожий на пожелтевший лопух лист ламинарии, весь испещренный светлыми точками. Осторожно, маленькими ножницами она вырезала квадратики листа с белыми точками и укладывала их под бинокуляр.

Только Леша остался на месте. Он ожесточенно раздирал пинцетом спутанные клубки водорослей, отдирал от них мидий, рассовывал по чашкам Петри червячков, моллюсков, бокоплавов.

А мешок с пробой все никак не пустел.

ЛЕША

Угораздило Капитаныча наскрести со дна столько травы! Водорослей навалом.

Я почему-то не заставляю их за машиной следить. Мне вон и ночью приходится данные снимать. Не устанавливаю дежурства, сам справляюсь. А как температуру да соленость на разных глубинах определять, так Леша да Леша.

Вообще-то разборка — интересное дело. Похо-

же на то, как клад ищешь. Но это, когда живности много. Забавно, когда всяко-разные неизвестные звери попадаются. Конечно, для науки, может, они и не новость, а только для тебя самого. Как Капитаныч говорит? «Открытия в науке начинаются с открытия для себя».

Здорово он высказывается. Прямо с ходу запоминаешь. Данька говорит, что он заранее придумывает свои афоризмы, по средам с трех до пяти. Да хоть бы и так. Я вот сто лет буду стараться, а все равно ничего не выдумаю такого.

И чего это Толик возится? Зря я с ним вместе на разборку сел. Вон у Алены с ребятами три пробы, и они уж почти кончили. Алена сноровки еще в прошлой экспедиции набралась, с ней бы мы в момент раскидали пробу.

Не обязаны мы водоросли разбирать, и нечего с ними возиться. А если Толику интересно с каждой ниточкой по часу сидеть, пусть сам и корпит. Мне вон еще данные с машины через полчаса снимать. Вася телеграмму вчера прислал, чтобы два гигрометра к машине присоединить. Мне бы над схемой посидеть, а они водоросли подсунули. Толик, небось, за меня в машине транзисторы перепаивать не станет — не кумекает.

— Толик, — сказал Леша, — давай остатки пробы разделим. Кто свою часть кончит, тот и свободен.

— Как хочешь, — пробормотал Толик, разглядывая зажатого в пинцете моллюска.

Леша вытащил из мешка чуть ли не копну водорослей, швырнул в кювету, сразу заполнив ее доверху.

— Как же ты разбирать будешь? — удивился Толик. — Понемногу бери, чтобы дно в кювете видеть. Запутаешься.

— Всяко-разные советы сами давать умеем, — сказал Леша. — Ты знай свою половину разбирай.

— Антон Капитоныч, — сказала Лера, — мы с Данькой разобрали. Проверите?

— Что вас проверять? Не маленькие.

Данька достал с полки пробирки, банку с формалином, вату, термометр. Он подогревал на спиртовке формалин, наливал его в пробирку, опускал туда же содержимое очередной чашки Петри. Лера на квадратиках кальки писала тушью номер пробы, число, латинское название зафиксированного вида, свою и Данькину фамилии. Потом она аккуратно опускала по стенке пробирки этикетку, ловко на пинцете наматывала ватный тампон и закупоривала им пробирку.

— У меня все, — сказал Леша, — разобрал.

Он взял банку и запихнул в нее огромный пук водорослей. Толик оторвался от своей кюветы.

— Что-то ты быстро, — сказал он Леше.

— Лерка с Данькой еще быстрее. На них удивляйся, — проворчал Леша.

— Ты же плохо разобрал. Подожди фиксировать. Вон у тебя и домик полихеты на водорослях и моллюск какой-то, — сказал Толик.

— За нас не беспокойся. Все чин-чинарем. А это не домик, а корешок фукуса. Пора бы знать. Ими все камни в море поросли.

Леша потянулся за формалином.

— Оставь, — сказал Толик, — я сам зафиксирую.

Леша отмахнулся от него, залил в банку формалин, сунул туда этикетку и плотно закупорил.

— Ты что, совсем? — Толик покрутил пальцем у виска. — За такое из экспедиции запросто попрут.

От последних слов Толика Леше стало не по себе. Он почувствовал какую-то неясную тревогу, от которой мгновенно портится настроение. Но вслух сказал:

— Зря волнуешься, Толик. У меня все в порядке. Можешь проверить.

Толик пожал плечами.

— Антон Капитоныч, — крикнул Леша, — я кончил! Зафиксировал.

— Всю пробу?

— Не. Свою долю. Остальное Толик доделает.

— С каких это пор общая работа на паи стала делиться?

— Да ладно, я без него справлюсь, — сказал Толик.

— Смотри, чтобы халтуры не было, — сказал Капитаныч.

БОРТЖУРНАЛ

Вчера состоялись Великие Землеройные Работы! Леша давно что-то затевал: паял, перепаивал машину, мотал какие-то проводочки. Ухлопал два рубля семьдесят четыре копейки на телеграммы Васе.

И вот от Васи пришла историческая телеграмма: «Систему сигнализации протянуть море. Глубина заложения на отливе метр. Приветом Вася».

Леша показал телеграмму Капитанычу. Пошептались они. После этого были объявлены Великие Землеройные Работы. Мы дождались отлива и копали канавки от лаборатории до самого уреза воды. Шесть штук, и каждая длиной сто метров! В эти канавки проложили провода от машины. И потом еще на метр в море протянули, чтобы электроды и по самой малой воде не обнажились.

Все это Леша подключил к таинственной «системе релейно-дистанционного управления». Сегодня утром снова телеграмма от Васи: «Гигрометр Г-2 присоединить клеммам три, семь, одиннадцать. Приветом В». Между прочим, зря сокращал имя — все равно за одну букву берут, как за целое слово. Непрактичный Вася человек. Но тут ничего не поделаешь: все гении непрактичные.

Теперь машина показывает температуру разных слоев воды в любой час суток. Здорово! Не зря мучились.

Данька.

Ребята сгрудились под навесом у печки. Лера попросила:
— Иннокентий Кузьмич, расскажите что-нибудь!

Еще событие! Приехал Иннокентий Кузьмич. Он орнитолог. Изучает птиц Северного архипелага. В прошлом году мы с ним на кольцевание ходили. Вот бы и в этом пойти!

Кроме всего прочего, Иннокентий Кузьмич занимается энтомологией. Всех насекомых на островах собирает. Карманы его вечно забиты всякими пробирками, пинцетами, пробками, булавками, картонными коробками. Целая походная аптечка. Он сам себя так и называет — Аптекарь. Хороший он, смешной.
Алена.

ПРИКАЗ № 16

1. По случаю окончания ремонта экспедиционного судна «Бокоплав» и проведения на нем первых драгировок объявляется благодарность всем членам Шестой Беломорской.

2. За успешное проведение днокопательных работ команде, заменившей земснаряд, объявить благодарность.

3. В честь приехавшего на Кряжов Иннокентия Кузьмича устроить торжественный ужин с оладьями, вареньем, чаем и коктейлем из сухого молока и черники.

Аптекарь доскреб ложкой лапшу, смахнул крошки со стола и, зачерпнув из ведра воду, принялся мыть миску.

Под навесом у печки медленно сгущались легкие сумерки. Августовская заполярная ночь не спешила опуститься на остров. Она постепенно словно вымывала, гасила яркие дневные цвета. Море, сосны, лобастые валуны, мох, метелки иван-чая становились одинаковыми, безразлично-серыми.

Ребята сгрудились у печки. Быстрые отблески меркнущих углей скользили по их лицам. Совсем близко хахакнула чайка.

— Иннокентий Кузьмич, — сказала Лера, — расскажите что-нибудь. Вы же обещали.

— Страшную-престрашную историю, — сказал Данька. — Чтобы спать расхотелось.

— У джастернака руки медные по локоть, а когти стальные, — начал Аптекарь. — Выследит он одинокого путника, придет к нему ночью и вонзит свои стальные когти в тело...

— О-ох! — выдохнул кто-то.

— Бояться нечего, — серьезно сказал Аптекарь, — джастернаки на островах Северного архипелага не встречаются. Холодно им здесь.

Вот в степи другое дело. Говорят, что медная рука джастернака приносит счастье. Только добыть ее трудно — нужна серебряная пуля в стволе. Но один батыр добыл.

Аптекарь высунулся из-под навеса, поглядел миску на свет, будто она прозрачная, и сунул ее на полку.

— Знаете, как в степи наступает ночь? — спросил он.— Внезапно. Как одеяло на голову: укрылся — и сразу темно стало. Батыр спешился, стреножил коня. Набрал сухой травы, развел костерок. Тут к нему и подошла какая-то девушка. Молча присела рядом. Костер из травы огня мало дает. Больше дыму. Но батыр успел заметить, что рукава у девушки длинные — пальцы даже прикрывают. Посидела она молча у костра, погрелась и так же молча ушла.

— Джастернак,— прошептала Лера.

— Джастерначка, — сказал Аптекарь. — Батыр сразу сообразил, что это была джастерначка. Расседлал он коня. Седло на землю положил и укрыл своим халатом. А в полночь появилась джастерначка. Рукава закатаны по локоть. В лунном свете поблескивают медные руки. Она приняла седло за спящего батыра и вонзила свои стальные когти.

Батыр вскинул ружье, но вдруг вспомнил, что в стволе нет серебряной пули. Тогда он схватил серебряную сбрую своего коня, сжал ее в кулаке в комок. Зарядил он этой пулей ружье и выстрелил...

Свист пронзил степную тишину. Луна скрылась в ночном небе. Тьма сгустилась. А когда настало утро, увидел батыр медную руку джастернака, вонзившуюся в седло. И оторвать ее от седла было невозможно. До сих пор ездит батыр в седле, к которому приторочена рука джастернака. И удача ездит за ним следом.

Аптекарь умолк. Неяркий свет моря, скрытого за тяжелыми стволами сосен, стал проникать под навес. Солнце уже коснулось неровной верхушки Большого Гальмука и, словно оттолкнувшись, пошло на восход. И теперь два огромных розовых пятна — луна и солнце — стояли в небе одно против другого, будто небо навылет прострелено пулей.

В салме застучал мотор. Кто-то из лесников шел на моторке вдоль узкого пролива меж островами. По оживленному переклику чаек, гаг и куликов-сорок можно было определить, что начинается отлив. Как всегда на отливе, ветер утих.

Легкие, размытые тени легли на лица ребят, и от этого, а еще оттого, что догорели, затуманились под налетом золы угли в глубине печки, у каждого появилось одинаковое выражение задумчивости и усталости.

Славка, которой завтра предстояло дежурить, присев на корточки, широким ножом щепала лучинки от сухого полена. И невозможно было понять, слушает ли она или вся поглощена своим делом.

Лера, захваченная рассказом Аптекаря, подалась вперед.

Данька помешивал в жестянке из-под сгущенки формалин, пытаясь подогреть его на остывающей чугунной плите. Каждый вечер он фиксировал своих полихет.

— Полихеты — мое научное хобби, — говорил Данька, — я их собираю для грядущей науки. Если бы кто-нибудь догадался лет сто назад собирать плесень, то и пенициллин открыли бы намного раньше.

Данька сунул термометр в жестянку, потом поднес жестянку близко к лицу, стараясь разглядеть деления на шкале термометра. Едкий запах формалина ударил ему в нос. Данька чихнул.

— Тьфу, гадость! — сказал он. Зажмурился и мечтательно протянул: — Мне бы руку джастернака — я бы такую коллекцию полихет наловил.

— Полихета сапиенс Данькус,— сказала Алена. — Никаких у тебя, Данька, возвышенных мыслей и полета фантазии.

— Никакой фантазии тут не требуется, — сказал Аптекарь. — Все, что я рассказал, чистейшая правда, объективная реальность с ее странными закономерностями и закономерными странностями.

— Вот уж действительно странная закономерность,— раздался вдруг голос Капитаныча.

Капитаныч стоял перед ними, грозно поблескивая толстыми стеклами очков и топорща густую бороду.

— Странная, говорю, закономерность, — продолжал он. — Как только я загляжусь на сиреневые морские дали или, что ближе к истине, займусь подготовкой завтрашнего рабочего дня, дети тут же отбиваются от рук.

— Иннокентий Кузьмич нам про джастернаков рассказывал... — начала Алена.

— Мы сюда не байки слушать приехали, а работать.— Капитаныч повернулся к Аптекарю.— Извините, Кеша. Так вот, завтра я вас разбужу в шесть утра, потому что надо успеть сделать драгировки до полудня, пока не поднимется волна. А сейчас первый час ночи. Все спать! Алене тем более: завтра она с командой самостоятельно будет драгировать. Пойдете на банку Урастериас.

Ребята потянулись из-под навеса.

— Данька и Толь, — сказал Капитаныч, — вы длинноногие, сбегайте в губу. Посмотрите, не обсох ли на малой воде «Бокоплав». На всякий случай отведите его поглубже и поставьте на якорь у красного буя.

Данька с Толем наперегонки бросились к берегу. Отлив действительно был немалый, и «Бокоплав» вот-вот мог обсохнуть — сесть килем на обнажившееся илистое дно. Тогда его не спихнешь до прилива. Большая вода будет лишь через двенадцать часов.

Данька прыгнул в лодку и взялся за весла, а Толь, натянув отвороты резиновых бахил выше колен, уперся в корму «Бокоплава» плечом.

Когда они, гремя приставной лестницей, забрались, наконец, на мансарду, все ребята уже неподвижно лежали в спальных мешках.

В мансарду свет проникал сквозь небольшой квадрат окна. Шорох ветра, пробегающего в верхушках сосен, отчетливое причмокивание волн, омывающих валуны, тревожные вскрики чаек, солидное покрякивание гаг — все эти звуки, не слышные привычному уху днем, заполняли притихшую мансарду.

Толь, быстро раздевшись, пытался впихнуть свое длинное, нескладное тело в спальный мешок.

— Толь, — шепнул Данька, — вы со Славкой завтра дежурные.

— Ну и что? — откликнулся Толь.

— Буди меня последним, а? — заискивающе попросил Данька.

Толь наконец разместился в спальном мешке, застегнулся на все пуговицы и, зевая, потянулся так, что затрещал простынный вкладыш.

— Не-ет, — сказал он сонным голосом, — тебя первым разбужу, чтобы в следующий раз не просил.

— Изверг, — сказал Данька, — инквизитор. И логики никакой. Видишь, я последним ложусь, мне и вставать последним. Толь! То-оль!

В ответ Толь громко засопел и даже присвистнул, словно уже давно спит.

— Бездушный злодей, — проворчал Данька.

— Даня, — позвал тихий Лерин голос.

Мешок рядом с ним зашевелился, неуклюже повернулся на бок. Из щелочки капюшона высунулась половинка Лериного лица.

— Ты еще не спишь, мечтательница? — сказал Данька. — О джастернаках думаешь?

— Я, Данька, считаю, что легенды и даже сказки — вовсе не выдумка, не фантазия, а просто преувеличение. Ну, джастернаков, пожалуй, не было, но зато был когда-то смелый и умный батыр. И если бы он встретил джастернака, то непременно бы победил. Нет, я неправильно сказала, что сказка — преувеличение. Это гипотеза. И при определенных условиях она могла бы осуществиться.

— Эк, куда тебя потянуло, — засмеялся Данька. — Гипотеза! Спи, а то Капитаныч войдет, он нам с тобой задаст гипотезу.

Данька замолчал. Лера решила, что он заснул, и снова, как улитка, спряталась в спальный мешок. В щелочку капюшона выбились ее светлые волосы, но вытягивать наружу руку и убирать их было лень. Лера громко дунула внутри мешка, отгоняя щекочущую прядку от лица, и почти моментально заснула.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

«Лесная

«Лесная сказка» — так называется пионерский лагерь Коломенского тепловозостроительного завода.

Сказочно хороши здешние места: цветущие приокские луга, светлые дубравы, где в мае не смолкают птичьи песни. Птицы охотно заселяют развешанные для них скворечники и дуплянки. Нигде не увидишь ни сломанной ветки, ни следов костра.

Красиво и в самом лагере. Весенней порой, когда в юннатском саду цветет сирень и двести

Голубой патруль отправился в рейд по реке Осетр.

И грибы можно собирать, заботясь не только о себе — не рвать с корнем, а срезать их ножом.

Вова Иванов и Сережа Александров — из голубого патруля. Они расчищают родник.

сказка»

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

яблонь, кажется, будто с неба на землю спустились воздушно-легкие, душистые, снежно-белые облака. Словно огромный ковер, переливается всеми цветами радуги плантация гладиолусов. Пятьдесят тысяч корней цветочной рассады высажено в цветники руками ребят! Цветники заботливо ухожены.

Засохшие листья на территории лагеря можно было увидеть лишь у лекарственных трав, которые ребята собирали и сушили для заводской аптеки...

— Вот и Красная тетрадка! Вера Сударкина и Вова Поскребушкин записывают свои наблюдения.

Рядом с домом, где жили ребята, свила свое гнездо маленькая птичка овсянка. Видно, ей было и спокойно и уютно здесь, раз не улетела, а воспитывала своих птенцов.

Природа, как музыка: чем больше ее знаешь, тем больше любишь. И мальчики и девочки с нетерпением ждали, когда появится новый стенд «Окно в природу», новая стенгазета зеленого патруля «Знаешь ли ты растения, которые тебя окружают?».

Особенно интересовала ребят жизнь леса. Все с удовольствием участвовали в лесной викторине. Старожилы «Лесной сказки» спрашивали новичка:

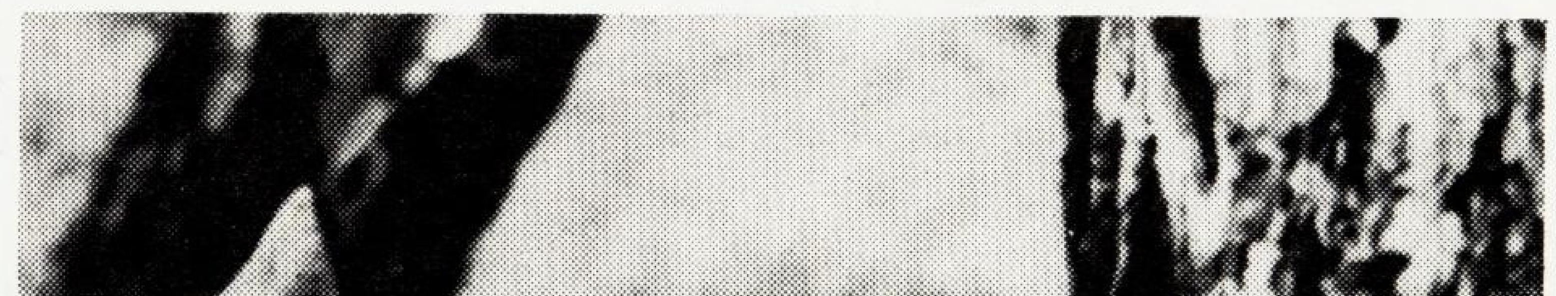
— Что такое лес?

— Лес... ну, это, когда много деревьев.

— В парке тоже много деревьев. И в саду. А какая между ними разница?

Чтоб ответить на этот вопрос, надо было учиться наблюдать за сложной жизнью леса, учиться думать. Наблюдатель становился другом природы, ее защитником. Красная тетрадка появилась естественно, сама собой.

Пока что у нас записаны в Красную тетрадку такие растения: чилим (водяной орех), в Подмосковье очень редкий; стелющийся по земле плаун, или ликоподий, и другие. По-латыни «ликоподий» — «волчья нога». Предками волчьей ноги были исчезнувшие с лица земли гигантские деревья лепидодендроны тридцати метров высотой.



Кто-то поранил дерево — неосторожно сорвал кору на березе. Оля Четкина тщательно смазывает варом поврежденный участок.

Все в лагере знали: ящериц надо беречь. Они так же полезны лесу, как птицы.

Мы считаем, что надо охранять растения и животных не только потому, что они полезны, надо еще защищать красоту — и в лесу, и в городском парке, и на берегу реки, и на лугу. Как-то мы собирались провести конкурс на лучший букет из полевых цветов, но потом отказались. Полевые цветы — цветы для всех, пусть они всех и радуют. И особенно красивы они не в вазе, а на просторе, когда их тысячи, когда над ними жужжат пчелы и ветер колышет их лепестки.

Н. КИБИТКИНА, учительница биологии.

От редакции. Думается, что та личная Красная тетрадка, которая хранится в сердце, подсказала ребятам это решение.

Лягушачья страница

Здравствуй, Красная тетрадка!

Мы ходили летом в поход и увидели трех лягушек. Некоторые девочки завизжали и начали бросать в лягушек камни и палки. Мальчики тоже принялись мучить лягушек. Вожатая Марина, Лена, Оля и я вступились за лягушек. Одна погибла, но двух удалось спасти. Мы провели сбор «Защищайте животных», и сейчас у нас работает юннатское звено.

Было и такое: когда мы гуляли с подшефными октябрятами, два мальчика и три девочки убили лягушку. Почему убили? Вот их ответ: «Она противная и некрасивая». Мы разъяснили октябрятам, что не лягушка некрасивая, а некрасиво так поступать. И вовсе лягушка не противная. Она полезная. Она уничтожает малярийных комаров.

Марина Алексеева,
г. Орехово-Зуево.

Редакция уверена, что Марина убедила не только своих подшефных октябрят, но и всех, кто прочтет открытую ею «Лягушачью страницу».

Давайте обсудим

Не будь жадиной!

На нашем дворе растет рябина. Прошлый год на ней закраснели ягоды, да так высоко, что людям не достать. Зато осенью к нам на двор прилетели дрозды-рябинники. А зимой я видела четырех свиристелей и один раз снегиря. Зимой птицам голодно, и наша рябина кормила их ягодами.

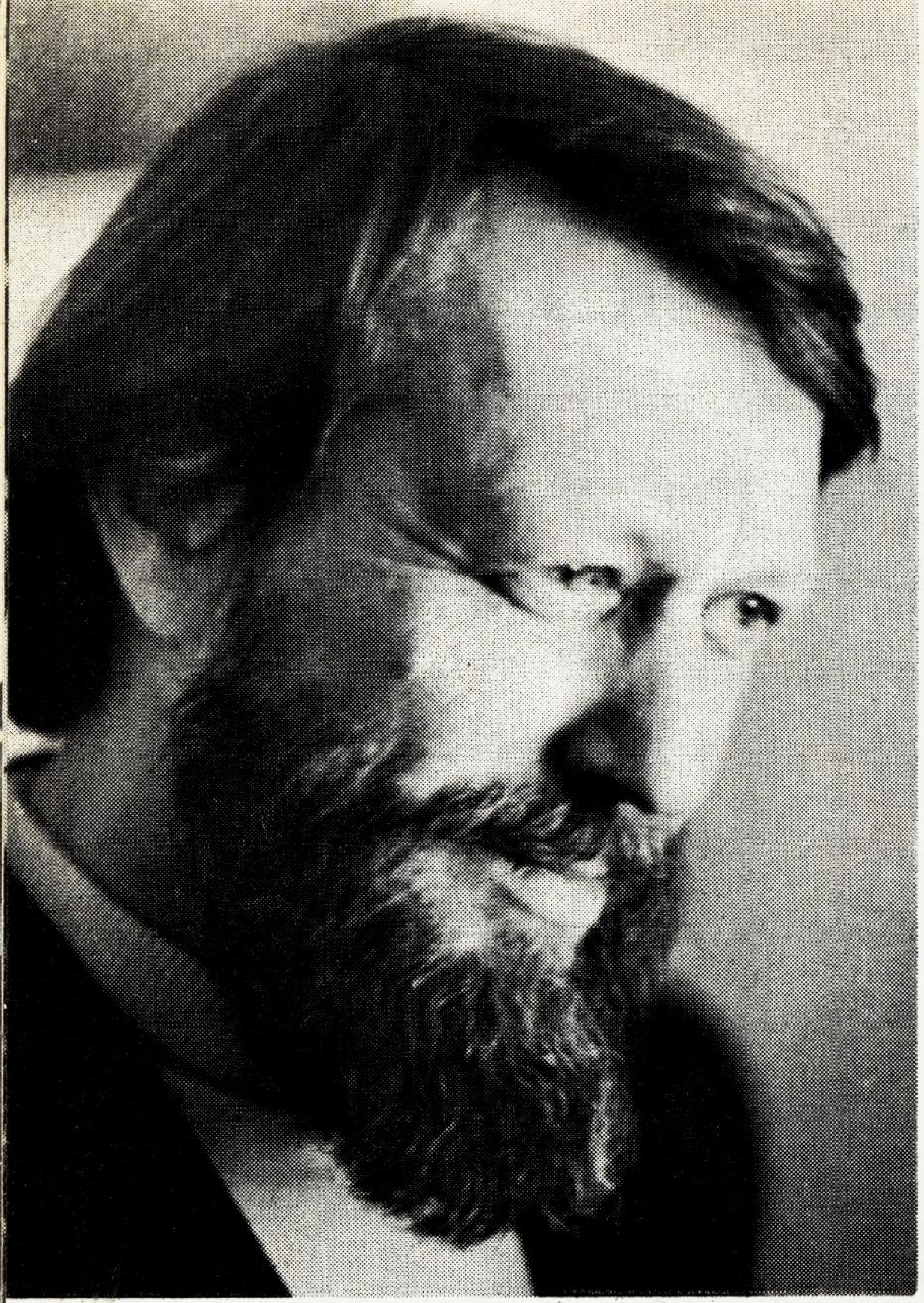
На даче, где жила моя подружка Лена, соседские мальчишки обломали рябину, съели все орехи еще невкусными, незрелыми. Жадине неважно, что невкусно, лишь бы все досталось ему одному. Для мальчишек орехи — забава, а для белок — жизнь. Белки уже не могли сделать запас на зиму...

Красным тетрадкам стыдно так поступать.

Я придумала правило для ребят, которые красные тетрадки: **не будь по-медвежьи невежей. Не будь жадиной, будь человеком.**

Оля Крылова,
г. Ленинград.

От редакции. Согласны ли вы, ребята, с правилом, которое придумала Оля? Какие еще другие правила придумаете вы?



А. КРЕСТИНСКИЙ

Радий Погодин

Ребята любят так спрашивать про книги: «А это правда?» Если скажешь «нет», ужасно огорчаются.

Тут какое-то заблуждение насчет работы писателя. Дело в том, что силой своего воображения, силой фантазии писатель достигает такого уровня художественной правды, какого никогда не достигнуть, копируя окружающую действительность.

Кто такой Гулливер? Плод фантазии писателя Свифта. Но какая глубина жизни открывается нам сквозь волшебное стекло этой фантазии!..

Художественную правду можно сравнить с рекой, возникшей из тысяч ручейков. Не было бы ручейков, не было б и реки, но мощь и красота реки затмевают скромный ручей.

Радий Погодин сказал как-то в шутку: «А я все сказки пишу...» Он хотел подчеркнуть этим, что *сочиняет* свои книги.

Но сколько надо накопить жизненных впечатлений, как активно и трудно жить, каким густым и терпким опытом обладать, чтобы потом с помощью творческого воображения переработать все это в ткань художественного произведения, одновременно и похожего и не похожего на быстротекущий мир!

Радий Погодин вырос в Ленинграде, на Васильевском острове. Мальчишкой не думал ни о какой литературе — любил спорт, был гимнастом - разрядником, гордился своим умением висеть... на одном пальце, не столько из озорства, сколько от беспечной удали и уверенности в себе загорал с друзьями на карнизах между школьных окон.

И было это за два года до войны.

Вот пунктир его жизни: школа—завод—фронт — завод... Все, как у многих, как у целого поколения. Но в конце цепочки — литература. И потому все, что было до нее, окрашивается и оценивается особо.

На войне он был сержантом, разведчиком, командиром бронетранспортера. Вот откуда, мне кажется, резкость, решительность, смелость его творческого почерка.

Я познакомился с Погодиным в конце 50-х годов, когда он был уже автором двух книг и писал третью, которая вскоре сделала его известным писателем. Совсем еще молодой, с гладко зачесанными назад блестящими русыми волосами, словно начиненный легким озорным зарядом, Радий Погодин работал тогда над книгой рассказов «О весе-

лых людях и хорошей погоде». Счастливая пора, как сам он теперь признается. Он был как бы соучастником описываемых событий, ощущал себя рядом со своими персонажами, будто впервые пробовал мир на вкус, на цвет, на запах. До сих пор с какой-то особой, даже отцовской нежностью говорит он о мальчишке из своего рассказа «Тишина», помните, печку складывал дачникам?..

С рассказами этого цикла в детскую литературу вошли сильные, колоритные характеры — люди рабочие, хозяева своей судьбы, не раскисающие по пустякам, исполненные достоинства. А заголовки этих рассказов — они снайперски точны, афористичны: «Сколько стоит долг», «Время говорит — пора»...

В последнем рассказе есть слова, которые можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Радия Погодина: «Много на земле веселых людей. Они не смеются беспрестанно, не пляшут без конца, не горланят песни без передышки. Они просто идут на шаг впереди других. С ними не устанешь и не замерзнешь. Давно уже стало известно — больше всех устают последние. А что касается погоды, она всегда хороша, когда весело у человека на сердце, когда ему некого бояться, нечего стыдиться и незачем врать».

С тех пор Радий Погодин написал много книг. Среди них — «Ожидание», «Треньбрень», «Где леший живет», «Что у Сеньки было»...

В книгах Погодина подлинные человеческие страсти. Он говорит о жизни всерьез, не делая скидки на возраст читателя. Он верит: ребята все поймут.

Он рассказывал мне, как когда-то вместе с бабушкой ходил «ликвидировать безграмотность» и в пять лет научился читать. Бабушка приносила из библиотеки взрослые книги, и они читали их по очереди, потому что бабушка быстро уставала. Иногда она пропускала страницу и говорила: «Это тебе еще рано». И снова приносила ему серьезные, взрослые книги — о природе, путешествиях, о разных странах и народах...

Наверное, потому он так убежден: ребята поймут все. Поймут, что жить надо на поле, а не на меже. Что главное в жизни — труд. Что загубить свой дар — страшно. Что еще страшнее — оказаться ненужным людям.

Для многих ребят, да и для взрослых тоже, литература — это сюжет. Их волнует одно: что дальше?.. Такие читатели мчатся по страницам книг, как мотогонщики по треку, с одной мыслью: скорей к финишу!

Тому, кто впервые возьмет в руки повесть Радия Погодина «Ожидание», мне хочется сказать: «Друг, не спеши. Не торопясь, войди в этот жаркий мир, оглядись в нем, посмотри, как все живописно. Погляди, как приходят в город корабли, какое там море. Вслушайся, с какой печалью Варька и бабка Ольга поют «Фуртуну». И тогда ты поймешь, что литература — это не просто, что рассказано, но прежде всего — как рассказано. А когда ты вырастешь и возьмешь в руки книгу Погодина «Осенние перелеты» («Где леший живет») — книгу о партизанской войне, о глухой русской деревушке в тылу врага, ты поразишься, каков язык этой вещи, как не похожа она на прежние погодинские книги, уже читанные тобой прежде. Слова, фразы, целые периоды здесь какие-то кряжистые, корневистые. Интонация, ритм прозы — то ли былинные, то ли сказочные. Кажется, сама природа русская — болотистая, глухая, непонятная — окружает врагов и душит их в своем таинственном лесном кольце.

Помню, как поразили меня когда-то его руки — широкие рабочие ладони, крепкие, грубоватые пальцы. Легче было представить в этих руках штурвал машины, молоток, топор, чем перо.

Позднее я понял, именно человек с такими руками должен был написать: «На лиман прибежал ветер. Принялся мастерить волны». Никто, кроме Погодина, так не скажет: «мастерить волны». Для него это не просто метафора. Это образ, родственный ему по духу.

Радию Погодину пятьдесят лет. Он по-прежнему горяч, резок, насмешлив. По-прежнему романтичен.

Я спросил его: «Кодекс чести из одного слова?»

Он отвечает не задумываясь: «Справедливость».

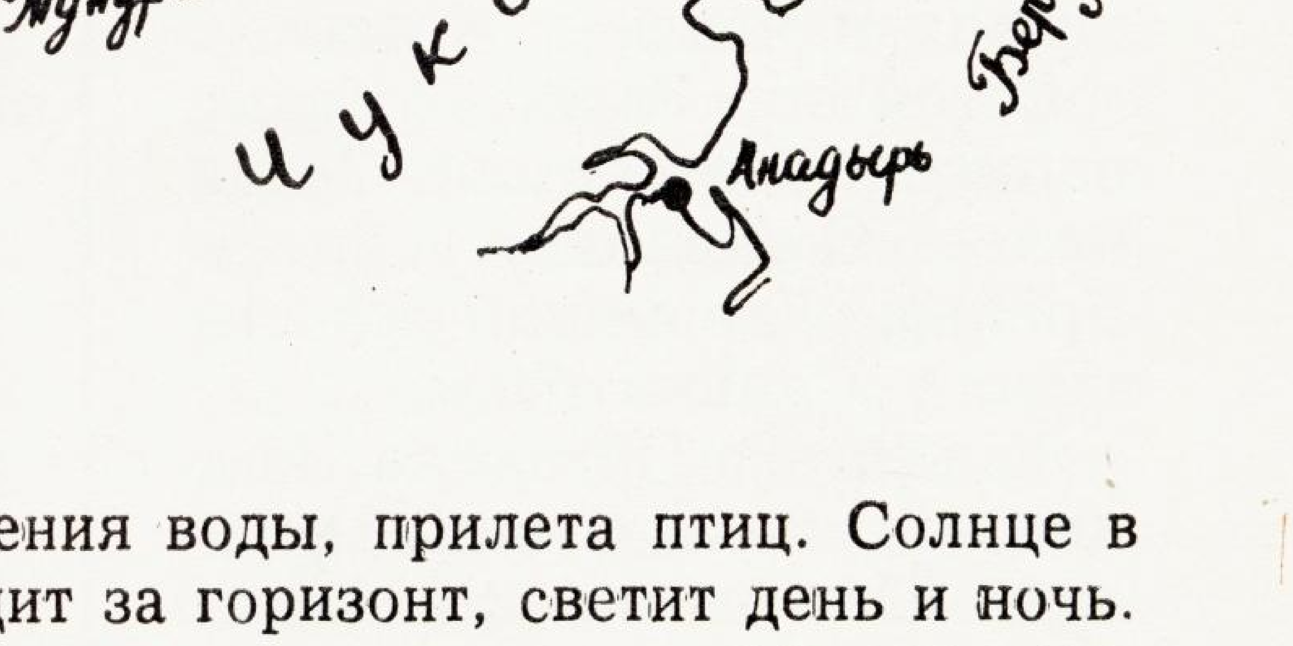
Я говорю: «Представь, ты улетаешь на год. С собой можно взять пять книг, не больше...»

Он перебивает: «Одну возьму. «Дон Кихота». А вместо остальных — чистой бумаги. «Дон Кихота» мне хватит. Высочайшая книга всех времен и народов».

Пожелаем Радию Петровичу Погодину здоровья, бодрости, творческого горения, а себе — радостных встреч с его новыми книгами.

МОЯ РОДИНА — СССР.

Путешествие за Полярный круг



Петр БАГИН

Рисунки автора.

Прожил я в стойбище до конца апреля, а весну так и не увидел.

Наступил май, по-чукотскому календарю — месяц появления воды, прилета птиц. Солнце в мае не заходит за горизонт, светит день и ночь.

Захотелось все это увидеть своими глазами. Решил лететь в поселок Биллингс, где живут оленеводы и охотники, а оттуда в тундру.

Продолжение. Начало в № 7.

Поселок Биллингс

Самолет сделал круг. Внизу я увидел льды, берег моря, на берегу небольшой поселок.

Остановился самолет. Открылась дверь. Вышел я и замер: от поселка с громким лаем неслась ко мне собачья стая.

Меня окружили собаки: черные, дымчатые, пепельные, большие и лохматые, с добрыми мордами и, что удивительно, голубыми глазами.

Они обнюхали рюкзак, мой полушубок и потрусили обратно.

Пошел и я вслед за ними.

Иду мимо занесенных по окна домов. В морозном воздухе повисли прозрачные дымы. Сверкает снег, голубеют тени.

Возле одного из домов стоят белый и серый олени с тяжелыми ветвистыми рогами. Нюхают снег, к чему-то прислушиваются.

С высокого сугроба, крича и смеясь, скатываются ребятишки. Внизу стоит лохматая собачонка на коротких лапах.

— Васька! Васька! — зовут ребята.

Взобрался Васька на сугроб, а скатиться не может. Сбежал вниз, стоит и повизгивает — завидует ребятам.

Проехал вездеход, обдав меня снежной пылью. Из магазина вышел человек в собачьей шапке. Он нес тушу оленя.

— Где здесь гостиница? — спросил я его.

— Вон, на берегу.

Дошел до берега Северного Ледовитого океана.

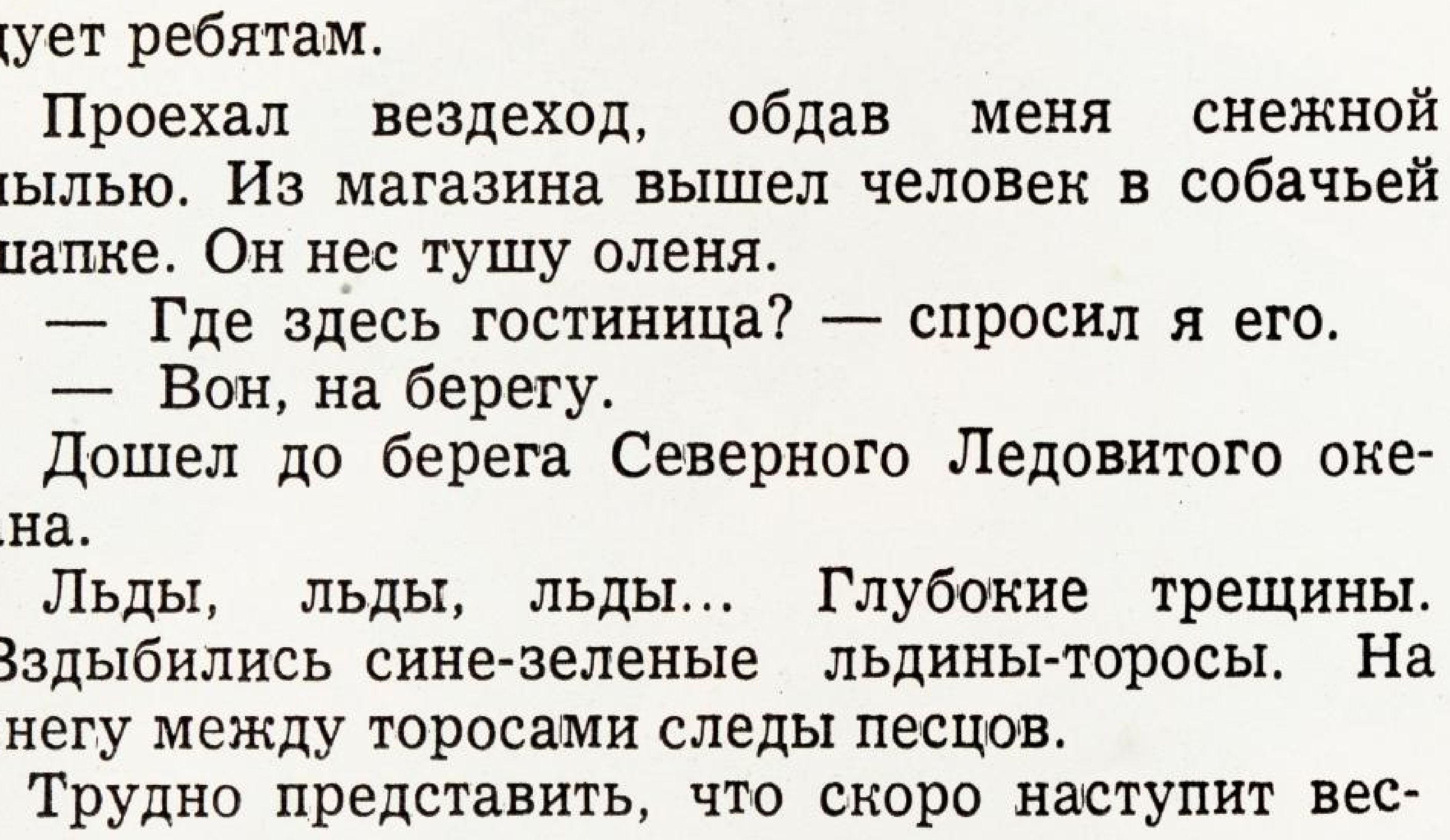
Льды, льды, льды... Глубокие трещины. Вздыбились сине-зеленые льдины-торосы. На снегу между торосами следы песцов.

Трудно представить, что скоро наступит весна, что вода очистится от льда и приплывут сюда корабли...

И вдруг запела бело-черная пуночка — первая весенняя птица на севере.

Она бегает по опрокинутому вельботу.

«Тук-тук-тук!» стучат лапки, как будто капли падают!



Том Васька

Балок

Поставили в тундре балок — домик, собранный из фанерных щитов. Едут люди — останавливаются, забредет охотник — обогреется.

Морозной ночью вездеход высадил меня около балка. Затих вдали шум вездехода, наступила тишина. И слышались в светлой ночи сонное бормотание птиц, далекий гусиный гогот и журавлиный переклик.

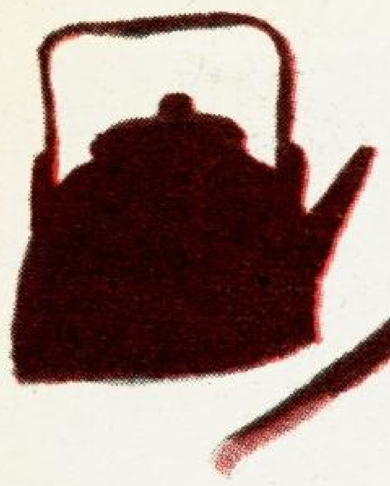
Я втаскиваю в дом рюкзак, карабин и спальный мешок из оленьей шкуры.

У стенки, напротив двери, дощатые нары, стол, слева — железная печка, на полу топор и чайник.

Повесил я карабин на гвоздь и стал растапливать печь. В две консервные банки налил солярку и бензин, размешал и поставил в печку.

Пыхнуло пламя, затрещала горящая солярка. Через дверцу печки повалил дым.

Гудит, потрескивает печка. Дым медленно



выходит через открытую дверь. Видна серая от инея трава. Низкие березки.

И вдруг в ночной тишине кто-то захохотал:

«Кебау... Кебау! Кех! Кех! Кех!»

Кто это?

Перед самым порогом опустилась белая птица с красными бровями. Постояла, тюкнула клювом березовую почку и, подняв голову, снова хрипло засмеялась.

Это белая куропатка пела свою весеннюю песню.

Шикша

Какие ягоды растут на Чукотке? Морошка, брусника, голубика, шикша.

Все ягоды пробовал, а вот о шикше услышал впервые.

Что за ягода такая?

Стаял снег, и появились кустики с листьями, узкими и зелеными, как хвоя. Ягоды черные с синеватым отливом.

Попробовал ягоду. Кисло-сладкая на вкус, чуть-чуть терпковатая.

И повадилась на проталину всякая живность. Прибежал заяц, скуснул несколько ягод, заторопился дальше. Сели на проталину гоготливые гуси, едят и переговариваются, похваливают ягоду-шикшу.

Кто под избушкой живет?

Проснулся я и слышу: кто-то ходит, шуршит бумагами, звякает консервными банками.

«Уж не медведь ли?» — подумал я. Чукчи говорили, что на соседней сопке живет медведь.

Я приоткрыл дверь и грозно выставил карабин.

Около мусорной кучи замерли столбиками два сереньких зверька, похожих на белку, только хвост не такой пушистый да уши не так заметны. Глаза темные, живые.

Евражки, полярные суслики!

Я переступил порог. Евражки словно очнулись, цвиркнули, бросились ко мне под ноги и... исчезли.

Посмотрел вниз, а под избушкой, оказывается, была дыра.

Шагнул в дом карабин повесить, снизу сердито зацвиркали, как будто ножи точили. Наверно, рассердились.

Тогда я накрошил хлеба и положил перед дырой, а сам ушел в сопки.

Долго я ходил, когда вернулся — хлеба как не бывало. Из дыры на меня хитрющими глазами смотрели евражки, как бы спрашивали: «Есть еще хлеб?»

— Всего горбушка осталась, — сказал я виновато.

Заяц

На вершине сопки кое-где чернеют камни, лежат островки снега.

На синем снегу — белое пятно.

Пятно шевельнулось, приподнялось, и я увидел зайца. Он сидел ко мне боком, смотрел на меня выпуклым янтарным глазом. Торчком стояли настороженные уши с черными кончиками.

Я тихонько двинулся к нему. Тень моя накрыла зайца.

Тут косой не выдержал, метнулся в сторону и пропал за пригорком.

На снегу осталась лишь ямка. Потрогал — она была холодная. К снегу прилипли шерстинки.

Пошел я по заячьим следам. За пригорком паслось оленье стадо. Но где же косой?

Заяц сидел среди стада. Рядом ходили олени, слизывая ягель с камней. Они подняли головы и уставились на меня.

Я подивился заячьей хитрости и пошел своей дорогой.

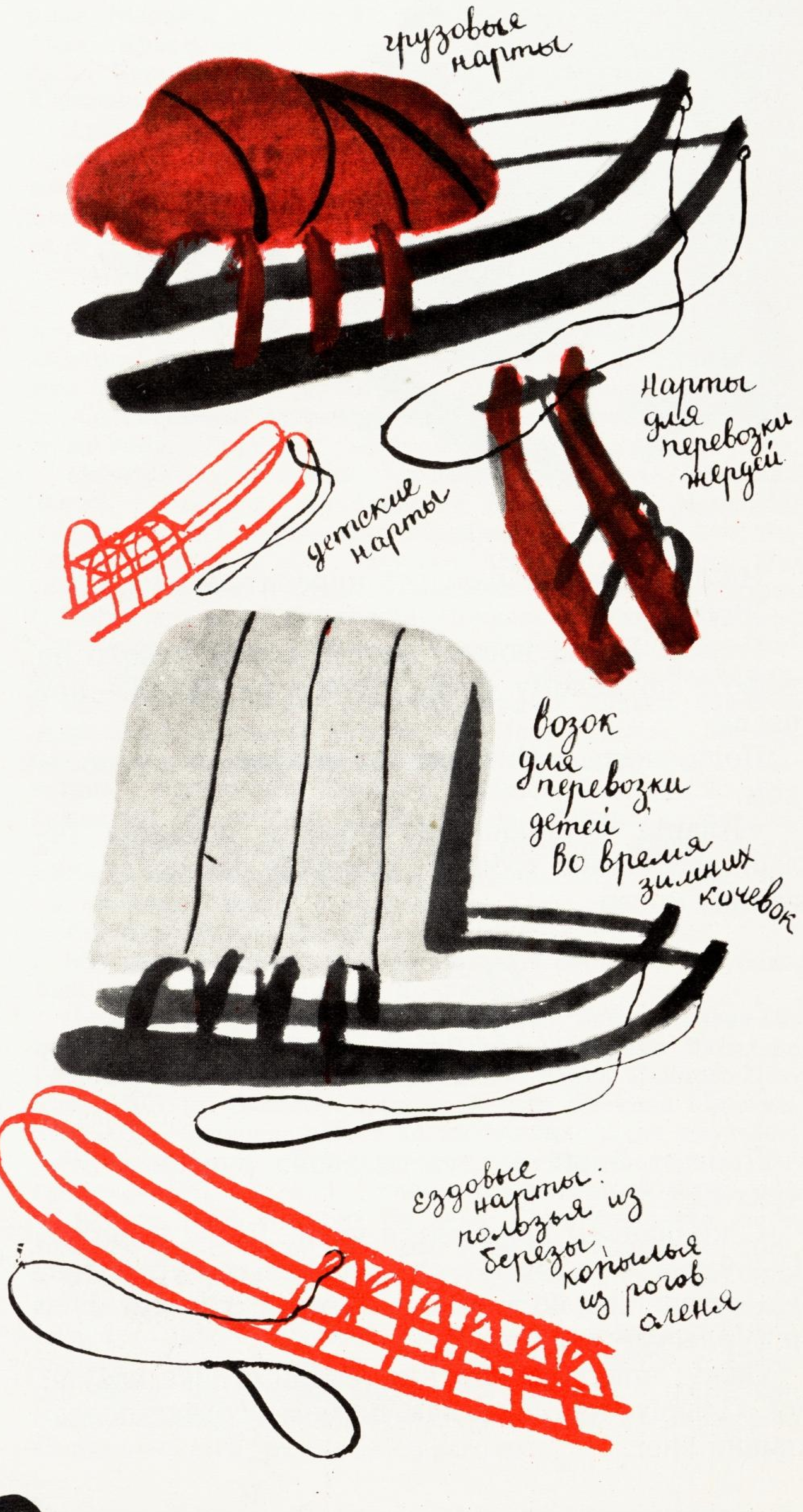
Нападение

Иду по карликовому березовому лесу среди тугих стволов и красноватых веток, задевая рукой за верхушки деревьев, вспугивая юрких зеленоватых птичек.

Впереди что-то мелькнуло.

Песец! Похожий на лисицу, только белый, на высоких, тонких ногах, с пушистым хвостом.

Он бежал, опустив голову с округлыми ушами, обнюхивая кочки, кустики. Перед ним с криком взлетали пуночки, подорожники.



На проталине кормились куропатки.

Учует?

Учуял! Песец пошел шагом, потом пополз на животе по белому снегу. Белое на белом — нет песца.

Полз, полз... И тремя прыжками к куропаткам.

«Клац!» — щелкнули зубы, и потащил белый разбойник добычу, оставляя на снегу капельки крови.

Весна

Дрожит синий воздух от звона ручьев и птичьих песен.

С кряканьем проносятся утки. Летят казарки. С шумом перелетают стайки белых куропаток. На оттаявших болотцах и озерках гогочут гуси и курлычут журавли.

Сижу, прислонившись к теплой стенке избушки. Слышу, как с легким шумом оседает подтаявший снег.

Зажужжала проснувшаяся муха, хотела взлететь, да упала в холодную тень на снег и опять замерла.

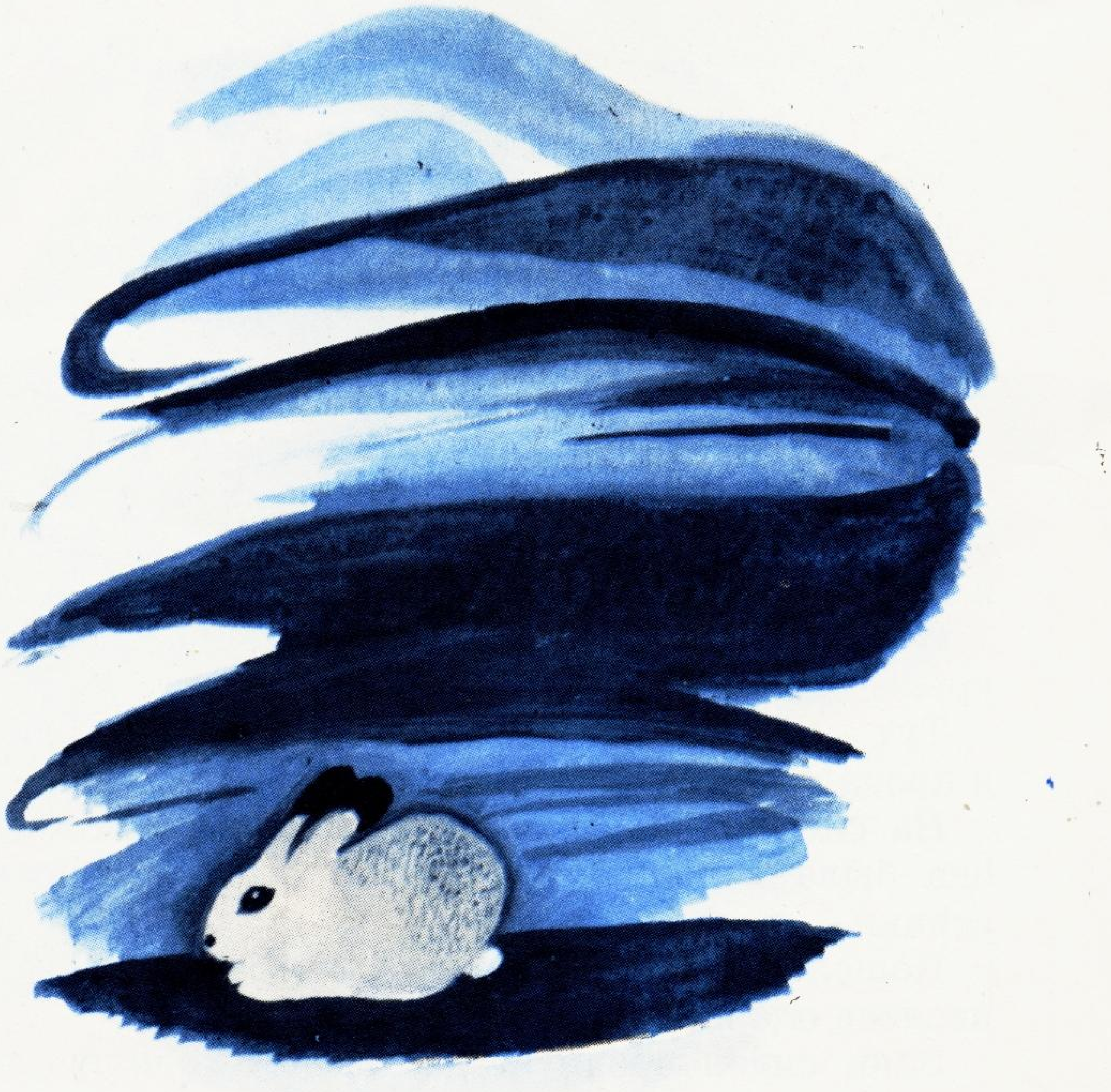
Перед порогом скопилась вода и хлынула под дом. Выскочили оттуда обезумевшие евражки, отряхивая лапки.

— Сейчас! — сказал я и вырубил топором другое русло. Вода обогнула избушку, потекла к реке.

Светит теплое солнце, поднимается разогретый воздух, колеблются очертания гор.

Как мираж, возникает караван оленьих упряжек.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ



Поздравляем призеров военно-исторического конкурса

«Салют, Победа!»

Коллективы, награжденные Почетной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина:

третье звено 7-го класса школы-интерната горянок, поселок Огни, Дагестанской АССР; кружок «Поиск-30», 7-го класса «В» средней школы № 9, г. Воронеж; «Красных следопытов» 8-го класса, село Висим, Пермской обл.; географический кружок «Родина», школы № 63 имени Ленина, г. Баку; клуб «Красные следопыты» Губахинского дома пионеров, г. Новая Губаха, Пермской обл.; отряд имени Героя Советского Союза О. К. Хомутова, 7-го класса «А», школы № 1, г. Сланцы, Ленинградской обл.; учеников 6-го класса «А», средней школы № 1, г. Прейли, Латвийской ССР; отряд 4-го класса «А», грязовецкой школы № 1, г. Грязовец, Вологодской обл.; учеников 4-го класса «Б», школы № 13, г. Череповец, Вологодской обл.; учеников 5-го класса «Б», школы-интерната № 1, г. Череповец, Вологодской обл.; кружок юнармейцев новокаховской средней школы № 3, 6-го класса «Б», г. Новая Каховка, Херсонской обл.; отряд «Искатели» 5-го класса «А», школы № 97, совхоза «Исток», г. Свердловск-61; пионеров отряда имени Зои Космодемьянской, 7-го класса, Луговицкой восьмилетней школы, село Луговики, Чернухинского р-на, Полтавской обл.; звено юных следопытов 4-го класса «А», школы № 3, г. Курск; учеников 8-го класса «А», школы № 1, г. Иваново; отряд имени Александра Матросова 5-го «Е» класса, школы № 12, г. Тюмень; кружок «Друзья книги» школы № 12, г. Тернополь; актив библиотеки средней школы № 1 имени Володи Дубинина, г. Керчь; отряд 5-го класса «Б», восьмилетней школы № 2, г. Тогучина, Новосибирской обл.; совет дружины имени Олега Кошевого, средняя школа № 92, ст. Вельск, Архангельской обл.; учеников отряда имени Героя Советского Союза Зины Портновой, 6-го класса «В», школы № 21, г. Бобруйск, Могилевской обл.; учеников отряда имени Павлика Морозова, 6-го класса «А», школы № 5, г. Бахмач, Черниговской обл.; поисковую группу 4-го класса «А», школы № 36, г. Чита; отряд 6-го «Б» класса, школы № 29, г. Тольятти, Куйбышевской обл.; отряд имени Лары Михеенко, Борисовского детского дома № 1, пос. Борисовка, Белгородской обл.; отряд 4-го класса «В», школы № 68, г. Ижевск, Удмуртской АССР; отряд 6-го класса «В», школы № 2, г. Анапа, Краснодарского края; совет музея боевой комсомольской славы имени А. Матросова, средняя школа, пос. Щирец, Пустомытовский р-н, Львовской обл.; учеников 7-го класса «А», школы № 34, Автозаводского р-на, г. Тольятти, Куйбышевской обл.; штаб военно-спортивной игры «Зарница», 9-й батальон, школа № 9, г. Батайск, Ростовской обл.

Почетной грамотой Центрального музея Вооруженных Сил СССР, книгами награждаются следующие участники конкурса:

Томилов Олег, Тимонин Коля, г. Обнинск, Калужской обл.; **Алешин Юрий, Ковалев Игорь, Стуков Андрей,** г. Хабаровск; **Пузанова Лида,** г. Жигулевск, Куйбышевской обл.; **Шабалина Светлана,** г. Чусовой, Пермской обл.; **Примысская Ира,** г. Новокузнецк, Кемеровской обл.; **Алексеева Ира, Каниболоцкая Наташа, Каниболоцкий Сережа,** г. Майкоп; **Ермакова Елена,** г. Волгоград; **Асютин Сережа,** г. Чирчик, Ташкентской обл., **Митякин Андрей,** г. Красный Луч, Ворошиловградской обл.; **Рожкова Людмила,** г. Алексин, Тульской обл.; **Ищенко Людмила,** г. Рудный, Кустанайской обл.; **Коврижных Оля, Вяткина Люба, Жилина Оля, Зеленин Саша, Каргаполова Лена, Жилина Женя,** р. п. Каргаполье, Курганской обл.; **Адельбаевы Наиля, Наиль и Лилия,** г. Бугульма, Татарской АССР; **отряд «Доброволец»,** школа № 11, г. Лобва, Свердловской обл.; **ученики 6-го класса «В»,** школы № 170, г. Красноярск; **дружина имени Саши Чекалина,** школа № 68, г. Свердловск; **отряд «Поиск»,** школа № 1, г. Мончегорск, Мурманской обл.

Очень многие ребята, хорошо ответившие на вопросы конкурса, получат Почетные дипломы журнала «Пионер».

Вот некоторые из них:

Журавлевы Марина и Дима, г. Москва; **Павлюк Таня,** г. Минск; **Дульнева Марина,** г. Москва; **Морозов Женя,** г. Омск; **Заяц Владимир,** г. Киев; **Дрямины Ирина и Олег,** г. Ижевск; **Смирнова Нина,** г. Химки, Московской обл.; **Коковин Георгий и Татарников Андрей,** г. Томск; **Пичурина Марина,** г. Новоалександровск, Ставропольского края; **Краевская Наташа,** п. Солнечный, Хабаровского края; **Бородич Юрий,** г. Витебск; **Варсанофьева Лена и Юркевич Света,** г. Ленинград; **Шерстобитов Вячеслав,** с. Дранда, Абхазской АССР; **Шевцова Лена и Панкова Света,** г. Донецк; **Малышева Жанна,** г. Ленинград; **Казимова Фероза и Тагирова Нелля,** п. Дагестанские Огни, Дербентского р-на; **Муниц Татьяна,** г. Чехов, Московской обл.; **Янусова Лена,** г. Горки, БССР; **Афанасьев Александр,** п. Березняки, Иркутской обл.; **Телешун Андрей,** ст. Динская, Краснодарского края; **Бурганов Коля,** г. Первоуральск, Свердловской обл.; **Тюрина Ирина,** г. Орск; **Осетров Леонид,** пос. К. Либкнехта, Курской обл.; **Подмаева Лена,** г. Тольятти; **Лисовец Люся,** г. Киев; **Клоц Ирина, Севастьянова Марина,** г. Пермь; **Распопина Таня, Симонова Таня,** г. Гурьевск, Кемеровской обл.; **Колбасова Лена,** г. Целиноград; **Бродская Людмила,** г. Запорожье; **Миркина Юлия,** г. Чирчик; **Аленишкина Лена,** г. Благовещенск, Амурской обл.; **Кравченко Марина,** г. Красный Луч, Ворошиловградской обл.; **Романов Андрей,** г. Москва; **Охрименко Сергей,** г. Сумы; **Столярова Оля, Рюкова Оксана,** г. Петропавловск-Камчатский; **Покровская Таня,** г. Пермь; **Степанова Галя,** г. Энгельс, Саратовской обл.; **Ворошилова Виктория,** г. Новороссийск; **Макаров Владимир,** г. Батайск, Ростовской обл.; **Большакова Лариса, Баринов Александр, Данилов Сергей,** г. Чита; **Томчик Виктор,** п/о Леоновичи, Гродненской обл.; **Спутнов Валерий,** г. Караганда; **Удовиченко Света,** г. Батайск, Ростовской обл.; **Гринякин Александр,** г. Волгоград; **Гарипова Азалия,** д. Сафарово, Башкирской АССР; **Полищук Петя, Мухаметова Дина, Орлов Сережа,** г. Ленинск-Кузнецкий; **Камышникова Таня,** г. Лениногорск, Татарской АССР, **Фадеева Людмила,** г. Свердловск, и еще много ребят.

Мы рады отметить хорошие ответы ребят из зарубежных стран. Наши дипломы получат:

Петя Генчева Гешева, НРБ, г. Свищов; **Бойка Илиева Башлиева,** НРБ, гр. Горна Оряховица; **Мариана Василева Георгиева,** НРБ, гр. Велико Търново; **Елена Иванова Петкова,** НРБ, гр. Велико Търново; **Росица Иванова Милинова,** НРБ, г. Свищов; **«Клуб за интернационална дружба»,** НРБ, Ресен, окр. В. Търновски; **Светла Тодорова Георгиева,** НРБ, г. Свищов; **специализированный отряд при VI классе,** НРБ, с. Горна Студена; **Соня Андреева Ангелова,** НРБ, г. Свищов; **Тодорка Христова Папурова,** НРБ, с. Правда, окр. В. Търновски; **КИД «Олег Кошевой»,** НРБ, с. Ореш, окр. В. Търновски; **Валери Георгиев Пушкаров,** НРБ, гр. Горна Оряховица; **Ханна Пживозней,** ПНР, Мендзыжеч; **Мирослав Мотус и Петер Мотус,** ЧССР, г. Сеница; **Поля Димитрова Николова,** НРБ, гр. Павликени; **Сашка Дочева,** НРБ, гр. Павликени; **Доротея Йорданова Йорданова,** НРБ, гр. Горна Оряховица.

КАЮМ ТАНГРЫКУЛИЕВ,
лауреат премии
Махтумкули

ГЛАЗА ЧАБАНА

РАССКАЗ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Мы едем в Каракумы, в пески.

Меня взял с собой дядя Кулы. Он чабан, овечий пастух. Раньше чабаны уходили с отарами на долгие месяцы, а теперь машин много, чабанов меняют. Вот и мы едем на смену. Путь у нас далекий, мы пробираемся к колодцу по имени «Два тополя». У всех колодцев пустыни есть имена, как у людей. Возле нашего растут два тополя. Два тополя на всю пустыню. Наши тополя чабаны знают.

На коше — так называется стоянка, где живут чабаны, — меня ждет дедушка Чары-ага. Он стар. Он всю жизнь бродил с отарами по пескам. Я еще не родился, когда ему можно было идти на пенсию. Только Чары-ага и теперь об этом слышать не хочет. Ранней весной он уезжает к «Двум тополям» и — до глубокой зимы. А зима у нас короткая.

На коше меня ждет еще Акбай, мудрая собака Чары-ага. И Байыр меня ждет. Так зовут верблюда. Они все старые: и Чары-ага, и Акбай, и Байыр. Но они не могут жить без пустыни.

Весна в пустыне

Вы думаете, пустыня — это пусто? Это — ничего нет? Неправда!

Теперь весна. Вся пустыня зеленая. Каждый куст цветет. Словно огонь по холму — маки, а дальше — сюзен, кандым, борджан, гребенщик, черкез, саксаул попадается, верблюжья колючка. А вон ышкын, его корни можно вместо чая заваривать. Вон серпоносик, он как чеснок. А на вершине бархана раскидистый селин. Скоро вся зелень выгорит на солнце, а селин будет зеленый. Он в корнях влагу хранит.

Орел летит, суслика высматривает или зайца.

Сбегают с дороги и ныряют в норки толстенькие песчанки.

Мы остановились отдохнуть возле брошенного колодца и видели кобру. Она поднялась на хвосте, раздула мешки на шее. Мы ее не тронули. Теперь змей охраняют, их яд нужен для лекарства.

Еще мы видели джейранов. Как они бежали! Так ветер несет смерчи по пескам.

Потом над нашим «газиком» долго летела сизоворонка. Она красивая, как небо.

Мы приехали на кош вечером. Белое огромное солнце уже коснулось дальних барханов. Чабаны сидели на кошме, пили чай, ели каурму, вяленое баранье мясо.

Чары-ага встал с кошмы, поздоровался с дядей Кулы, а мне положил руку на плечо.

Овцы, сбившись в кучу, глядели на новых людей. Помощник Чары-ага навьючивал на верблюда еду, дрова, воду, кошму. Он поедет в степь, туда, где в полночь соберутся овцы на отдых. Овцы пасутся ночью, днем жарко.

Дядя Кулы быстро переобулся. Надел кирзовые сапоги, не то колючка ноги поранит, да и на змею можно в темноте наступить или на скорпиона.

— Отдохни с дороги, сынок! — говорит Чары-ага дяде Кулы.

— Я и так наотдыхался, дорогой Чары-ага! Не терпится в степь.

— А мне можно в степь? — спрашиваю я.

— Мы пойдем с тобой завтра, — обещает Чары-ага. — А сегодня попьем чайку, на звезды поглядим.

— Сказку расскажешь?

— Расскажу.

Сказки

Солнце село. На белые пески опускается с неба тьма. Из-за кибитки выходит мой друг Байыр. Он узнал меня. Я чешу его бока, шею. Верблюд вздыхает, опускается на колени, ложится. Он тоже пришел послушать сказки Чары-ага.

Чары-ага говорит медленно, словно прислушивается к своим словам. Он заканчивает одну сказку и начинает другую. Бесшумно пришел из тьмы старый пес Акбай. Лег возле Чары-ага и тоже заслушался. Слушал, слушал и задремал. Совсем старик. У Чары-ага такие сказки — до утра не заснешь.

Удод

Что было, то было, чего не было, того не было. Растила женщина двух дочерей. Одна дочь была родная, другая — падчерица. Родная дочь в холе живет, падчерица с утра до ночи спину на работе ломает. Совсем загоняла мачеха девочку — расчесать волосы бедняжке некогда.

Приказала однажды мачеха молоко вскипятить. Развела девочка огонь, поставила казан, налила в казан молоко, а сама давай волосы расчесывать. Волосы у туркменок длинные, густые, что река во время таянья снегов в горах.

Воткнула девочка гребешок в волосы, а он ни туда, ни сюда. Молоко, как на грех, поднимается, поднимается — и убежало.

Выскочила мачеха из кибитки, схватила падчерицу за руку и прогнала в степь:

— Ступай, негодная, найди мне пенку. Без пенки не возвращайся.

Заплакала девочка, побежала, а потом и полетела. Руки ее крыльями стали, одежонка пестрая — перышками, в голове гребешок торчит. Стала девочка птицей-удодом. Так и летает она с той поры по белу свету. Летает и кричит:

— Хуп! Хуп! Где моя молочная пенка?

У кого глаза зоркие, тот разглядит: на голове удода — гребешок. Удоду и теперь некогда причесаться.

Икатёк

В давние времена жил на свете один богатый бай. Овец и коней у него было столько, что он им счета не знал. Но всем известно: чем человек богаче, тем скупей. Жестоко наказывал бай чабанов, потерявших скот.

Беда за бедным человеком по пятам ходит. Поехал однажды табунщик в аул, а с табуном сына оставил. Всего день пас мальчик лошадей и двух потерял в степи.

Прибежал он к баю, упал перед ним на колени и говорит:

— Ики ат ёк! Двух лошадей нет!

— Ступай и найди! — закричал бай. — Не то отведаешь камчи. Ты знаешь, какая она у меня.

Камча у бая была толстая, с железным крючком. Не камча — зубастая волчья пасть.

Бросился мальчик в степь. Долго искал, не нашел лошадей.

Взобрался он на высокий бархан и взмолился:

— О! Если бы у меня выросли крылья, я отыскал бы лошадей и вернулся бы к отцу-матери, в родной аул.

Видно, вовремя сказал — выросли у него крылья ястребиные. Полетел он над барханами, над горами, но лошадей не нашел.

— Ики-ат-ёк! Ики-ат-ёк! — кричал он в отчаянье.

Так его и прозвали — икатёк, по-русски это значит «кукушка».

Икатёк не вьет гнезда, не высиживает птенцов: на это у него времени нет, лошадей надо

искать. Яйца икатёк подбрасывает в чужие гнезда, и его дети, оперившись, улетают от чужих родителей и тоже ищут потерянных лошадей. Ищут, а найти не могут.

Утро

Потом Чары-ага рассказывал об охотниках. мергенах, о Махмуде, сыне вдовы. Махмуд пробрался в подземное царство, убил дива, а потом полетел на птице Сумруг... Куда полетел? Я вдруг увидел, что на изумрудных перьях не Махмуд лежит, а я. Это я лечу! И вокруг светлеет, светлеет. Я открыл глаза и увидел солнце.

Овцы вернулись из ночного на водопой.

Овцы умные! Их в отаре полторы тысячи, а из колоды могут напиться сотни две-три, не больше. Вот отара стоит и ждет, пока первые пьют. Потом те, которые напились, отойдут в сторонку и будут ждать остальных. Вместе пришли на водопой, вместе пойдут на отдых.

Акбай ко мне подбежал, положил лапу на плечо. Это значит — Чары-ага меня зовет.

Собака чабана

Когда Акбай был молодой, он даже подвиг совершил.

Помощник Чары-ага ушел в селение за свежими лепешками, остался Чары-ага один с отарой. Ему в пустыне не страшно, дорогу с закрытыми глазами найдет, волки нападут — есть ружье и верный Акбай.

Но вдруг над барханами — дымок, словно кто-то трубку закурил. Если барханы закурились, жди бури.

Погнал Чары-ага овец в низину. В низине ветер потише. Акбай вокруг отары бегает, овец в кучу сбивает. Если овцы испугаются, побегут, их тогда не остановишь, не соберешь.

Овцы в бурю голову к земле и бредут, куда их ветер гонит. А гордый верблюд, наоборот, идет на ветер грудью.

Гудит буран, от пыли темно, в двух шагах ничего не видно, солнца не видно.

Завернулся Чары-ага в бурку, лег возле отары. А буря все сильней. Гром загремел. Вскочили овцы и побежали. Бросился Чары-ага следом — ветер с ног сбил. Песок в глаза лезет, в нос, в уши, на зубах скрипит. Тьма как в погребе. Чары-ага решил переждать бурю.

Под утро ветер утих. Выбрался Чары-ага из-под песчаного холмика, осмотрелся — ни овец, ни собаки. И следов нет, ветер смел.

Поискал, поискал — колокольчик нашел. Такой колокольчик вожак отары носит, козел. Его Серке называют. Потерял колокольчик Серке — беда. Колокольчик далеко слышно, а как теперь искать?

Поспешил Чары-ага в селение, поднял людей. Четыре дня искали отару, на пятый нашли. За много километров от пастбища.

Паслись овцы возле старого заброшенного колодца, а с ними был Акбай.

Пересчитали овец — все целы. Спасибо Акбаю! Пять дней голод и жажду терпел, но овец не бросил, чабана ждал.

Верблюд и мальчик

Верблюд Байыр тоже знаменитый.

Байыр — значит холм. Такой был верблюд сильный и большой. Когда Байыр состарился, Чары-ага не прогнал его. Работать верблюда не заставляли, думали: так старику лучше. А ему было плохо без работы.

Но однажды к Байыру подошел сын дяди Кулы Мурад. Он дал ему кусок лепешки.

— Меня зовут Мурад,— сказал мальчик верблюду,— а тебя — Байыр. Давай дружить.

Мурад приходил к верблюду каждый день, угощал его, гладил ему шею. Верблюд, чтобы сделать приятное другу, ложился на землю — приглашал Мурада покататься.

В конце мая, когда трава в пустыне выгорала, Мурад брал с собой Байыра собирать дро-

ва. Старый верблюд носил их на себе, гордясь, откинув голову и выставив грудь: он снова работал, помогал людям.

Пошли они как-то к дальнему саксаульнику. Здесь было много сухих веток. Мурад радовался, он работал до тех пор, пока солнце не поднялось в зенит.

Стало жарко, как в печи. Мурад захотел пить, и тут оказалось, что он забыл флягу с водой. До дома далеко, Мурад решил завернуть по дороге к большому такыру. Такыр — твердая, ровная земля на месте высохшего озера. На такыре есть ямы, где вода сохранилась.

Такыр был виден издали. Он сверкал на солнце, как зеркало: соль выступила на нем.

Байыр шел, шел по такыру, а потом заупрямился.

— Смотри, — говорил ему Мурад, — до дома далеко, без воды худо будет.

Он хотел поискать яму с водой, но Байыр взял губами рубашку Мурада и потянул его к себе.

— Чудной ты сегодня! — удивился Мурад.— Это от жары. Пошли напьемся.

Байыр не послушал друга, не сдвинулся с места.

Земля пружинила, как подсохшее сверху тесто. До ямы с водой оставалось не больше десяти шагов, как вдруг Мурад провалился по колено, рванулся, но не вытащил ног. Стал погружаться глубже и глубже. Лег животом на землю, земля прогнулась, из трещин стала просачиваться вода.

— Байыр! — закричал Мурад в отчаянии.

Верблюд сделал несколько шагов, лег на брюхо и пополз.

Земля проседала под Байыром, но он подобрался к Мураду. Ухватил зубами его рубашку и потянул, пятясь от страшного места.

Трясина захлюпала, но Мурад уже был на свободе.

Он подполз к Байыру, обнял его смешную верблюжью голову.

— Прости меня, Байыр, — сказал мальчик своему мудрому другу. — Бежим отсюда скорей.

Верблюд смотрел на Мурада печальными добрыми глазами и не двигался. И Мурад увидел, что такыр затягивает Байыра. Трясина отпустила мальчика, но она собиралась поглотить верблюда.

— Байыр, миленький, потерпи! — Мурад сорвал со спины верблюда вязанку саксаула, подоткнул ветки верблюду под живот и, не оглядываясь, побежал к дому.

Он падал много раз, но не лежал, набираясь сил, а полз, потому что трясина ждать не будет.

У него хватило сил добраться до кибитки и прошептать:

— Спасите Байыра, он спас меня.

Утром, придя в себя, Мурад увидел, что в кибитке никого нет.

— Байыр! — вспомнил мальчик и вскочил. Ноги слушались плохо, голова кружилась. Мурад с трудом добрался до двери, вышел на улицу.

Байыр стоял у кибитки, перед ним лежала охапка травы. Байыр перестал жевать, повернул к мальчику голову. И Мурад засмеялся: сено во рту Байыра торчало, как усы.

Глаза чабана

Сегодня той, праздник. На коше остановился караван экспедиции географического института.

Чабаны в честь гостей приготовили много вкусной еды: испекли чабанский пирог ишлекли, сварили плов и шурпу — суп.

Когда все наелись, началось чаепитие, пошли разговоры.

Всех тревожила засуха. Весна подходила к концу, а дождей все не было. Трава быстро выгорала. Скоту грозила бескормица.

— Не горюйте — еще наш той не закончится, как над пустыней пройдет сильный дождь.

Это сказал Чары-ага. Он только что пригнал свою отару на водопой.

— Откуда ты знаешь это, Чары-ага? — спросил начальник экспедиции. — На небе пусто.

— Я знаю это так же точно, как еще вчера знал, что ваша экспедиция сегодня будет здесь, у нашего колодца, — засмеялся Чары-ага.

— Чары-ага, ты говоришь загадками.

— Какие загадки! Я торопился на той по вашим следам. Дети мои, вы учились многие годы в школе и университете, мой учитель — Каракумы. Десять лет назад я продал вашей экспедиции своего верблюда, а сегодня он вас сюда привел. Я узнал его следы. Человека узнают по лицу, верблюда — по следам.

— Чары-ага, как ты узнал, что будет дождь?

— Когда я подгонял отару к колодцу, овцы сбивались в кучи, припадали к земле, словно под ветром... Будет, будет дождь!

Ученые люди не очень-то поверили моему дедушке. Все так же беспощадно палило солнце, ни облачка, ни ветерка.

Но мы не закончили еще чаепития, когда над песками пролетел сильный ветер. Ветер принес тучи, тучи пролились дождем.

Экспедиция уходила по мокрому песку. Пустыня на глазах зеленела. От мокрого песка пахло рекой.

С отарой

Язхан-ага, отец Кулы-ага, был чабаном, и отец отца был чабаном, и отец его отца...

Облокотившись на кривую палку, Кулы-ага неподвижно стоит среди пустыни. Как великан. А перед ним повисло над холмами усталое вечернее солнце.

Мы потихонечку идем за овцами. С нами собаки Сакар и Басар. Солнце у самой земли, но пески еще дышат огнем.

Кулы-ага прислушивается к звону колокольчика. Серке поворачивает отару — почуял хороший корм. Отара идет, пасется. Кулы-ага оперся на палку, засмотрелся на закат.

Солнце зашло. Помигало нам на прощание красными лучами и укатилось отдыхать. Солнцу отдых, нам — самая работа.

— До завтра! — сказал Кулы-ага солнцу.

Это единственное, что я от него услышал. А мы уже два часа идем с отарой. Дядя Кулы — молчун.

Поднялась над холмами луна. Кулы-ага поймал своего ишака, повесил ему на шею колокольчик: на ишаке продукты и вода для чабанов и для собак.

Песок остыл, прохлада потекла по пустыне. Под светом луны песчаные холмы стоят, будто облитые молоком. Так светло, что песчинки вспыхивают под ногами.

Овцы жуют, не поднимая головы.

Собаки легли у ног Кулы-ага. Положили головы на лапы. Глаза спят, но уши от любого шороха трепещут, как листья на ветру. Собаки спокойны сегодня: ночь светлая, волки не посмеют напасть на отару.

В полночь овцы перестали пастись, сгрудились. Постояли и стали укладываться на отдых.

Кулы-ага вывел из стада ишака, снял с него припасы, воду. Наломал сухих веток черкеза, запалил костер.

В медной тунче поставил воду. Для собак — резиновая поилка. Сакар поднялся. Басар напился лежа. Костерок маленький, но от него тепло.

Закипает вода в тунче. Кулы-ага не жалеет заварки: от крепкого чая сон отступает.

Чай мы пьем шагах в десяти от костра, на разостланной бурке. Долго засиживаться возле костра опасно. На свет ползут и фаланги, и каракурты, и скорпионы — всякая ядовитая нечисть.

Костер слизал последние ветки и затих. И все вокруг затихло. Даже свет луны потускнел будто. Звезды стало видно. Собаки ушли в обход. Отара дремлет.

Кулы-ага положил под голову кривую палку, свою чабанскую жесткую подушку, и опять засмотрелся на небо. И я смотрю на небо. Вот путеводная Полярная звезда. Вот Большая Медведица. Всю ночь она крадется, хочет обойти красавицу звезду. К рассвету Большая Медведица передвинется к Востоку, встанет за спиной Полярной звезды, и в это время над барханами появятся веселые Плеяды.

Язхан-ага учил звездной грамоте Кулы-ага, а меня учит Чары-ага. Чабаны знают небо не хуже астрономов.

— Сынок, — сказал мне однажды Чары-ага, — ты должен знать пустыню, как свою ладонь и как свои пять пальцев на руке — небо. Кто не знает неба, тот не узнает пустыню.

Овцы зашевелились, пошли. Мы с дядей Кулы поднимаемся и бредем следом за отарой.

Овцы идут к колодцу, к воде.

Небо светлеет, сладко пахнет пылью и травой.

Чары-ага утром встретит нас у костерка и угостит душистым зеленым чаем. Я у него любимый внук. Он сам так говорит. Я люблю нашу красавицу пустыню. Я люблю ходить за отарой, может быть, так же крепко, как сам Чары-ага.

Перевел с туркменского Вл. БАХРЕВСКИЙ.

Академия Домашних Волшебников

Калинка сняла шапочку-невидимочку, положила ее в карман, а из кармана достала маленький белый прямоугольник с четкими светящимися буквами: «А, Д, В. Высшая ступень».

— Ой,— зашумели ребята,— Калинка-а-а! Наконец! Поздравляем тебя. Теперь устроим пир на весь мир!

— Пир на весь мир через неделю...

Боб подумал и спросил:

— Трудно было?

Калинка подумала и ответила:

— Трудно...

— Но ты ни капельки не устала,— сказала Лёка,— и румяная такая же и глаза веселые.

Калинка засмеялась:

— Экзамены, конечно, — трудное испытание. Но заниматься-то еще тяжелее, уставать нельзя.

— А наша знакомая взрослая девочка Нина поступала в университет, так прямо вся высохла и посинела. Мама ее и валерьянкой отпаивала и делать ничего дома не разрешала, из комнаты месяц не выпускала: «учи, учи и учи». Ужас какой-то!

Калинка сокрушенно покачала головой:

— Напрасно мама так ее мучила. Экзамены — проверка не только знаний, но и воли, собранности, быстроты реакции, даже бодрости духа, находчивости и, представьте себе, веселого настроения.

Боб засмеялся и сказал:

— Профессор тебе вопрос задает, а ты ему в ответ: «Ха-ха!»

Калинка засмеялась и сказала:

— Нет, не так. Профессор тебе вопрос задаст, кажется, трудный, но, по сути дела, легкий, на быструю сообразительность. А если ты только и делал два месяца, что за книжками сидел, весь сине-зеленый стал, ночью спал плохо, да еще валерьянкой напичканный, то ты и вопроса не поймешь.

— Ты и во время экзаменов и в теннис играла и плавала? — спросила Марина.

— Конечно. И комнату свою убирала, и на кораблике летала, и, между прочим, новую форму себе сшила.

— Ты в академию будешь в форме ходить? — удивилась Лёка.

— Да.— Калинка повернулась на каблучке, хлопнула в ладоши, попросила всех на минутку закрыть глаза. Когда ребята снова открыли их, она уже была в синем платье с белым воротничком и манжетами, и косички были аккуратно подобраны и перевязаны синим витым шнурком.

— Ой! — сказала Лёка.— И складочки! И строчка... А фартук?

— Фартук мне не нужен. Это смешно и громоздко.

— Знаешь, Калинка, я все время хотела, чтобы школьную форму для девочек изменили, сделали бы брючный костюм или куртку. А теперь, мне кажется, не надо. Я походила летом в джинсах и куртке, так надоело. С удовольствием буду носить платье.

— И я,— сказала Марина,— только мне кажется, что фартук действительно не нужен. И потом, не обязательно для формы коричневый цвет. Можно синий, зеленый, даже черный, темно-серый. Они не маркие. А то ведь надоест без конца чистить да стирать. Я тоже хочу новое школьное платье.

— У нас, у мальчишек, новая форма! — гордо сказал Алеша.

— Знаю, знаю, — улыбнулась Калинка,— очень красивая!

— Только,— засмущался Алеша,— брюки не модные.

Калинка засмеялась:

— Тебе хочется модные брюки. Девочкам — новые школьные платья. А Бобу...— она повернулась к Бобу и внимательно посмотрела на него...— совершенно необходим вязаный жилет, белый с синими полосками.

Боб удивился. И откуда Калинка узнает, что человеку надо!

Школьная форма для Марины, размер 44

Расход ткани при ширине 90 см —3 м 20 см.

Прежде всего продекотируем ткань, прогладив ее через мокрую хлопчатобумажную ткань.

1-2 — передняя и задняя половинки лифа по 2 детали;

3-4— передняя половинка юбки по 2 детали;

5-6— задняя половинка юбки по 2 детали;

7— рукав 2 детали;

8— манжеты 2 детали;

9 — воротник-стойка 4 детали.

Пояс кроим по долевой нити 8×72 см.

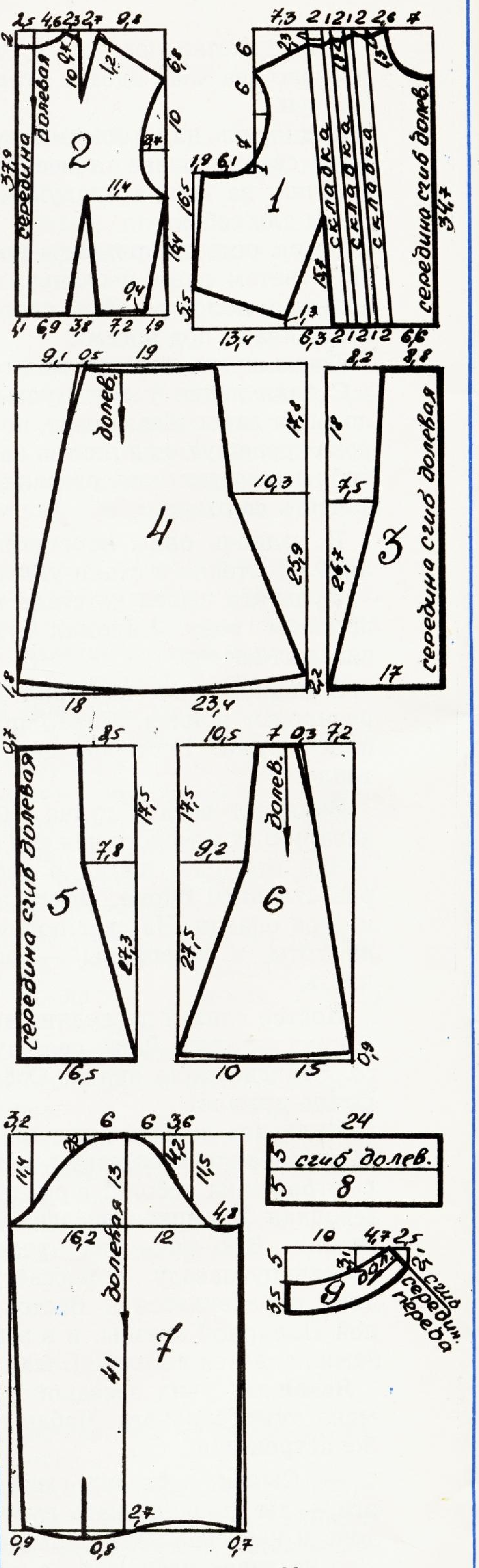
Детали раскладываем на ткани по долевой нити. Обводим контуры мелом, вторым контуром обводим припуски на швы (на открытые срезы —2 см, на скрытые — 0,7 см). Осторожно разрезаем ткань. Прокладываем контрастную нитку, отмечая центры деталей, линии складок. Заметываем складки на лифе, сметываем вытачки, боковые и плечевые швы, клинья юбки, правый рукав.

Делаем примерку. После примерки в той же последовательности стачиваем все швы. Мягкие складки на юбке отстрачиваем отделочной строчкой до линии бедер. Воротник-стойку и манжеты делаем на тонкой прокладке. В шов спинки вставляем «молнию». Пояс застегивается на крючки или пуговицу, манжеты на пуговицы.

Школьная форма для Лёки, размер 40

Расход ткани при ширине 90 см — 3 м.

1-2— передняя и задняя половинки лифа, по 2 детали;



Школьная форма для Марины.

1а — вставка платья с **застроченными** защипами 2 детали;

3— рукав 2 детали;

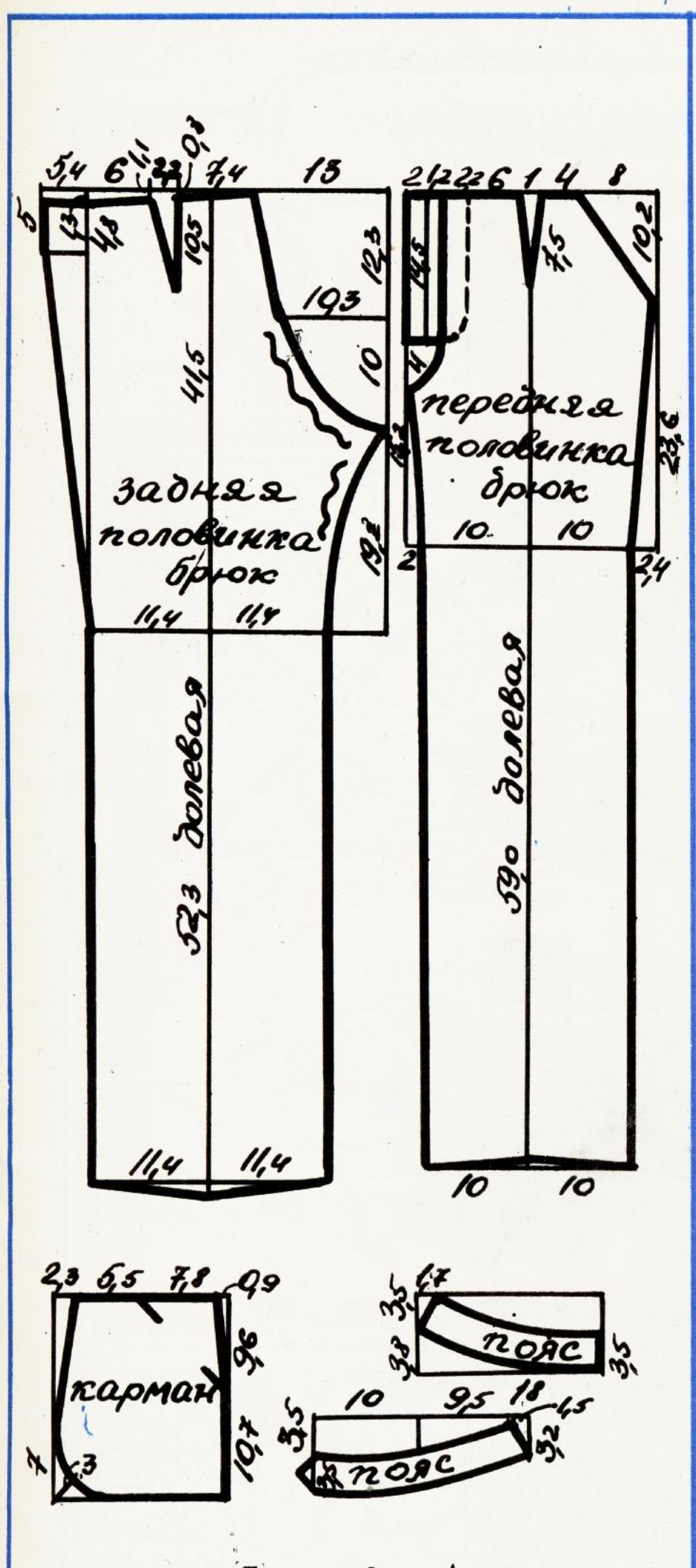
4— манжеты 2 детали;

5 — половина 1/6 юбки;

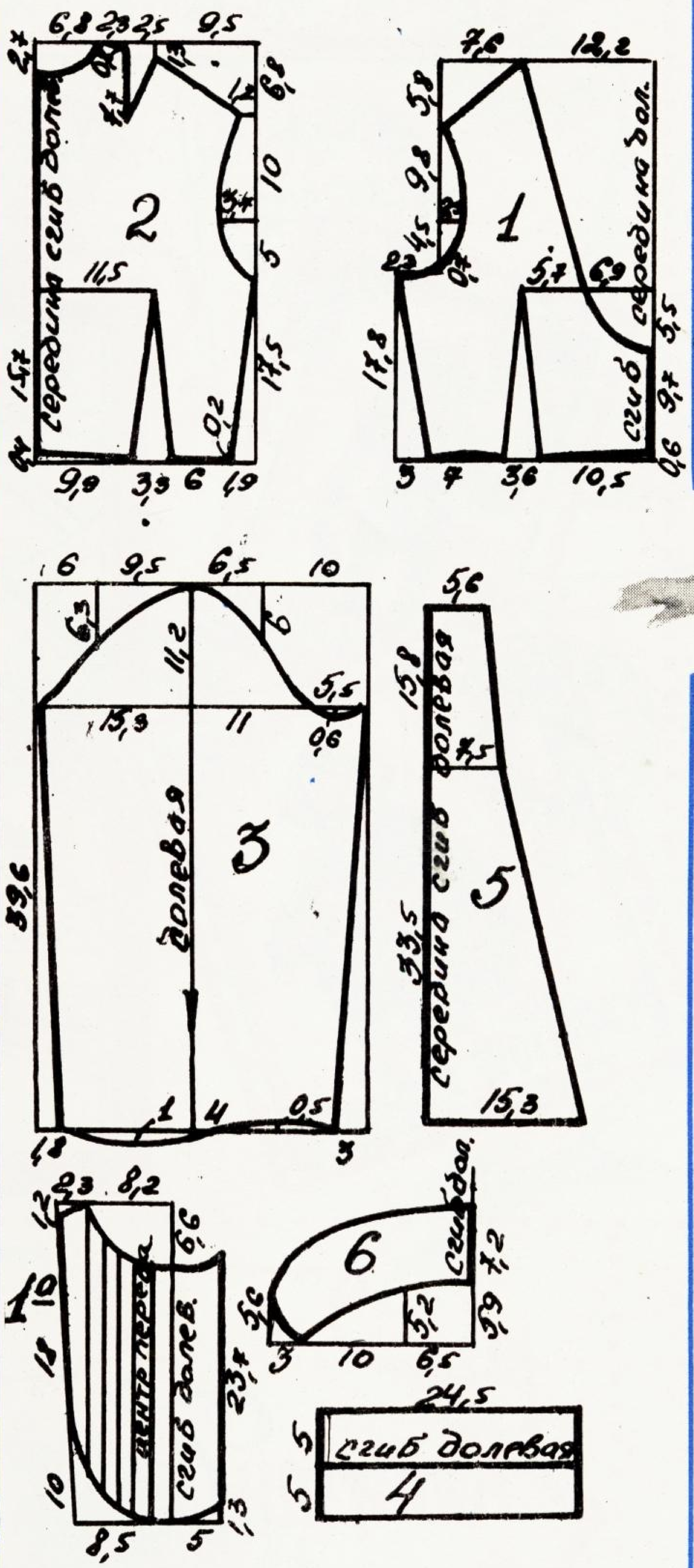
6 — воротник 4 детали.

Пояс выкроить 8×70 см — по долевой нити.

Делая чертеж, клин юбки чертим на согнутой вдвое бумаге (вырезав и развернув, получим пол-



Брюки для Алеши.



Школьная форма для Лёки.

ный клин). Это и будет 1/6 объема юбки.

И еще. Прежде чем кроить вставку, на прямоугольном куске ткани, большего размера, чем выкройка вставки, застрочим защипы.

Все делаем, как обычно: сметываем детали, делаем примерку, стачиваем швы. На передней половинке лифа линию вставки обрабатываем подкройной обтачкой, выметываем ее, потом лиф накладываем на вставку и отделочной строчкой на 0,5 см пристрачиваем вставку к лифу. Мягкие складки на юбке располагаем симметрично от центра и отстрачиваем отделочной строчкой на 0,5 см от талии до линии бедер. Манжеты застегиваются на пуговицы. Вшивая воротник в горловину, горловину немного припосадим.

Брюки для Алеши, размер 42

Длина брюк 83 см, объем бедер 88 см.

При ширине ткани 90 см расход ткани 2 м 10 см, при ширине 140 см — расход ткани 1 м 05 см.

Чертеж (выкройку) в натуральную величину построим на миллиметровке или на гладкой бумаге.

Припуски на швы не указаны, поэтому при раскрое прибавляем 1,5—2 см на открытые срезы, 0,7 см на скрытые, на подшивку низа брюк 6 см.

Раскладываем все части кроя на ткани по долевой нити. Осторожно разрезаем ткань по выкройке, оставляя припуск на швы.

На передних половинках брюк отмечаем ниткой линии центра.

Сметываем и застрачиваем вытачки, обтачиваем срезы карманов и приметываем подкройной карман к передней половинке брюк.

Следующий этап — влажно-тепловая обработка с помощью утюга и влажной тряпки.

Передние половинки сгибаем по линии центра и заутюживаем стрелку, сутюжив под коленом, в области голени, по шаговому и боковому швам. В задней половинке оттягиваем утюгом шов сиденья — слонку, помеченный на чертеже волнистой линией.

Далее складываем заднюю половинку (отдельно левую и правую), совмещая боковой шов с шаговым, и заутюживаем стрелку, оттянув ее в области голени, а шаговой и боковой швы там же сутюживаем.

Сметываем брюки. Сначала боковые швы, потом шаговые, а потом шов сиденья.

После примерки сострачиваем швы, проглаживаем, приметываем и пристрачиваем пояс и окончательно отутюживаем брюки.

Расчет вязаного жилета для Боба сегодня я сделать не успела. Придется тебе, Боб, чуть подождать...

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Гвинейский почтальон

Шагает по Гвинее
Веселый почтальон.
Скажите нам скорее:
В каком же месте он?

МАРКА деда Буквоеда

Дед Буквоед решил собирать марки. Начал он с марок Гренландии.

— Почему в твоем кляссере только гренландские марки? — спросил Живживка.

— Мне очень нравится слово «Гренландия». Из букв, входящих в него, легко составить названия многих стран. А это бывает не часто!

Живживка тут же стал придумывать, названия каких стран можно составить. Помогите ему, ребята.

Лупа и Пинцет.

Капитан Перо-86 ищет помощника

Карандаши, вооруженные луками, готовят нападение на летний лагерь Резинок. Резинки разведали, что стрельбище

Карандашей находится в березовой роще.

Здесь, неподалеку от костровища, они нашли обрывок бумаги со словами: «Итого 377 стрел».

Как вы думаете, сколько Карандашей готовилось к нападению, если предположить, что все они вооружены совершенно одинаково?

НАБРОСКИ

У центральной клумбы сквера
Дождик хлещет по спине,
Встретил он эрдельтерьера.
Напиши скорее мне:
Чей хозяин справедливей?
Всю дорогу зонтик нес.
Но внезапно хлынул ливень.
Белый пудель, умный пес.

*

Все распутать очень просто,
Поразмыслив, не спеши,
Расставь как следует рисунки,
Стихи как надо напиши.

ВЕЛОСИПЕДНЫЙ КРОСС

Совет капитана Перо. Задача эта не очень сложная, но лучше составить две таблицы: одну — для велосипедов, другую — для шапочек, тогда вы быстрее доберетесь до финиша.

Живживка.

Три друга, медвежонок, лисенок и зайчонок, участвуют в велосипедном кроссе. Каждый из них едет на велосипеде одного из друзей и надел спортивную шапочку друга.

Тот, на ком шапочка зайчонка, едет на велосипеде лисенка. Кто едет на велосипеде медвежонка?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7.

Четыре индейца

В книжке были портреты индейцев племени апашей, навахов, сиу и гуронов.

Нужен рулевой

Вот какие нужно сделать повороты, чтобы побывать на всех островах в океане.

СПАСИБО! Всем ребятам, приславшим ответы на задачи «Спасите льва» и «В гостях у облаков».

СОДЕРЖАНИЕ

Салют, Победа! — Л. Симонова.— Рисунки Ю. Фоменко 1

Боевой листок. Рисунки Ю. Фоменко 4

Салют, Победа! Песня.— Музыка Ю. Чичкова. Слова К. Ибряева 7

Флаг-капитаны.— Повесть В. Крапивина. Продолжение. Рисунки А. Гришина, С. Трофимова 8

Коммунист, сын коммуниста.— Е. Кавелина. Фото Н. Рясина . . . 24

Военно-исторический конкурс «Салют, Победа!»

Урок мужества.— В. Близненкова 26

Кривая берега. Кто скрывался в кустах. Старый конь Пахом. Пастух. Прополка. Птица Дождь.— Стихи М. Борисовой. Рисунок А. Борисова 32

Синий цвет — цвет счастья.— О. Тихомиров. Рисунки С. Острова . 34

Встреча с Дон Кихотом. Путешествие с капитаном Гаттерасом. Третий класс и Соколиный глаз.— Стихи И. Фонякова. Рисунок И. Красулина 40

Море света.— В. Рич. Рисунки В. Дудкина 42

«Кораблик» 46

Шестая Беломорская.— Повесть Л. Яхнина. Рисунки И. Урманче . . 48

Красная тетрадка

«Лесная сказка».— Н. Кибиткина. Фотографии В. Постникова. Рисунки Ю. Карповой 58

Радий Погодин.— А. Крестинский 62

Путешествие за Полярный круг.— Петр Багин. Рисунки автора . . 64

Поздравляем призеров военно-исторического конкурса «Салют, Победа!» 69

Глаза чабана.— Рассказ М. Тангрыкулиева. Перевел с туркменского Вл. Бахревский. Рисунки Б. Гуревича 70

Академия домашних волшебников 76

Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78

В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Марковой 80

На обложке:

Танк стал теперь на вечный пост...— Стихи В. Фетисова. Рисунок А. Аземши.

Главный редактор С. А. **ФУРИН**.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**

Макет **А. М. ГРИШИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1975 г.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/V 1975 г. А 00873. Подписано к печати 2/VII 1975 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 540 000 экз. Изд. № 1528. Заказ № 760.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва. А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Турниры, турниры...

Сколько интересных соревнований юных шахматистов было этим летом! Сборные команды Дворцов пионеров, возглавляемые гроссмейстерами и мастерами, оспаривали почетный приз «Комсомольской правды». В Ростове-на-Дону финишировала «Белая ладья». Призы «Пионерской правды» и «Пионера» завоевали самые дружные, самые сильные команды.

А в турнирах клуба «Белая ладья», которые проходили по всей нашей стране, в прошлом учебном году участвовало больше миллиона ребят.

Скоро «Белая ладья» снова понесется на всех парусах. Готовы ли вы, друзья Пешкина, к новым испытаниям? Оседланы ли ваши шахматные кони, проверены ли хитрые комбинации и коварные ловушки?

Для всех ребят, которые хотят лучше усвоить правила игры и законы шахматной стратегии и тактики, Пешкин открывает постоянное

Справочное бюро

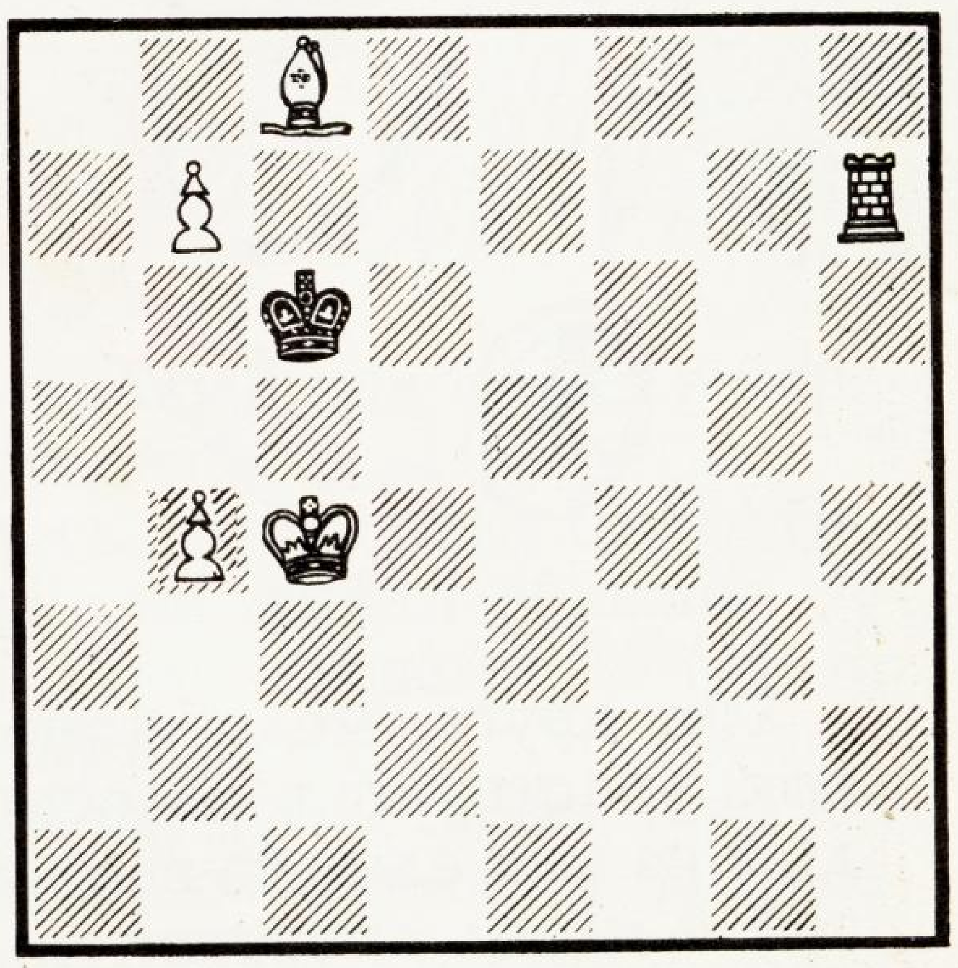
Вот о чем спрашивают **Лида Черкасова** из Волгограда и **Сережа Петухов** из Томска:

«Как вести запись партий?»

«Ребята говорят, что необходимо записывать партии, если хочешь научиться хорошо играть. А без этого нельзя обойтись? Ведь их трудно записывать».

Каждый любитель шахмат должен уметь записывать партии. А как ты, Сережа, будешь читать учебники шахматной игры, не зная шахматной азбуки? Как будешь разыгрывать партии мастеров?

Записывать партии совсем не трудно. Верхняя диаграмма на следующей странице поможет всем,



кто еще не научился записывать шахматные позиции.

Система записи называется шахматной нотацией.

Вертикальные ряды шахматной доски обозначаются буквами латинского алфавита (a, b, c, d, e, f, g, h), а горизонтали—цифрами от 1 до 8. Каждое поле доски обозначается буквой вертикали и номером горизонтали.

Доска всегда рассматривается со стороны белых. К примеру, в начальной позиции черные пешки стоят на седьмой горизонтали. Для черных эта горизонталь вторая, но все равно черные тоже считают ее седьмой.

Названия фигур записывают сокращенно: король — Кр, ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К, пешка — п. Вот перед вами запись начального положения белых.

Белые: Кре1, Фd1, Ла1, Лh1, Сс1, Сf1, Кb1, Кg1, пп. a2, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

А теперь запишите начальное положение черных.

При записи хода указывается сокращенное название фигуры, поле, на котором она была, и поле, на которое она передвинулась. При ходе пешкой буква «п» не ставится.

Вот еще некоторые обозначения.

Рокировка в короткую сторону записывается так: 0-0, в длинную сторону 0-0-0, взятие фигуры двоеточием (:), шах — плюсом (+), мат — знаком умножения (×).

А теперь Пешкин предлагает вам, ребята, разыграть такую партию и отметить удачные и неудачные ходы, сделанные противниками. Хорошие ходы отмечайте восклицательными, а плохие вопросительными знаками.

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. Cf1—c4 Cc8—g4 4. Kb1—c3 g7—g6? 5. Kf3 : e5! Cg4 : d1? 6. Cc4: f7+ Kpe8—e7 7. Kc3—d5 ×.

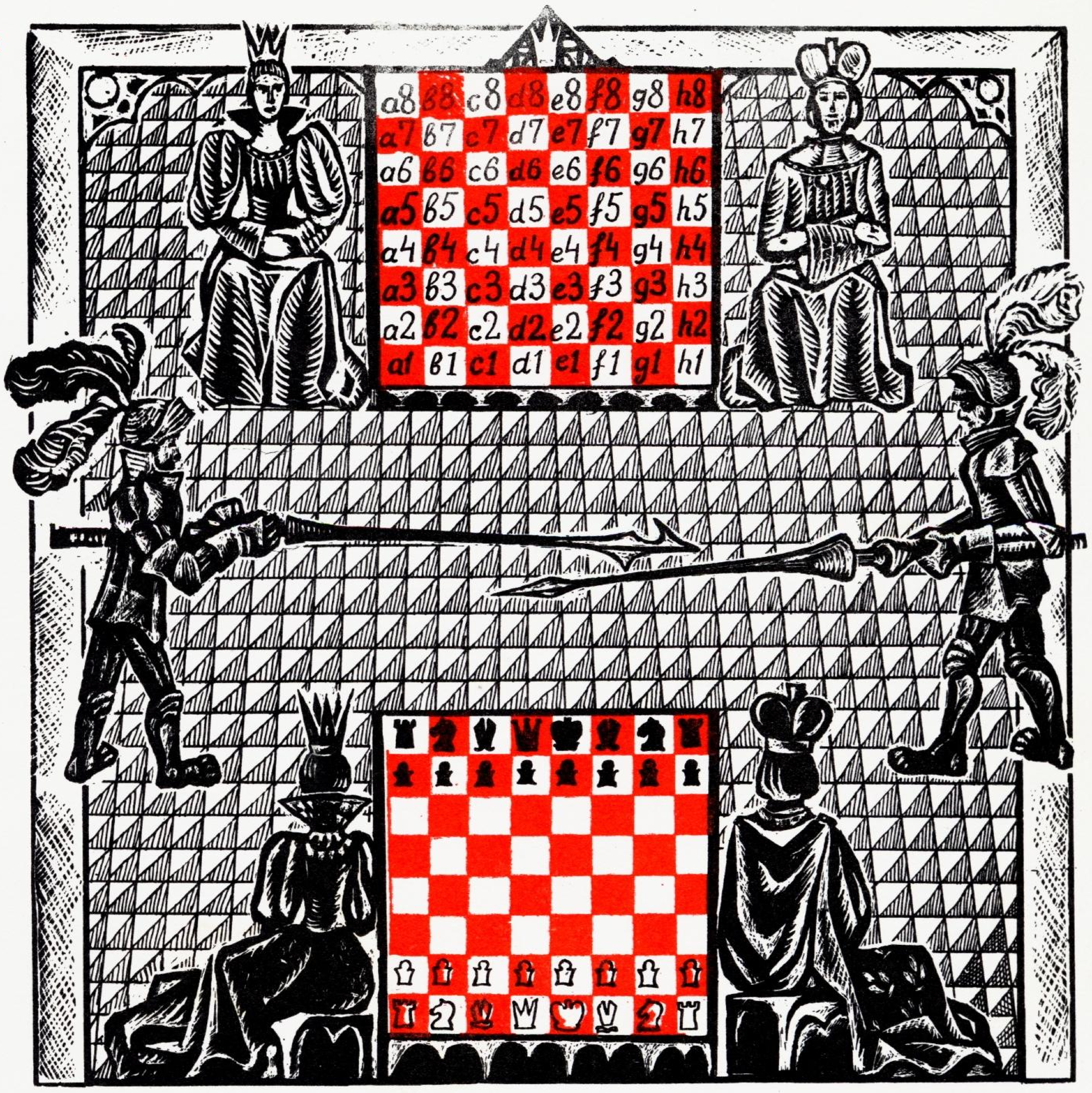


Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

Проверьте свои решения

Около восьми тысяч писем получил Пешкин от участников конкурса. Жюри проверяет ваши ответы, ребята. Чтобы вы могли проверить свои решения, даем ответы на задачи, помещенные в первых номерах журнала.

№ 1. Двухходовка: 1. Крf2; трехходовка: 1. Крd3 Крh7 2. Фh1 или 1... Крf7 2. Фf2.

№ 2. Двухходовка: 1. Фd1; трехходовка: 1. Кf7 Кр : f7 2. Фе4 или 1... Кре7 2. Фd5, если 1... Крf5, то 2. Кg5.

№ 3. Трехходовка А. Шошина: 1. Кс7! Крf4 2. Фе7, или 1... Крf6 2. Л : f5 +. Задача И. Шумова: 1. Лf6 b5 2. cb ed 3. b7 Кd6 4. b8 К×.

Прекрасно справились с задачами: **Саша Седаш** (Бердянск), **Андрей Шваб** (Новосибирск), **Светлана Шерман** (Казань), **Вадим Шматков** (пос. Большой Камень, Приморский край), **Александр Орлов** (Тбилиси), **Игорь Кондылев** (Набережные Челны), **Володя Чернышев** (пос. Первомайский, Крымская обл.), **Таня Билас** (Джезказганская обл.), **Витя Цыба** (Краснодар), **Аня Баранова** (Москва) и много других ребят.

Конкурс Пешкина

На 80-й странице вы видите необычную позицию. По существу, тут четыре задачи на одной диаграмме.

Как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода?

Найдите решение, снимите с доски слона с8. Поставьте белого слона на f7, затем на f8 или на h8. В каждой новой позиции белые дают мат в два хода.

Пешкин ждет ваших писем, ребята.

И еще одно, не конкурсное, а тренировочное задание. Расставьте на доске задачу, составленную **Александром Усеней** из деревни Пасека, Минской обл., и решите ее.

Белые: Крf4, Ла3, Се2, Се7, Кс5, Кf5, пп. f6, h7.

Черные: Крf7, g4.

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

*

В Ростове-на-Дону проходил финал турнира «Белая ладья». Участникам его прислал письмо чемпион мира.

«Дорогие ребята! Очень рад возможности поздравить вас, пожелать вам больших спортивных и творческих успехов.

Командные соревнования пионерских дружин стали отличной школой для юных шахматистов, будущих мастеров и гроссмейстеров.

Нет сомнений, что и в этом году развернется упорная борьба за почетные призы газеты «Пионерская правда» и журнала «Пионер».

Будут среди вас и победители и побежденные. Хочу сказать и тем и другим: главное все же борьба, воспитание своего характера. Успехи обязательно придут, если постоянно работать над шахматами и по-настоящему их любить».

А. КАРПОВ.

— В СТРАНЕ ШАХА-ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ —

Над танком — небо голубое.
Под ним — гранитный пьедестал.
А было поле полем боя.
Железный град в броню хлестал.
Горела рожь.
Был день атак.
Шли в рост разгневанные люди.
Их вел в атаку этот танк,
взяв на себя огонь орудий.
«Ура-а-а!!!» —
и дрогнули враги.
Мы поле наше с бою взяли.
С чужой простреленной брони,
как змеи, свастики сползали.
Танк стал теперь на вечный пост.
Он в этом поле был солдатом.
И мощный трактор К-700
его считает старшим братом.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.